

РС

К 89

К1078110

ПАМЯТЬ

Дмитрий
Кузовлев

ДО КОНЦА ЖИЗНИ

ПАМЯТЬ

Дмитрий
Кузовлев

**ДО КОНЦА
ЖИЗНИ**

*Записки
тридцатитысячника*

МОСКВА
СОВРЕМЕНИК
1987

РР
К89

Общественная редколлегия
серии «Память»:

Буганов В. И., Каргалов В. В.,
Лихачев Д. С., Осетров Е. И.,
Утехин Н. П., Ученова В. В.

К $\frac{4702010200-181}{M106(03)-87}121-87$

НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Я читал эту книгу, перечитывал некоторые места с особым чувством — будто разговаривал с человеком, который, как сообщили по телефону, несколько дней назад умер.

Читая, я слышал его голос: он рассказывал мне суровую правду о народной жизни, жизни невыдуманной. Это наверное потому, что многое из прочитанного я действительно слышал от самого автора этих «записок», от Дмитрия Михайловича Кузовлева.

Впервые я встретился с ним в начале 1975 года на одном бурном и не совсем обычном совещании, которое проводили Министерство сельского хозяйства СССР, ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок и редакция журнала «Сельская новь». А участвовали в нем руководители многих хозяйств, партийные, советские и профсоюзные работники всех областей и республик. Здесь же были ответственные сотрудники Госплана СССР, Госстроя СССР и союзных республик, Минсельстроя СССР, ученые, архитекторы, писатели, журналисты. Правда, в совещание эта встреча в Минсельхозе переросла уже в ходе двухдневных яростных дебатов, а поначалу созывали на «Круглый стол» для обсуждения проблем перестройки села, по которым на страницах боевитого тогда журнала «Сельская новь» весь 1974 год велась острейшая дискуссия.

Это сейчас осуждена практика застройки сел многоэтажными домами и взято преимущественное направление на усадьбную застройку. Это теперь в большинстве мест взялись за обустройство всех без исключения деревень. А тогда дом с огородом и садом объявлялись ретивыми градостроителями пережитком проклятого прошлого, возводить усадьбные дома в селах запрещалось. Хуже того, подавляющее большинство деревень во всех зонах страны объявлялись «неперспективны-

ми», подлежащими ликвидации, в их числе оказались не только малодворки, но и довольно крупные села, в которых проживало до тысячи человек. Это теперь мы знаем, сколько бед натворили эти бездумные прожекты, а тогда их авторы были в большом почете и, как говорится, уже готовили на костюмах дырочки для ожидаемых орденов за столь старательную перекройку веками складывавшегося расселения и за возведение экспериментальных многоэтажных сел, фотографии которых можно было увидеть чуть не в каждом номере любой газеты.

И вот представьте переполох в стане проектировщиков и градостроителей, когда в хоре похвал они вдруг четко слышали и даже прочитали, что все, ими сотворенное, не что иное, как угрюм-бурчеевщина, что им удалось довести до конца те сумасбродные идеи, которые вынашивал Угрюм-Бурчеев, но воплотить их в жизнь так и не смог, что они, последователи его, втиснули, наконец, «весь видимый и невидимый мир в одну прямую линию». Как же перестройщики разгневались! И мы, зачинатели этой дискуссии, хорошо понимали, что нас ждет на этом совещании. Утешались древней народной присказкой: «Или грудь в крестах, или голова в кустах».

И вот в самые последние часы перед «боем» в редакцию зашел незнакомый нам человек, представился: «Кузовлев, Дмитрий Михайлович, первый секретарь Шекснинского райкома партии». Спросил, кто здесь кто, а познакомившись, как-то озорно засмеялся и сказал: «Молодцы, спасибо вам за правду-матку». Мы немного ободрились: похвала партийного работника, да еще сельского, в этой ситуации для нас значила много. А главное — на совещании будут не только наши противники, но и сторонники, должны же и они сказать свое слово. Намекнули об этом своему неожиданному посетителю. «Мы-то скажем,— все так же озорно откликнулся Кузовлев.— Однако не мы закоперщики, а вы, так что сами уж принимайте все, что заслужили.— И посерьезнев, сказал: — Ох и насыпят же вам, братцы, на орехи». Что насыпят, в этом мы не сомневались, однако на душе стало чуточку легче.

И вот началось совещание. Первые выступающие снисходительно-добродушно заговорили о том, что в столь сложные вопросы, как перестройка села, вообще-то не надо лезть писателям и журналистам, что прежде чем бить в колокола и будоражить общественность, надо было проконсультироваться со специалистами. И ничего по сути проблемы. И тут я получаю от Кузовлева записку, в которой он очень метко ха-

рактизует обстановку: «Создается впечатление, что вас слегка жуют, как расшалившихся ребятишек».

Однако это благодушно-чванливое журение было лишь запевом и быстро сбилось на гнев, зазвучали обвинительные речи, в которых на все лады склонялись зачинатели дискуссии и руководители журнала, «ошельмовавшие генеральную линию в преобразовании села». По их словам выходило, что все нами сказанное — это поклеп, это неприкрытый призыв идти «не в ту сторону», а все ими сотворенное — единственно верное и непогрешимое.

И снова получаю записку, опять от Кузовлева: «Невольное вспоминается Белинский... Только в русской литературе осталась еще истинная забота о благе народа, истинная мечта о счастье. А чины в суете, и никакой ответственности перед народом».

Я был благодарен ему за подобную поддержку, но, думал, лучше бы он не записки посылал, а вслух сказал свое мнение. Однако Кузовлев молчал, лишь внимательно слушал и иногда покачивал головой, выказывая свое несогласие с очередным оратором.

Тем временем участники совещания, расшалившись, все яростнее требовали обязательной и строгой кары зачинателям дискуссии, все упорнее отвергали те доводы, которые высказывались против утвердившейся практики в перестройке села.

Казалось, всё, мы биты. И вот тут, в самый критический момент, попросил слова Кузовлев. Вышел и, обращаясь к праздновавшим уже было победу госстроевцам и почти безучастным минсельхозовцам, сказал с болью и гневом: «Теперь я понимаю, почему так трудно нам, селянам, живется, почему мы, низовые хозяйственные и партийные работники, не можем ни доказать ничего, ни отстоять, ни добиться. Потому что мы говорим одно, а из министерств и ведомств требуют совсем другого — и никаких доводов и слушать не хотят».

Зал притих, а Кузовлев говорил и говорил о нуждах села и директивах сверху, идущих зачастую вразрез с этими нуждами, о деревенских традициях и игнорировании этих коренных традиций горожанами-проектировщиками, о голосе совести, прозвучавшем в дискуссии и вселявшем надежду, что все же одумаются те, кто вознамерился стереть с лица земли русской великое множество сел и поселений. А если сами не одумаются, то кто-то же должен всерьез задуматься и остановить их безумный замысел.

Говорил все это так резко, что потом, при подготовке

отчета о совещании, из его выступления мы решились опубликовать лишь несколько фраз.

Кузовлев еще говорил, а уже чувствовалось (по лицам, по взглядам, по репликам), что на совещании назревает перелом. И он действительно произошел. И такой резкий — будто кто специально поделил выступавших до Кузовлева и после него на два противоположно мыслящих лагеря. При этом второй, состоявший преимущественно из работников с мест, поднимал все новых и новых ораторов, конкретными примерами опровергавших негодную практику переустройства села, предложенную Госгражданстроем...

Далеко не все слышали об этом совещании, длившемся два дня, но все знают о последствиях его: истина и разум восторжествовали.

Конечно, это бы все равно случилось, но несколькими годами позже. А что это случилось именно тогда, в этом немалая заслуга и Дмитрия Михайловича Кузовлева.

Нет, я не преувеличиваю — именно заслуга. Потому что, знаю из многолетнего опыта, без такой смелой и решительной поддержки практических работников любому даже сверхактуальному выступлению в печати суждено остаться «гласом вопиющего в пустыне». В таких ситуациях меня всегда другое поражает: почему так часто молчат практические работники, когда в опубликованной статье или в очерке выражены заботы многих, думающих точно так же. Сколько их, разумных и своевременных выступлений, но оказавшихся без поддержки практических работников, поконятся в подшивках газет и журналов. А это значит, что и решение назревших проблем откладывалось на годы и годы. Вот почему я говорю о заслуге Кузовлева — не промолчал, не поостерегся, что где-то кто-то после этого будет коситься на него, за пост свой не побоялся, а, наоборот, посчитал долгом истинного партийца сказать нелицеприятную правду в глаза уверовавшим в свою непогрешимость госстроевским и министерским работникам.

И сегодня я с полной уверенностью говорю: вот такими людьми и готовились те благотворные перемены во всей нашей жизни, которые стали возможны после XXVII партийного съезда. Такие люди и в те годы вселяли уверенность в торжество правды и разума. Они и теперь действуют без крикливости, именно действуют, а не призывают действовать. При этом бывают незаметны, потому что не шумливы, но вокруг них и сегодня совсем иной микроклимат, способствующий и перестройке, и движению вперед.

В то время я не знал его биографии — Кузовлев был для меня именно партийным работником, принципиальным и реально мыслящим. С той поры он стал в нашей редакции желанным гостем. Постепенно, при встречах, выводили от него то, чего не знали.

Оказалось, когда-то он был нашим собратом журналистом — окончил факультет журналистики и работал в одной из районных газет Подмосковья. Потом, по призыву партии, в числе многих энтузиастов, поехал в один из колхозов Вологодчины, где его избрали председателем. Через несколько лет работы на труднейшем председательском посту он снова взялся за перо, но не надолго. Опять колхоз, опять заботы о хозяйстве, о земле, о людях, на ней живущих и работающих. И с этой поры он уже почувствует себя вологодцем на всю свою жизнь. С этой поры у него будут самые разные должности, но на любой из них главным для себя он будет считать служение людям, а не вышестоящему начальству.

И вот — первый секретарь сельского райкома партии, одна из самых хлопотных и заботных должностей на земле. Множество хозяйств, сотни сел на огромном, тогда еще бездорожном пространстве. И в каждом свои проблемы. Это счастливые семьи все одинаковы, тогда как бедствуют все по-разному. Так и в хозяйствах, в селах. Значит, надо всюду побывать и не просто поговорить, а принять все людские беды и заботы своим сердцем, взвалить на себя ответственность за многие и многие дела, вершащиеся в районе, за дела, которые надо отстаивать, доказывать их необходимость или, наоборот, их вредность для северной деревни. И ты уже не принадлежишь ни себе, ни семье, а только людям и делу, и не имеешь права ни на усталость, ни на слабость — тебя ждут за десятки километров отсюда, ты должен добраться туда как раз ко времени, добраться бодрым, подавить в себе всякие мрачные настроения и верить — трудности переживутся, одолеются.

Однако и журналист в нем не умирал — иногда мысли свои и переживания излагал на бумаге, и тогда рождались очерки, похожие на невыдуманные рассказы. Их так и публиковали: одни журналы — как очерки, другие — как невыдуманные рассказы, материалов для которых у него, конечно же, хватало с избытком. Поначалу, правда, его сдерживало давно и прочно сложившееся в кругу некоторых партийных работников настороженное и даже осуждающее отношение к тем своим коллегам, кто «в писатели метит». Но постепенно призывание, потребность высказаться, рассказать людям о хорошем

и добром на земле одолели эту условность — чаще и чаще стали появляться в печати не отдельные рассказы, а целые подборки, из которых складывались книги, выходившие не только в областных издательствах, но и в Москве.

Однако выговорить в рассказах все наболевшее, накопленное за эти годы он не мог — не вмещалось. И тогда Кузовлев надумал написать «Записки», которые, к сожалению и печали всех, кто знал Дмитрия Михайловича и читал первые главы, ему не суждено было закончить.

Умер Дмитрий Михайлович Кузовлев неожиданно, как умирают все беспокойные люди с изношенным сердцем. Ушел из жизни незаурядный работник и сын земли русской, но остался жить в памяти своих друзей и вот в этой книге, которую ты, читатель, держишь в руках. Раскрой ее и вдумчиво прочитай. Она о прошлом нашей деревни, но и сегодня заставляет задуматься о многом, проникнуться уважением и любовью к тем людям, которые вынесли на плечах все тяготы, выпавшие на их долю. Именно уважением к ним и любовью, потому что автор, рисуя правдивейшую картину народной жизни, от которой порой берет оторопь, не брезжит, не ужасается сам и нас не ужасает, а рассказывает, как простые русские бабы и мужики одолевали эти трудности, и так выходит, что рассказывает о хорошем и добром на земле. Наверно, это вполне закономерно — деятельный человек всегда и сам оптимист и других заражает своим оптимизмом.

Уверен, каждый, прочитавший эту книгу, способный думать и переживать, впечатление получит огромное. И жалеет, что автор не успел написать вторую часть — «Записки секретаря райкома». Знаю по устным рассказам Кузовлева, что это была бы интереснейшая книга. Будем утешаться, что напишет ее кто-нибудь другой, такой же честный и столько же переживший.

Итак, дорогой читатель, перед тобой книга «До конца жизни», раскрой ее — в ней правда.

Иван ФИЛОНЕНКО

СОЛНЕШАЯ НАУКА

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛОГОДЧИНА!

Поезд, прогромыхав по железнодорожному мосту, выкатился на просторную гладь равнины.

Вот и красавица Шексна! Заснеженная, по-зимнему уставшая, скованная корявым льдом.

За окном вагона потянулись поля, перелески. Там и сям виднеются скирды соломы, стога сена. Проплыли дома какой-то деревеньки. Кажется, Четвериково. Правее, поодаль, в белесой дымке вырисовываются рощица и церковь с уцелевшим куполом, но полуразрушенной колокольной. Это село Едома. Большое село, стоит оно на берегу залива.

Красивые там места. Шесть лет назад мы, семеро тридцатитысячников из Подмосковья, жили в Едоме, проходили там незатейливую практику руководства сельскохозяйственной артелью. А потом разъехались кто куда. Мне довелось обосноваться в бывшем Петриневском районе, в колхозе «Красное знамя».

И вспомнилось мне то недавнее, еще живое в памяти, прошлое северной деревни, когда я председательствовал в «Красном знамени».

Стоит знойный августовский день. Хожу-брожу по деревне, ну, а точнее — по Старому Раменью, кручу за веревочку кожаный мешочек на пальце, а в мешочке том — колхозная печать. Вчера мне сунули ее в спешке, и вот то положу в карман, то снова достану.

Выручила бойкая девушка-агроном, Машей зовут. Она и на собрании выручила меня. Когда отчитывался старый председатель, а потом выступали бухгалтер, бригадиры, еще кто-то из местного начальства, Маша сидела на передней скамейке, вплотную к сцене, глядя в мою сторону, все шептала, ни к кому не обращаясь, да так громко, что слышно было за столом президиума:

— Ой, пошто и врут... Ну и врут же!

Я спросил представителя из района:

— Это кто такая?

— Агроном... Закреплена за вашим колхозом.

— Колхоз еще не «наш»,— успел буркнуть я в ответ.

Но представитель словно не расслышал моих слов.

— Девка — бой. Поддерживай ее,— сказал он, немного помолчав.

Потом, когда все вдоволь наговорились и люди начали понемногу уходить, вдруг раздался звонкий Машин голос:

— Чего вы, бабы, глядите-то? Ведь опять наврали... А вам работать!..

В зале поднялся гвалт: бабы заорали, заохали, мужики побросали сигарки, а те, кто выходил курить на улицу, гурьбой повалили в клуб. Федор Антипин, седоватый осанистый старик, долго не мог успокоить зал:

— Потише вы, бабы. Пора и голосовать за нового председателя.

Не успел я опомниться, как был избран председателем. Кто-то из президиума хлопнул по плечу, кто-то пожал руку. В довершение раздался из темного угла надтреснутый старушечий крик:

— И пошто, окоянные, губите молодого парня?!

Смысл этого горького сожаления в тот вечер никак не доходил до моего сознания. Но наутро он, кажется, стал понемногу проясняться...

Вот и теперь Маша-агроном пришла мне на помощь.

— Да вы поезжайте на покосы, там весь народ.

Она хотела было бежать дальше, но задержалась, поглядела на меня в упор, звонко рассмеялась:

— Ой, что это я! Да вы и покосов-то наших не знаете...

Вдвоем мы запрягли серого мерина в председательскую таратайку и двинулись на луга. Мерин лениво тянул таратайку, неохотно натягивал гужи, болтался по дороге из стороны в сторону, словно испытывая наше терпение.

— Но, Моряк! Какого лешего! — рассердилась на него Маша и огрела хворостиной.

Мне стало неловко, я покрепче натянул вожжи.

— Вы с ним поостроже,— посоветовала Маша.— Он ленивый, бес.

И тут же поведала, что этот самый Моряк ужас какой хитрый, ни за что больше восьми мешков не повезет.

— Как это не повезет? .

— Будто пересчитает. Положи девятый — встанет и шагу не шагнет.

На моем лице, наверное, отразилось сомнение.

— Не верите? Узнаете сами. Да вы спросите хоть Ванюшку.

— А кто такой?

— Ванюшка? Бригадир. Еще выступал на собрании, разве не запомнили?

— А как было запоминать?

— Врал здорово.

Как я ни вертел в уме, стараясь вспомнить, кто «врал здорово», представить Ванюшку не мог. Выступали на собрании пожилые мужики, бородатые или обросшие щетиной, а молодых не было.

Кончилось поле, потянулись низкие, заросшие ивняком луга.

— Это Мокрый луг, — пояснила Маша, — трава тут худая, несъедобная. А там, повыше к леску, — указала она рукой на березовый взлобок вдаль, — там первая бригада сейчас косит.

— И Ванюшка там? — спросил я.

— Ой, что вы? Ванюшка дома. Гулять будет неделю. Он всегда гуляет после собраний.

— Ну и гусь, однако же, — заметил я.

Добрались до покоса. У раскидистой березы, в тени, оставили Моряка, задали ему накошенной травы.

Пошли к косарям. Бабы зорко уставились на нас. Еще издали можно было прочесть на их лицах любопытство: «Кто это там пожаловал?» Мужики, что работали у стога на соседней полянке, отнеслись к нашему появлению сдержаннее. Они не прекратили работы, торопились дометать стог. Мы завернули к ним.

— Здравствуйте. Труд на пользу!

Кое-кто, не оборачиваясь, слегка притронулся к картузу или соломенной шляпе, а те, кто поднимал тяжелые навильники сена, дружно крикнули в ответ. Бабы оказались приветливее:

— Пожалте к нам.

Это означало: «Не мешайте мужикам, они заняты». Мы повернули к женщинам. Маша выскочила вперед и что-то сказала крайней молодой, та понимающе заулыбалась. «Ну вот, начались секреты». Некстати в руке у меня вдруг объявился все тот же мешочек с печатью, я быстро упрятал его в карман.

— Подходи, подходи, председатель.

«Эк, остроглазые! Никуда-то от вас теперь не спрячешься!» Я не знал, что делать: стоять в отдалении или подходить ближе...

Но бабы атаковали мою спутницу.

— И-их, Машуха! Гляди-тко, нового председателя подцепила.

Маша, запунцовев, нырнула за куст, нашла там косу, схватила ее, повернулась и пошла в ту сторону, где оставался недокошенный заполосок.

Бабы мигом переменились. Загалдели.

— А ну, председатель, не отставай! Маша у нас — огонь. Люта косить!

Молча и я отправился туда, где лежали косы. Не спеша начал выбирать, которая половчее. Женщины вызвались помочь. А та, что с ходу «срезала» агрономку, выхватила оселок из берестяной плетенки, принялась точить косу.

— А ну-ка, поглядим, умеет ли?

Женщины наперебой предлагали то одну косу, то другую, но я взял именно ту, которую точила языкастая молодайка. Расчет был точный: бойкая говорунья обернулась доброжелательной советчицей. Она теперь шла сбоку и наставляла, как надо косить. Ничего не скажешь, коса у черноглазой ловкая, хорошо отбита и наточена — так и лезет до плотика. Чувствую, что движения мои неточны, коса прихватывает все кочки-бугорки, дзинькает по песчанику. Нужно остановиться, поправить лезвие, иначе собьешь жало, что называется, «завернешь» весь отбой, и тогда — пиши пропало.

Взмах, еще взмах! Вспоминаю, как учил меня когда-то отец: левую руку надо чуть вывернуть в ладони и поднять повыше, а локоть слегка прижать, правой крепче держать ручку косовища, не шмыгать по ней, а то мозоли кровавые побегут по подушечкам пальцев, корпус тоже должен двигаться в одном ритме с косой...

Чувствую, как десятки глаз жгут мою спину, оценивают каждый взмах: когда не доходит коса до валка травы и когда далеко проскакивает. Оглядываюсь на валок — вроде бы ровнее становится, трава ложится плотным рядом. Стараюсь не сбивать дыхания. Но вот до уха доносится вжиканье косы, это Маша наступает на пятки.

— Захват, захват прибавьте.

Это надо понимать так: «Нечего косу попусту гонять». Нажимаю сильнее, но вскоре выбиваюсь из сил. Взмахи-

ваю еще раз-другой, отбрасываю косу прочь и отбегаю в сторону.

— Уф! Совсем загнала. Сдаюсь!

Бабы тут как тут, заступаются за меня.

— И что ты, Машка, разошлась? Нешто можно так? Городскому человеку втянуться надо. А то убежит от нас новый председатель.

Мужики тем временем завершили стог, потянулись к заполоску. У них в руках цветастые кисеты.

— Закури, председатель. А на баб не равняйся, они до смерти могут загнать!

Не спеша свертываю козью ножку, а заодно угощаю своих собеседников «Беломором».

— Значит, будем знакомы.

— Давай, московец, познакомимся. А то на собрании и разглядеть толком не успели.

...На потрепанном «козле» приехали мы с зональным секретарем райкома партии Николаем Васильевичем Чирковым в Старое Раменье. Мужики были у клуба, расселись на лужку, курили, беседовали. Чирков первым выскочил из машины, подошел к колхозникам, поздоровался с каждым за руку. А я как неприкаянный торчал около машины и не знал, куда девать себя. Мужики о чем-то спрашивали Чиркова, кивали в мою сторону.

— Этот, что ли?

— А что, не нравится?

Колхозники пробавлялись шутками, вроде таких: «А нам что ни поп, все батька». Чирков разделял их веселье, громко хохотал, в мою сторону не обернулся ни разу, а потом скрылся за дверьми клуба. За ним повалили колхозники. Оказывается, в клубе шло открытое партийное собрание. И вот теперь начиналось общее. С порога мне учинили допрос: член ли я партии и с собой ли у меня билет? Я достал красную книжечку, подал в президиум. Председатель собрания, сивый старичок в очках, долго крутил мой партбилет, потом объявил: «Все в порядке, взносы уплачены...»

Старое Раменье — не ахти какое село. Стоит в глухомани, среди лесов и болот. До райцентра двадцать верст будет, до ближайшей железнодорожной станции поболее

шестидесяти. Водных путей отсюда нет, и реки настоящей поблизости тоже не имеется. Протекает ручеек, да и тот полнится водами только по весне или когда пройдут обильные дожди, а так — пересыхает, одни омутки на утеху ребятишкам остаются.

Во всем Раменье насчитаешь теперь не более шестидесяти домов, а раньше было за сотню. Но дома добротные, все больше старинные, крытые тесом или дранью. Кое у кого под общей крышей с домом вместительные дворы с въездами на сарай, с клетями и подклетями, чистыми, уютными горенками.

Раньше каждое крестьянское хозяйство имело гумно или хотя бы овин с расчищенным током подле. Овины и гумна, срубленные из строевого леса, с деревянными полами, тянулись в строгий ряд позади огородов. Ныне осталось их на все село не более десяти. Колхозники осенью складывают в них тресту, а мальчишки-сорванцы каждую весну, на беду людям, разводят там костры. Недосмотри только — запольхает гумно. Хлеб молотить в гумнах теперь несподручно, комбайнами косят и молотят его прямо в поле, а вот сушить зерно на овинах еще до недавнего времени приходилось. Может, поэтому так долго и сохранились в памяти имена и прозвища тех, кто построил эти овины и гумна. То и дело слышишь: «Свези в Хабачев гуменник», «Брось за овином Дрынушки». Или мальчишки орут: «Бежим к Гундосихе». Кто такие были Гундосиха, Дрынушка, Хабач — никто теперь толком не знает, а вот места, где стояли когда-то их гуменники и овины, запомнились людям.

Основатели Старого Раменья выбрали для села место хоть и посреди болот, но на возвышенности. Дорога сюда трудная, шоферы не любят такие: пока доберешься до перевала — не раз переключишь скорость. Центральный взлобок холма господствует над всей местностью, отсюда хорошо видно окрест: кто куда поехал и откуда с чем возвращается.

С годами лес отступал все дальше и дальше, оставляя густой кустарник вдоль полевых дорог, веером сбегających по склонам холма. И само село уступами как бы сползает с холма, сверху выглядит в виде креста неправильной формы. Деревянные постройки тесно жмутся друг к дружке, сзади почти к каждой паре домов лепится третий дом-пасынок. Так уж повелось исстари: сыновья селились на усадьбах отцов и нигде более. Земля вокруг села принад-

лежала когда-то местному попу, а тот не уступал миру ни пяди.

Вырастали сыновья, женились, строились, делились, ставили свои дома впритык к родительским гнездам, создавая причудливый ансамбль деревенской застройки. Старшие сыновья, как правило, занимали свободный проулок, младшие пятились в огороды. Правда, теперь от многих построек и следа не осталось — стало просторнее. А раньше, рассказывают старожилы, прямо беда была: негде строиться. Свободных земель за посадками было достаточно, но зловредный поп не шел ни на какие уступки.

Старики, которым нынче за восемьдесят, помнят страшный пожар, случившийся в жаркую сенокосную пору. Вернулись селяне с покосов, а на месте Старого Раменья одни угли остались. Народ, что находился дома, скучился на соседнем холме. Долго пребывали раменцы сырыми: все пожрал лютый огонь. Что было на себе, только то и сохранилось. И попово имение не уцелело, выгорело вместе с деревянной церквушкой. Долго кряхтели-строились мужики, много лесу поперевели в те годы и горя хлебнули предостаточно. Но выдюжили. А отстроившись, так порешили: церковь заложить новую, каменную, а попу выселить вон из Раменья. Поп смирился с таким установлением мирян, не стал перечить сходке — выстроил себе усадьбу в стороне от села, на том самом пупке, где спасались люди от пожара.

Теперь в поповском доме школа.

Старое Раменье — центральная усадьба: здесь размещаются сельский Совет и правление колхоза. На краю села в двух домах приютилась участковая больничка на восемь коек с крохотной родильной палатой. В Раменье есть сельский клуб с библиотекой, магазин, сепараторный и ветеринарный пункты, даже депо пожарное имеется — стоит неражий амбар посреди села, напротив старого кладбища. Крыша на нем решето решетом, но над воротами висит фирменная дощечка какого-то пожарного общества Елизаровых.

Одним словом, все службы в Раменье есть. Только собственной конторой правление колхоза пока не разжилось. И хотя артель «Красное знамя» существует более четверти века, немало построек возвела за эти годы, а вот до конторы все как-то руки не доходили. Размещается правление в старом доме бабки Анны. Все чада и домочадцы ее разбрелись по белу свету, восьмидесятилетняя старуха одино-

ко доживает свой век в старом доме. Она и за уборщицу здесь, и за сторожа при конторе.

Изба Анны просторная, без переборок, если не считать крохотного чуланчика; посредине стоит обширная глинобитная печь, посаженная на деревянную клеть и обнесенная широкими приступками, вдоль стен тянутся крашенные лавки. Всей мебели в доме — два канцелярских стола да старинный шкаф для конторских бумаг. В углу, перед божницей, стоит железный сундук, с божницы иконы давно перенесены в чулан, а вот лампадку старая Анна трогать никому не позволяет.

Еще, пожалуй, две примечательности имеются в этом доме. Около двери в самый косячок вколочен огромный барочный гвоздь, на котором накалываются деловые бумаги, присланные из района, а поверх их обычно вешаются конторские счета, когда они не в работе. На передней стене красуются древние часы-ходики, которые обладают странным свойством: сколько ни трогай маятник руками, часы ни с места. Но если кто разозлится и запустит в них шапкой, они издадут веселое «тик-так», поработают на благо общества часок-другой, а то и на весь день разойдутся.

Часы, как и их старая хозяйка, доживали свой срок смиренно, учтиво, никому не мешая и не досаждая.

По натуре своей бабка Анна — спокойная, малоразговорчивая: ни в какие конторские дела не встревает; сидит себе тихо-мирно на приступочке возле печки да изредка вздыхает. Никто не видел, когда она готовила что-либо из съестного в своем чуланчике. Утром, когда придут на службу бухгалтер и счетовод, печь у Анны истоплена и все другие дела справлены. Пол подметен, на столах прибрано, бумаги сложены стопкой. Анна аккуратно исполняет свою должность. Иной день в конторе делается шумно, особенно когда начнет заседать правление. Мужиков набьется полная изба: накурят, начадят, намусорят. Но бабка Анна и к такому скопищу людей относится уважительно: ничто ее, кажется, не огорчает. Она степенно послушает мужицкие речи, что-то возьмет в толк, что-то пропустит мимо ушей (и слушает, да не слышит), но когда уж совсем станет невоготу — молча поднимется с приступка, начнет креститься на божницу. В заключение тяжело вздохнет и, ни слова не говоря, полезет на лежанку. Иногда это обстоятельство и смутит очередного оратора, особенно если

он окажется в том углу, куда кладет свои поклоны бабка Анна. На миг воцарится тишина.

— Ты это, божка, кому же поклоны отваливаешь?

Анна, не торопясь, сотворит последний крест и миролюбиво ответит:

— А ты, Феденька, говори, говори. Я тебя слушаю, не перебиваю.

На печи бабуса долго еще не засыпает — ворочается, крихтит, наблюдает за теми, кто говорит, и теми, кто слушает; иногда громко вздохнет, а то вдруг подаст какое-нибудь указание с верхотуры:

— Ванюшко, подверни фитиль-то. Вишь, чадит.

Бригадир протягивает руку к лампе и тут же шутливо выговаривает Анне:

— Карасин-то казенный, не жалей...

— А ты не рычи люто, вовсе погасишь.

Мужики весело пересмеиваются.

Сидят они всюду: кто за столом, кто на скамеечке за печкой, а кто примостился у порога, прямо на полу. Долгие разговоры о делах, видать, всем надоедают, а потому нет-нет да и отыщется шутник, чтобы вставить острое словцо для разрядки.

— Ванюшка, чего же с Анной не побалакаешь?

Бригадир, осклабясь, уставится на печь, с минуту смотрит туда. Затем отворачивается, дурашливо задирает подбородок и старательно чешет щетинистый кадык:

— Спит бабка Анна. Не трогай ее.

— И вовсе не сплю, а вздремнула, как брехать перестали.

Мужики теперь гогочут дружнее.

— А все-то ты чуешь, Анна! — раздается от двери.

— Чай не глухая.

В углу за столом в который раз просыпается заведующий животноводством Федор Антипин. Обычай у него таков: речь скажет и тут же устраивается прикорнуть.

Феденька, как его все величают на селе, мастак и по части речей, и по части сна. Засыпает он мгновенно: на собраниях, заседаниях, во пиру ли, на веселой беседе. Но так же, как засыпает, быстро и встряхивается от дремоты. Правда, встряхнувшись, не всегда входит в нужный лад, чаще попадает впросак. То он до времени встанет, то некстати внесет какую-нибудь кандидатуру, а однажды на собрании проголосовал за упразднение собственной

должности. Был заместителем председателя, а тут с собственного позволения сделался животноводом. Зал гоготал, а Феденька тем временем снова устраивался спать. Только утром он разобрался, что к чему, когда жена указала дорогу не в контору, а на ферму. Феденька почти год не разговаривал из-за этого с женой. А впрочем, не разговаривает он со своей половиной и по другой причине. На селе все знают, что Антипиха — «чужая» жена. Случилось так, что вез к венцу одну невесту, а привез другую. Уж такой он бедун, Феденька, или — в полном звании — Федор Васильевич Антипин.

Вернулся с гражданской войны удалым молодцом, развеселым «гусаром», парнем-рубахой. Загулял, закутил по окрестным селениям, дружков в каждой деревне завел, ну и недругов нажил, конечно. Без недругов разве погуляешь в ребятах?

Дружки помогли Федору сыскать черноглазую Катьку из богатого дома, а недруги другое надумали: догнали свадебные санки, Катьку в свою повозку пересадили, а Федору слезливую тихоню Анну-перестарку подсунули. Да еще и пригрозили: «Смотри, мол, дуй до места, не то получишь». Федор по-настоящему опомнился, когда поп обвенчал их с Анной. Так и пришлось заводить в дом «чужую» жену. Не набрался духу сразу признаться родне, что невесту дорогой подменили, Феденька пуще огня боялся позору на людях. А потом вроде стерпелось-слюбилось. Четырех сыновей и дочек вырастили, оженили и замуж выдали. Только много лет спустя Феденька вспомнил старую свою обиду, закуражился перед Анной, занелюбил и на людях начал оказывать, как живет-мается с «чужой» женой. Но весь этот кураж походил более на старческую причуду, к тому же Антипиха не больно-то и считалась с мужем. Пока Феденька трезвый, она рта ему не даст раскрыть, а зашесбуршил — хватъ, дверь на запор: ночуй хоть под забором. По этой причине Федор Васильевич никогда не спешил домой. Вот и сейчас, заседание окончилось, весь народ разошелся по домам, а Феденька храпит себе в углу за столом, ничем-то его теперь не поднять, не растревожить. Умаялся в долгих речах, наговорился. Он и во сне продолжает высказываться. Бабка Анна в таком разе обязательно подаст свой голос с печи для поддержания полемики. Она знает, что без «полемики» Феденька немного наговорит, чего доброго вскочит и побежит. И тогда — вставай, закрывай за ним дверь. «Нет уж, — думает Анна, —

пусть Феденька беседует до зари». Вдвоем-то все веселее коротать ночь...

Однажды поздним вечером возвращался я в село. За плечами болтались пустая котомка и отяжелевшая двустволка. Нет, не на охоту я ходил, а просто захотелось обойти границы своего колхоза, сверить с картой контуры земельных угодий, определить в натуре размеры хозяйства.

Это занятие сначала веселило меня — я постигал какую-то мудрую истину, знакомился воочию с полями, лугами, лесами, физически ощущал их размеры. К обеду приморился, сел перекурить. Подкрепился немного и пошел дальше. Половину пути не прошел, как почувствовал, что к вечеру домой не попасть. Поворачивать обратно тоже было поздно — далеко забрел. Лес начал шуметь, поверху гулял ветер. С Якшинского хутора решил махнуть напрямик. Но заблудился, зашел в такую чащобу, думал — не выбраться. Однако выручила холмистая местность. Только добрался до высокого обмыска, сразу увидел вдали кудрявые тополя и купол раменской церкви.

Выбрав нужное направление, вскоре вышел к поскутине. А от нее — дорога знакомая. Взбодрился и веселее потопал домой. Все село спит, только в клубе мерцает тусклый огонек. «Дай, — думаю, — зайду, погляжу, чего там?» В сумраке, при закоптелой лампе, веселится молодежь. «Веселится», пожалуй, не то слово. Ребята и девчата «мыкают свое горе». Разыгрывают старинное «горё» — род вологодских посиделок, на которых странным образом выбираются женихи и невесты. Какой-нибудь подзагулявший парень идет в темную комнату и через распорядителя выбребуется к себе сударушку. Та рьяно отбивается, но под смех и улюлюканье ее вталкивают в чулан. Дверь подпирается кочергой, и дроля с сударушкой остаются наедине. Через час-другой распорядитель навевается к ним. Если у молодых все слажено — быть свадьбе на селе.

Я предложил в тот вечер молодежи сменить «горё» на художественную самодеятельность. Девушки первыми поддержали меня, и зимой нас пригласили на районный фестиваль.

Мы усердно готовились к районному смотру. В клуб к нам как-то заглянул Николай Васильевич Чирков. Посмотрел, похвалил. Он же машины выделил из МТС для поездки артистов в город. Ребята украсили те машины плакатами и флажками. С песнями тронулись в путь.

Только уехали недалеко. Разбушевалась в дороге метель, машины застряли. Чирков выслал вслед трактор, подцепили обе машины и волоком потянули их в Ергу. Километров на двадцать за день продвинулись. А до города еще сорок. К вечеру выбрались машины на большак, рванули на всех скоростях... Да не тут-то было. Видать, беда в одиночку не ходит. У переднего «студера» от натуги оборвался кардан. Половина наших артистов умчалась в город, а другая часть — на перекладных добиралась всю ночь. Расстроились — опоздаем на фестиваль. Но колхозные ребята проявили рыцарство, в дороге ни одной девчонки не потеряли. Носы и щеки тоже не обморозили. В полном составе раменская капелла собралась у городских ворот, выстроилась колонной и с песнями двинулась к Дому культуры. Фестиваль только начался. Отважные путешественники с таким подъемом пели и плясали на городской сцене, что вконец растроганное жюри присудило им первое место и звание лауреатов...

Чирков горячо бил в ладоши, а под конец зычно распорядился: «В колонну по четыре становись! В столовую шаго-ом... арш!»

Эх вы, годы молодые! Лихие, безоглядные, смешные, беззаботные. Разве затынешь сейчас в клуб плясать или петь?! Житейские заботы, тяжести навалились на плечи. А в молодости — просто, все получалось. Снялся и поехал. Хотя бы в деревню! Прихватил с собой и девушку бедовую из города. Если любишь, зачем ее оставлять другому?!

Может, девушка и не только за тобой, чудакон, поехала, но и за цветочками потянулась в северные края. Ей, городской, все казалось — в деревне куши райские и уж, конечно, цветов видимо-невидимо. А ты ее в горячее пекло сунул. Второпях сам учился крестьянствовать и ее заставлял полоть, косить, вязать. Она же ничего этого не умела: то резала руки, то колола себе лицо. Плакала, а ты, бесчувственный смеялся. Днями пропадал в полях, уезжал надолго в район, в МТС, заседал там. Однажды позвонили в МТС: «Жену увезли в роддом». И тогда не сразу догадался: что, почему? А потом вскочил в седло и гнал галопом лошадь. В лесу заметил куст красной малины, выбрал ветвь самой спелой, самой крупной ягоды и с ним ввалился в больницу. Фельдшерица не пустила в палату, позвала в кабинет и отчитала:

— Елова голова, ты чего думаешь?

— А чего?!

— Дочь родилась, на чью фамилию записывать прикажешь?

Стоял словно громом пораженный. Истинно, елова голова! Смех и грех — позабыл расписаться с женой, как-то недосуг все было!..

Но дело это поправимое. Вот молодость проходит — этого никак не вернешь, не поправишь. А сколько еще надо сделать! Сколько намечено! Впервые закрадывается в душу беспокойство: успеешь ли? Ведь ты уже не юноша, а взрослый человек. У тебя родилась дочь, может, будет и сын. И ты уже за их жизни будешь в ответе. Вырастут они, спросят, так ли ты устроил свою жизнь, распорядился их судьбой?..

МАША- АГРОНОМ

Машу Земцову определили на постой к вдовой тетке Арине. Одинокая, она, поди, и не помнит того, когда у нее были муж, ребята, двор, полный скотины. Давно уже Аринино подворье опустело. Вон и проулок зарос крапивой, здесь даже куры не бродят. Одну корову только и держит она в хлеву. Остальное быльем поросло.

Домик Арины на краю села. Он и раньше стоял словно на отшибе, а теперь, опустевший, будто бы еще дальше отодвинулся на поле, совсем отгородился, потонул в высокой заросли бурьяна. Подслеповатые окошки сиротливо глядят в огороды, а на дорогу, до самой проезжей колеи, выпирает угол придворка. Когда-то и у Арины был большой двор, потом хозяйство начало рушиться. Сперва Арина продала дом, а затем и двора лишилась, осталась зимовка. Немного спустя, видать, одумалась, наняла мужиков и на месте летней избы соорудила придворок неказистый — две стены бревенчатые, третья тесом забрана. И вышел у вдовы дом двором на улицу, окнами в огород. Но Арина о том не больно тужила. Жизнь ее, тихая, незаметная, текла да текла своим чередом. Поутру, как обычно, приходил бригадир Ванюшка, стучал в калитку, иногда добирался до крайнего окошка, Арина заполошно мелькала перед окном, отвечала на стук:

— Ужо чую. Куда наряд-то?

— На овины, Ариша.

Ванюшка посылал ее и в поле снопы вязать, и лен тербить, посылал на луга — сгребать, копнить сено. Арина ни от какой работы не отказывалась. Бригадир она не задабривала — ни сусла, ни пива деревенского в доме не держала. Строгая была Арина, потачек никому не давала.

И вот теперь к ней поставлена агрономка. Та не поглядела, что дом такой. В первый же день схватила старый косарь, потюкала, как это делают мужики, отбойным молотком по ржавому лезвию, поплевала на ладони и давай косой махать, окашивать бурьян-крапиву. Арина только руками всплеснула:

— Экая ты приткая, девонька!

Она полюбовалась Машиной работой, а потом ласково пригласила девушку в дом.

— Убог, да что ж... В комнатах у меня чисто.

И правда, хотя внешне домик Арины убог и крив, внутри он выглядит вполне пригожим, уютным. Ничего, что в сенях старые разошедшиеся доски гулко разговаривают под ногами. В избе в двух небольших комнатах, разделенных легкой переборкой, пол плотный, чистый. Доски, вышарканные ногами, отдают блеском, с желтым отливом, словно навошенные. В проходах от самой двери настланы домотканые дорожки. В одной из комнат, что поменьше, стоит комод с зеркалом, у стены, ближе к окошку, деревянная кровать с пухлой горкой цветастых подушек.

— Это будет твоя.

— Ох, как весело! — только и сказала Маша. Она наскоро оглядела стены, потолок, вышла в другую комнату, более просторную. — А эта твоя, тетя Арина?

— Зачем моя? Общая. — Арина отступила чуть в сторону и показала на печь. — Больше там нахожусь.

Маша только теперь разглядела третий закуток, называемый чуланчиком. Тесно в нем. У самого устья печи стоит лохань, на лавке самовар, чугуны, горшки, а к задней стене приделан небольшой лежачок, отгороженный от кухни ситцевой занавеской.

— Тут моя пристань, — говорит Арина. — Как встану, так к печке сразу.

С утра и до позднего вечера новая жиличка пропадала в поле. В колхозе до Маши Земцовой не было агронома. Может, поэтому люди сперва к ней отнеслись равнодушно, всерьез, кажется, не приняли, а бригадиры, так те определенно заявили, что агроном в их деле только помеха. Кол-

хозники и подавно судачили так и сяк, большей частью уповая на то, что «был бы дождь да гром, не нужен и агроном».

Все эти толки тетка Арина приносила с поля, нехотя выкладывая их перед девушкой и каждый раз была готова выслушать ее возражения. Но та, кажется, и не собиралась возражать, по простоте своей отмахивалась от докучливых деревенских пересудов. И тут же хваталась за какую-нибудь домашнюю работу.

— Пустое, тетя Арина. Пойдем в огород.

Арина слегка злилась на беспечность Маши, в душе грозила «больше не заступаться», но вскоре забывала свои угрозы, видя, как та заботливо охаживает грядки. «Ловкая, ничего не скажешь,— отмечала Арина.— Намедни косить с собой взяла. Да где старухе за молодой угнаться: раз коснет — на полшага вперед уходит». Арина и сама была ловка косить, в молодости никому первого места не уступала. Но Машины достоинства сразу оценила: «Эта похлеще меня будет». Может, потому так горячо и заступалась она за молодого агронома.

...Профессия агронома не случайно досталась Маше, она еще в школе мечтала об этом. Ждала своего дня, когда окончит семилетку и поступит в сельскохозяйственный техникум. И вот годы учебы позади, у нее диплом агронома. Маша любила поле и любила смотреть, как поднимаются всходы, зацветает рожь. Весной ей непременно надо было первой исходить каждую загонку, прежде чем трактористы выедут за село и начнут прокладывать свежие борозды. Готовясь к севу, она придирчиво осматривала свое хозяйство: еще перед работой внимательно проследит за тем, хорошо ли отлажены у механизаторов плуги, культиваторы, сеялки. Иной раз сама сядет за прицепщика или начнет управлять сеялкой. Молодые трактористы попробовали было отделяться шуткой от назойливого агронома. Но где там! Маша быстро приструнила ребят. «Лучше с ней не связываться»,— решили механизаторы.

Особенно их поразил случай, когда Маша турнула задиристого Ваньшу из кабины и сама уселась за рычаги.

— Ты чего это делаешь? — испугался тот.

— А ничего. Хочу показать тебе, как надо пахать.

И показала. Парень только рот раскрыл от удивления. В обед около вагончика ребята устроили потеху над незадачливым упрямым.

Агроном заботилась не только о хлебе. И на фермы к

животноводам часто заглядывала. Феденька долго косился на нее, считая, что та лезет не в свои дела, только авторитет заведующего подрывает. Но незаметно смирился с этим, стал выведывать у Земцовой насчет массажей и всяких кормовых рационов. Земцова охотно рассказывала все, что знала, но Федор Васильевич мало усваивал из «ученого рассказа». Наконец и вовсе махнул рукой: «Ладно, знаем мы эти дрючки. Ты нам кормов побольше заготовляй».

А в животноводстве дела все не клеились. В старом дворе доярки по бревнам, набросанным в проходе, добирались к коровам. Маша как-то затащила и меня поглядеть на беду доярок. Но я ничего толкового не придумал, распорядился только двор заколотить, а коров не впускать, пока не будет сделан ремонт. Бригадир прямо за голову схватился.

— Да как же я отремонтирую? У меня людей сейчас и в поле не хватает.

— А вот так! — отрубил я. — Думай, голова.

Маша не давала покоя ни бригадиру, ни мне. Что ни день, пристаёт:

— Надо бы поскорее отремонтировать.

— Надо! — злюсь я. — Сам знаю, что надо. Но как?

— Собрать бы людей.

— Ну вот что. Собери-ка молодежь в клубе. Приду поговорить.

Вечером молодежь сошлась в клубе. Поглядел я на горстку девчонок, невесело вздохнул.

— Это все тут?

— Все! — задорно выкрикнула толстушка с длинной косой. — Только ребята не с нами.

— А где же они?

— В Тюшкове. Гулять ушли.

— Ну что ж... Коли ребята вас не любят, — пошутил я, — давайте утрем им нос.

— А как? — поинтересовались девчата.

— Просто. Завтра возьмем лопаты и выйдем на воскресник. Будем копать канавы у лаптевского двора, чтобы осушить его перед ремонтом.

Девчата от неожиданности рассмеялись. Но наутро все пришли.

— В поход, девушки? — вместо приветствия спросил я.

— В поход! — за всех ответила толстушка Аня.

— Тогда «На плечо!» и запевай...

«А ну-ка, девушки, а ну, красавицы...» — грянула песня. Задорные голоса взбудоражили село. «В такую рань, с чего бы это?» — спрашивали колхозники.

Канавы рыли три дня кряду. Работали весело, с шутками, иногда садились отдыхать и, чтоб стряхнуть усталость, пели песни. Ко двору часто наведывался бригадир, сокрушенно качал головой и, расстроенный, уходил в деревню. На третий день сюда заглянули четыре старика.

— Бог в помощь!

— Не очень-то он нам помогает, — буркнул я, не разгибаясь.

Старики почесали затылки, ничего не ответили. А потом сходили домой, принесли ломы, топоры, пилы.

— Чего вам, деды?

— Да вот, ремонтом думаем заняться.

Улыбнулся я, вылез из канавы, начал угощать стариков папиросами. Потом подошли и другие колхозники.

К осени старый двор был отремонтирован.

— Молодец, Земцова, — похвалили Машу на заседании правления.

Арина теперь вовсе души не чаяла в своей жиличке. Для нее «Маруська» — свет в окне. Особенно полюбили Машу после льняных звеньев.

Дело это началось с прошлого лета. Однажды бабы забастовали на льне и вытребовали меня в поле. Пришел: «В чем дело?»

— Не хотим даром работать. Пошто нам трудодни — деньги подавай!

Они слышали, что соседние колхозы установили дополнительную оплату в твердых рублях.

— Ну что ж, — пообещал я, — полтину за сотку до нормы и рубль — за сверхплановую. Идет? — Для убедительности еще прибавил: — Рассчитываться будем каждую пятидневку.

Земцова рядом стояла. Обрадовалась от таких слов и пошла винтить баб. Всех старых и малых в поле увлекла.

Первые две пятидневки правление колхоза рассчитывалось прямо в поле. Бригадир измерял сотки, бухгалтер заносил данные в ведомость, начислял деньги. Воспрянули люди духом. Навалились на лен. Но на третью пятидневку денег в кассе не оказалось. Я на коня — и в район.

— Давайте ссуду, не то бабы совсем извернутся, бросят лен.

— Нет, — говорят в банке, — под лен ссуды не даем.

— А на что даете?

— Вот если коров надумаете прикупить. Новый двор начнете строить...

Плюнул я с горя, пошел несолоно хлебавши. На улице неожиданно столкнулся с редактором районной газеты.

— Привет молодому организатору! Как дела?

— Думаю, где бы коров прикупить.

Редактор оживился:

— Ты это всерьез? Вчера был такой разговор. Почин бы организовать!

— Ну вот и организуй!

Наутро вышла газета с передовой статьей, набранной крупным шрифтом: «Почин колхоза «Красное знамя». А к вечеру ссуда была получена.

Лен в ту осень колхозники быстро вытербели, околотили, разостлали. И государству вовремя сдали. Взяли хорошую выручку, зимой ссуду вернули банку. Но в райкоме дознались, куда она была потрачена. Досталось и мне и редактору за скороспелый почин.

На следующий год в колхозе опять начали задумываться насчет денег для авансирования.

— Нет,— сказал я,— со ссудой теперь ничего не получится.

— Как же быть? — всполошились правленцы.

Земцова как бы невзначай предложила:

— Давайте лен разделим по семьям. Организуем мелкие звенья.

— И что?

— Денег наперед не потребуется. Положим звеньям треть выручки за труд в конце года.

— Дело, пожалуй!

Так и постановили.

Маша взялась сколачивать звенья, делить в поле лен. Дело оказалось не таким простым, как сразу виделось. Большая семья — это, конечно, звено. Тут и мужские и женские руки есть. А как быть одиночкам? Их на селе немало, их не обойдешь, сил не хватит без них. Тут-то и пришла на помощь Арина. Она всех старушек и вдов сколотила в одну группу, сама за звеньевую среди них стала. Ударное по всем статьям звено получилось! И когда настало время производить расчет, Аринины «пионерки» больше всех получили. У кого десять рублей на льняной трудовень, у кого двенадцать вышло, а звено Арины выгнало по восемнадцать.

— Девоньки! — радовалась Арина. — Куда же девать будем такие деньги?

Машу «девоньки» готовы были на руках носить.

Что и говорить, боевая попалась агроном!

...И в клубе Маша начала верховодить. Сперва шалопаев всяких к рукам прибрала.

Как-то под Новый год решили комсомольцы устроить елку в клубе. Вечером завели игры, танцы. Но вот пришли ребята из соседних деревень. Один малый, хватив лишку, начал вдруг выкамаривать, приставать к девушкам. Раменские ребята попробовали было уговорить его. Куда там! Выхватил ножик, давай им размахивать. Маша не растерялась: подошла к парню, отобрала нож, вывела на крыльцо и при всей публике поддала коленкой — тот кубарем покатился со ступенек.

Остра на язык, режет правду-матку в глаза. Бедовая, да и только! То одного, то другого распояшет. Взять того же Федора Васильевича. Как-никак ходил долгие годы в председателях, а теперь вот заведует животноводством в колхозе. Персональное седло и лошадь по штату положены. А Маша как-то срезала Феденьку под самый кобель:

— Зачем ему седло? Напьетса, опять потеряет.

Хохочут мужики. Был такой грех с Антипиным.

Выступает однажды на правлении Антипин, про свиноводство речь заводит. А Маша реплику вслед:

— И чего расхвастался? Заморил свиней-то. Держит их на запоре!

Федор Васильевич прямо балдеет от такого замечания.

— Да ты что такое говоришь, Земцова! В своем ли уме?

Пошли члены правления, проверили. Свиньи действительно оказались в плачевном состоянии. Три свиноматки хрюкать устали, только жалобно повизгивали в углу свинарника, а взъерошенный хрюк еще буйствовал, пытался пяточком поддеть и сорвать дверь с петель. Федор Васильевич осрамился окончательно, когда при входе в свинарник был сбит голодным хрюком, ринувшимся на свободу.

— Вот! — не то возмущался, не то гордился потом Федор. — Сразу признал. Ишь, как набросился!

Но не только строгостью взяла Земцова. Люди видели, как девушка радеет о колхозном добре. Всегда расторопна и старательна в делах. И года не проработала, а на участке, где она приняла «крещение», выросла рожь всем на

диво. Стеной стоит: соломой и колосом взяла. Вот что значит правильно вспахать, вовремя внести навоз, хорошо сделать семена. А поле-то не самое лучшее, каменистое. Где плуг не брал, Земцова заставила вдоль и поперек пройтись тяжелой дисковой бороной.

Правда, к лету другая беда настигла. Вышел комбайн убирать — не может одолеть высокий хлеб. Рожь плотная, и каменья мешают — остаются огрехи. Земцова комбайнера прогнала. А когда он пожаловался мне, начала горячо доказывать:

— Ведь наполовину оставляет! Нельзя убирать комбайном.

— А чем же?

— Косить надо вручную.

Я сердито глянул на агронома.

— Ты думаешь, о чем говоришь-то?!

Сел на коня и укатил в деревню. Но вечером Маша зашла в контору, опять принялась за свое.

— Давай попробуем.

Я и на этот раз вскипел:

— Где же я тебе столько людей возьму?! Сенокос еще не закончился, а тут лен поспекает. Нет, не сделать...

Земцова притихла, помолчала чуток, а потом несмело предложила:

— Может, список составим?

Я взял список первой бригады, приписал внизу всех конторских, служащих сельсовета, в завершение включил фамилию агронома и свою поставил, потом разделил гектары на общее количество людей, повертел листок в руках:

— А что? Может быть, испробуем. Как?

— Сколько получится? — поинтересовалась Земцова.

— По шестьдесят — семьдесят соток. Не больше. Если выйдут, конечно.

Маша обрадовалась, побежала по домам уговаривать людей, начала горячо доказывать, что рожь никак нельзя оставлять в поле, надо убрать вручную. К вечеру на двери магазина комсомольцы вывесили список. А рядом еще «молнию» приколоты.

Наутро я встал пораньше, взял косу, зашел за бригадиром. Мы условились выйти первыми. Но когда дошли до поля, Земцова была уже там, всю махала косой.

— Эх, шустрая, — засмеялся Ванюшка.

Я поплевал на ладони и встал рядом. А потом горба-

тенький Володимирка притащился и старуху свою с собой привел. У той в руках серп.

— А эту старинушку зачем? — спросил я.

— Сойдет, — буркнул сзади бригадир.

К восходу солнца вся деревня была в поле. Запестрели по косогору золотистые валки. А потом бабы начали вязать снопы и ставить суслоны.

Ванюшка постоял, поглядел на рядки и суслоны, вытер пот со лба, улыбнулся:

— Ишь ты, агрономша, чего удумала!

А подсчитали — вышло по двадцать два центнера на круг. Вот тебе и «дождь да гром»!

ВАНЮШКА

Еще третьи петухи на дворе не пропели, а бригадир на ногах... То ли наряд собрался давать, то ли просто по селу бродит: приглядывается, принюхивается. Скорей всего — второе. Он силится вспомнить, кто же ему сказал вчера про Клавдю? Будто бы целую квашню браги держит у себя в сенах. «Для кого?» — морщит лоб бригадир. Начинает припоминать всю ее родню, силится перебрать в уме всех знакомых. Но в голове так заломило, такой ералаш поднялся, что Ванюшка, скрипнув зубами, от досады машет рукой и топает дальше. Куда завернуть, он еще не решил. Вышагивает вдоль улицы детина двухметрового роста танцующей походкой, одна нога в валенке, другая босая. Мягкая росная пыль приятно щекочет пальцы голый ступни. Хозяин посматривает на голую ногу, ухмыляется. С вечера потерялась его обутка. Пришел домой под хмельком, забрался на сеновал, а утром никак не мог вспомнить, где разувался.

Бредет теперь умная голова по селу с одной мыслью, где бы опохмелиться.

— Эхма, — бормочет бригадир, — поправить бы голову, а там и к блинам можно податься. — Он вспомнил, что сегодня суббота, а по субботам Санюшка обычно печет блины или оладьи.

Санюшка — жена бригадира. Тихая, болезненная женщина, она в мужнины дела не лезет, но за домом следит исправно. Встанет чуть свет, воды натаскает, дров наносит, затопит печь, чугуны поставит. А потом бежит в ого-

род — там у нее целое хозяйство: грядки прополоть, частокол поправить, межу обкосить. Ванюшка ни в чем ей не помощник, у него свои, бригадирские, заботы. Да и бражничать по вечерам — это тоже его дело. Нынче мужикам вольная воля на селе, а бригадиру и подавно. Хотя это с какой стороны поглядеть. Разве ж мужики в том виноваты, что их мало осталось? Вот и поднялась цена на мужские руки. Дров из лесу привезти, хлев починить, забор подправить у вдовы. А кто старикам нынче поможет, скажем, огород вспахать? Везде нужны крепкие мужицкие руки, а их нехватка.

Бабы знают, что бригадира ни в каком деле не минуешь: лошадь ли выпросить, человека какого от колхозной работы отговорить. И за все это ставь угощение. Нынче за деньги, пожалуй, не скоро докличешь себе помощников. Ведь деньги брать соседу-мужику и неудобно, особенно со старушки. А вот ейной настоечки или там бражчонки какой испробовать — можно. Чего же тут плохого, почему не уважить? Иной день Ванюшка таким образом вчистую «науважается», вдоволь наберется и настоечки, и бражчонки, и всякого другого зелья. К вечеру, глядишь, уже гармошка в его руках объявилась. Кто ее сунул — сам леший того не знает, но Ванюшку это нимало не заботит, знай бредет себе по селу с чувством исполненного долга, пошатывается важно, разводит мехи:

Правит домом Санюшка,
Бригадирит Ванюшка!..

«Ванюшка-Санюшка» — это затаенный ответ на критику по части бригадирской жены, что она сидит дома. Но такая прибаутка нужна бригадиру только для настройки, для разминки, пока на ум не взбредет другой какой мотив. Вот мехи гармошки круто вспузырились, пальцы быстрее забегали по клавишам, басы всхлипнули, а протяжный надтреснутый голос певца начинает выправляться, выводить что-то бойкое:

Простокиши не хлебают,
На сметану не глядит...

Петь бы так и петь, услаждая раздобревшую душу, но, откуда ни возмись, идет навстречу новый председатель. Ванюшка сжимает мехи, поправляет ремень на плече.

— Гуляешь, бригадир?

Ванюшка мычит, топчется в одном валенке, пытается

спрятать босую ногу. То в сторону ее отставит, то позади валенка устроит.

— Валенки-то где потерял?

Ванюшка ухмыляется: он рад, что разговор переходит на вполне понятную тему, можно теперь не переставлять проклятую ногу. Он морщит лоб, задумывается:

— А его и не было!

Однако председателя не интересует валенок, он, кажется, забыл про него, а круто поворачивает разговор на другое:

— Пить или работать будем?

Ванюшка вмиг меняется в лице. «Работать» — это тема важная. С каждым встречным и поперечным бригадир рассуждает:

— Жить ой как трудно. А жить-то надо!

Жить — значит работать. Это само собою разумеется у Ванюшки. И хотя председатель застал его нынче вовсе не за работой, бригадир вполне это соображает, поговорить о делах он считает не лишним.

— Все сделаем, председатель. Ты не расстраивайся, все сделаем...

— Ну-ну,— отвечает миролюбиво председатель, опять покосившись на валенок,— сделаешь вот с такими: — И, махнув рукой, уходит.

До бригадира не сразу доходит упрек, он еще куражится, притопывает обутой ногой. А когда председатель оказывается на изрядном удалении, вдруг спохватывается, смеется и кричит тому вслед:

— Эй, погоди. Давай поголчим!

Из переулка с пустым ведром показалась Клавдия. Она стоит с минуту молча и ждет, пока я отойду подальше, затем советует Ванюшке:

— Не рычи ты больно, Лексеич.

Бригадир оборачивается, видит сперва ведро, а потом и всю Клавдию, поправляет ремень, растягивает гармошку:

Председателю по шее,
Бригадиру по спине...

Он делает подобие выходки, но только неловко переступает, запинаясь, с ноги на ногу:

Бригадиру по спине,
Не дал лошади мине...

Гармонь быстро смолкает, а голос бригадира хрипло вопрошает вслед уходящей Клавде:

— Клавдюшка, хороша у тебя бражка... Ух, сладкая! Вынеси еще кружечку.

Клавдя останавливается, испуганно озирается по сторонам (не услышал бы кто), молча кивает в сторону переул-ка.

— Зайду, зайду, — понимающе бормочет Ванюшка. — Ты уж сходи за водой.

И бригадир, совершив тактический маневр, заходит в переулочек с другого конца. Дверь на крыльце предусмотрительно оставлена открытой. Ванюшка быстро юркает в темноту, вдруг натывается на протянутую руку с кружкой:

— На вот, испей.

Он ошаривает кружку, забирает в обе руки, расплескивая, пьет.

— Хороша! — чмокает наконец губами. — Нацеди еще.

— Да будет тебе, бес, — не зло попрекает его добродушная Клавдя. — И так всю квашню опорожнил.

Ванюшка с минуту молчит, утирая усы, прислушивается к урчанию в животе и просит опять, не настойчиво просит, а так вроде бы совет подает:

— Наклони квашню-то.

— Санюшка заругает. Иди с богом.

Клавдя решительно отказывается наклонить квашню, выталкивает бригадира на крыльцо, хлопает щеколдой. Потоптавшись на крыльце, Ванюшка начинает снова горланить:

Бабы кузню обокрали
И точило унесли...

— Чтобы тебя разнесло! — кричит из-за двери Клавдя, но Ванюшка не слышит. Он медленно спускается по ступенькам, задевает за что-то и — бултых! — кубарем выкатывается в переулок. Гармонь, всхлипнув, летит в бурьян. Ее потом долго отыскивает бригадир.

Философия обыкновенного селянина проста: «Пить-то оно и не грех, если уметь вовремя остановиться».

И Ванюшке вскоре приходит такое на ум. Вскрикивает он тогда рано-ранехонько, наскоро завтракает и бежит на работу. Санюшка в такие минуты прямо радуется вокруг стола: подает оладьи, яйца всмятку, ставит кринку молока. Муж торопливо ест, все время трет щетинистый кадык и по-минутно повторяет полюбившуюся фразу:

— Все матка. Баста! Работать будем.

Это означает, что с питьем покончено. Теперь держись мужики, бабы, ребята. Через минуту-другую Ванюшка возьмет гармонь, но повернет ее, как говорится, другим концом. И, может быть, опять позабудет надеть валенок, но это ничего — он выйдет давать наряды.

Наряда, собственно, никакого и не будет. Но люди сразу почувствуют, что гармонь нынче «не так играет». Бегут бабы, ребята, побрякивают мужики да ладят скорей телеги в поход. Гурьбой высыпает на дорогу сельский люд. Ванюшка видит и не видит все это, разводит мехи и для пущей важности подает отрывистые команды:

— Косу возьми.

— А ты — вилы!

— Колесо потерял?! У Мити-пекаря в прикалитке.

Иногда остановится против какого дома, смачно поплюется на дорогу и протопает дальше. Вот и весь бригадирский наряд. Но люди понимают Ванюшку с полуслова. Пройдет тот по селу из конца в конец, и вот уже на обратном пути гармоньего пикирования выстраиваются за его спиной бабы с граблями, ребята с вилами, а вслед толпе выкатываются из переулков ездовые на телегах, пристраиваются с лошадьми и повозками в хвост пестрой людской веренице. Шумный говорок, конский топот, скрип телег...

Но Ванюшку, кажется, ничего не занимает. Он вышагивает гордо по деревне, не оборачиваясь и не заботясь о том, как это все идет и движется. Нестройная колонна вытягивается за околицу села, вымевается по пыльной полевой дороге и медленно уползает на луга.

...Луг с раннего утра оглашается звонким многоголосьем. На чистой поляне людей нигде не видно, только лошади стоят подле кустов, похрумливая сочную траву, специально для них накошенную. А рядом, у другого куста, сложены пестрые узелки, косы, грабли, вилы. Стар и млад разбрелись теперь по мелким лывинкам, устремились вниз, к ручейку, где трава растет погуще. Косцы тихо переговариваются между собой, вжимают косами, иногда приглушенное вжиканье перемежается звонким дзиньканьем металла, когда точильная лопатка прытко ходит по лезвию. Зоревое утро далеко разносит голоса людей и звон кос. То и дело в тихий, размеренный трудовой ритм вплетается зычный окрик или тягучее ауканье.

— Ау-у!.. Нюшка, подь сюда!

Ванюшка тоже где-то ходит с косой. Ни в паре, ни в

группе его не увидишь, он находит лывинки покочковатее, куда косить никто не заходит, высматривает затянутые мелким ивняком участки, выкашивает их начисто, не жалеет косу. Работает он напористо, без роздыху. Вот где-то, уж слышно, мужики остановились покурить, бабы с ребятами — позалоговать, а бригадир все шаркает и шаркает косою, там и сям вжикает напористо да бурчит что-то себе под нос. Это для того, чтобы бригадира все время чуяли люди, что он ни в коем случае не спрятался, не ушел, а находится тут, на лугах, при народе. Люди, конечно, чувствуют и знают.

С обеда в соседнем урочище будут метать стога. И тогда бригадир возьмет себе самую длинную рогатину, начнет ею поддевать по две копны кряду, подавать сено на самую большую верхотуру. Вершить стога — его удел...

— Ванюшка, перекури! — слышатся голоса с поляны. Это бабы подают сигнал бригадиру, чтобы тот передохнул, позалоговал. Но Ванюшка не сразу отзывается. Он только крикнет в ответ да пуще навалится на косу. Еще не раз крикнут бабы, и еще не раз крикнет бригадир. А потом затрещат кусты, и Ванюшка, будто лешак какой, шумно выволочется на залогу. Весь распаренный, красный как рак, только крупные капли пота блестят на мясистом носу и сочных губах, застряли в рыжей бороде, видны в каждой складке одрябшей длинной шеи.

— Уф, парко. Не к дождю ли?

Он стоит весь на виду, не прячет от людей своего потного лица.

— Пошто к дождю? — ехидно замечают бабы. — Это хмель из тебя, родной, выходит! — Мужики в стороне тихо посмеиваются. Ванюшка будто не слышит смеха, мирно беседует с бабами.

— Можя, и так, — соглашается он.

Свертывает большую сигарку, долго набивает ее табаком, мусолит тонкий конец, чиркает спичку, старательно раскуривает.

— А мужики куда подались? — будто не чувствует позади себя мужиков. Бабы понимают шутку, поддерживают.

— Там... — показывает неопределенно Клавдя. Веселая Нюшка понимающе хихикает. Те, довольные, ржут. И Ванюшка, не оборачиваясь, тоже ржет, не громко, с участием.

— Бражчонки не захватили, а, бабы? — не то спрашивает, не то выговаривает он женщинам. Несколько голосов сердито отвечают:

— Да будет вам, окаянные. Попили...

Бригадир знает, что это замечание в первую очередь касается его самого, а потому больше не заводит речи о браге. Он шамкает сочными губами, трогает щетину на кадыке.

Позади мужики уже встали, начали направлять косы. Кто-то пробует заточку, водит слегка косой по траве.

И вот кончена залога. Ванюшка бросает последний взгляд на женщин и отходит к мужикам:

— Еще одна залога, и — метать, ребята.

И опять луга оглашаются веселым гомоном сенокосной страды.

Мечут стога с обеда. Иногда начинают и раньше, если на небе ни облачка и солнце припекает с самого утра. Бабы оставляют косы и берутся за грабли; мужики, ребяташки, кои повзрослее или поудалее, принимаются сволакивать копны, ставить стожары, рубить пашенник на остожья. С час ведутся разные подготовительные работы. Вот и стожары поставлены, и остожья приготовлены, запасные черенки для вил понаделаны и копен плотным кольцом изрядно понаставлено. Можно теперь приниматься за главное дело. И тут без Ванюшки никто его не начинает. Старый горбатенький Володимирка встанет у стожара, потопчется на вицах, крикнет бригадиру:

— Почнем?

Ванюшка поплюет на ладони, крепко ухватится за навильник, проткнет им копну, приподнимет, нанижет вторую, снова приподнимет, словно убедится, каковы копны на вес, и ухнет к ногам Володимирки целый сенный навилоч. Потом уж, вслед за бригадиром, начнут поддевать копны и другие мужики. Ванюшка для такого дела подбирает в свою команду сильных, ловких людей, жадных до работы. Красивое это зрелище — метать стога, если, конечно, глядеть со стороны. Ванюшка то и дело крякает, гукает, кричит на ребят, сволакивающих копны, чтоб те поспевали; иногда он приказывает двум-трем мужикам одновременно поддеть на вилы крупную подачу, зычно кричит: «Раз-два, взяли!» — и вот уже высоко над головой взметывается огромная шапка сена. Мелкая труха обильно сыплется из той шапки, набивается за ворот, лезет в глаза, залитые потом, застревает в волосах. Ванюшка заражает всех своей лихостью. Пот градом катится с его лица, спина взмокла, рубаха до самого пояса прилипла к телу, потемнела, а он

все суетится, кричит, гукает. И на баб изредка поглядывает:

— Бабы! А ну не отставай!

Те ходчее забегают с ношами, бросятся сгребать валки, кучить сено. Ребятишки прямо визжат от такой веселой суетни — диво: на глазах, как грибы, вырастают стога.

— Ленька! — крикнет бригадир иному шалуну. — А ну, беги дядю Володю смени. — Это когда стог почти завершен и Володимирке не устоять на зыбкой верхотуре. Ленька карабкается на кресло телеги, ласточкой обнимает приставленную жердь и лезет на стог. А Володимирка тем временем по вожжам спускается на противоположную сторону. Он отдаляется от стога и придирчиво оценивает свою работу:

— Хорош! Прямо стоит.

Ванюшка с телеги подает последние охапки, завершает стог. Это уж их с Ленькой задача — положить на вершине сплетенные крест-накрест вицы, словно поставить там свою роспись.

...К вечеру все Ванюшкино войско отправляется домой. Собирается оно на большой поляне: грузит на телеги грабли, вилы, косы, узлы; ездовыми назначаются ребятишки, что помоложе, а взрослые — мужики, бабы, девчата, ребята — отправляются налегке вслед за обозом. Ванюшка на телегу тоже не садится, хотя на войне у него перебиты обе ступни. Он отыскивает под кустом свою гармонь, вроде бы с неохотой натягивает ремень на натруженное плечо, ремень тут же сползает до локтя, и тогда бригадир, опустив руки, держит гармонь на весу, чуть ниже пояса. Пиликнув раза два, он выходит вперед колонны, становится во главе ее. Ванюшкино войско знает этот порядок. И как бы кто ни спешил на село, покинуть строй до срока все равно не может. Бригадный устав на то строгий. Ванюшка, подобрав мотив веселой песни, отдает команду:

— А ну запевай!

И все-таки слабость к спиртному подвела его крепко. Как-то поехал он в район на совещание, но вместо зала заседания угодил в милицию. А дело такое приключилось. Захотелось выпить добру молодцу, но денег при себе не оказалось. Стал просить у знакомой продавщицы в долг. Та возьми и откажи. Ванюшка, не долго думая, ухватился за нижний венец ларька, приподнял угол питейного заведе-

ния, потряс для общей потехи, а в завершение повернул зеленую будку окошком к забору — «закрыл» всю торговлю в ней. Вот было потехи...

Но руководители торговли не разделили общего восторга, пожаловались на такое вероломство. Пришлось Ванюшке на пятнадцать суток задержаться в райцентре, подметать деревянные тротуары. Собралось правление колхоза, стало обсуждать бригадира. Думали постыдить на людях, да на этом и поставить точку. Но Земцова вдруг не выдержала:

— А чего мы его уговариваем, как маленького! Надо снять с бригадиров!

Правленцы так и ахнули: «Как, Ванюшку снять?! А кто бригадой будет руководить?»

— Найдутся люди! — не сдавалась Земцова. — Предлагаю конюха Анатолия Цветкова поставить.

Пришлось мне поддержать агронома. Ванюшка недобро ухмыльнулся, схватил шапку и хлопнул дверью. Он уверен был, что правленцы еще придут к нему, поклонятся.

Наутро новый бригадир спасовал, не вышел на наряд. Я вызвал Земцову:

— Ну, заварила кашу. Как теперь быть?

Маша не знала, что ответить.

— Ты вот что, — беги, наряд пока дай, а я пойду поговорю с Цветковым.

На следующий день Цветков приступил к бригадирству. «Ну и ну, — удивлялись колхозники, — слыхано ли дело, до самого Ванюшки добрались!» А Ванюшка по натуре человек не злопамятный, быстро смирился с новым положением. Взял топор и пошел в плотницкую бригаду строить новый скотный двор.

АЙ ДА БАНЯ!

В давние времена мужик лазил париться в избяную печь и вылезал оттуда обыкновенным чертом. А теперь — шалишь! Почти у каждого невдалеке от дома срублена баня. Какой ты хозяин, если не имеешь бани!

У мужиков в Раменье бани, конечно, разные. У одного — черная, курная, с обыкновенной каменкой в углу и небольшой дырой в потолке вместо трубы. Затопишь сердешную,

и убегай подальше, пока дрова не прогорят, не ровен час — угоришь. У другого баня белая: печь в углу поставлена, а в нее вмазан котел для горячей воды, стены и потолок — беловосковые, труба не чадит, лавки, парилка — все как надо. Зайди в такую баню, плесни ковшик воды на раскаленные камни в специальной конурке — так и шибанет оттуда сердитым паром. В черной бане и того проще: знай плещи на каменку, она по-змеиному расшипится — успевай убирать ноги, не то ошпаришься.

Ах, что за чудо — сельская баня!

После трудовой недели, когда пот пробьет, кажется, насквозь, просолит одежду и обувь, хорошо побаниться с веничком. Сбросить с себя соленый груз, распарить натруженные руки и ноги, размочалить задубевшую спину, отмыть свалявшиеся вихры чуба...

К вечеру, когда усталое солнце медленно опускается за лес, повсюду — в огороде, в низине под обрывом — задымят, закурятся сельские бани. Сизые дымки тихо поплывут по задворкам, мягко повиснут над яблонями. И вот уже, глядишь, отдымили бани. Первыми пойдут мыться бабы, ребятишки. А мужики в ожидании своего часа в сумерках рассядутся где-нибудь на завалинках, а то на бревнах. Угощают друг друга табачком. Говорят о делах сельских. Иной раз веселую байку заведут, чтобы скоротать времечко.

...Баня у Митрича еще не остыла, только вошла в самую силу. Он разделся в предбаннике, взял березовый веник, ударил им для приладу по круглому животу и юркнул в дверь. Зачерпнув ковш воды, плеснул на каменку, та сердито ответила. Плеснул второй и третий.

— Живая, язви ты поперек.

Вот и Петрович вваливается через порог. Он тоже, шагнув к каменке, бросает ковшичек воды.

Пыхтят соседи, отдуваются. По очереди залазят на полки, лупцуют себя вениками, сползают вниз, окатываются водой и снова, плеснув из ковшичка на каменку, забираются на верхотуру. Пар винтом ходит от потолка до пола, горячит, бодрит тело, снимает с мужиков усталость. Грязь тоже снимает — будто отдирает с распаренной кожи слой за слоем. После веников пускаются в ход мочалки, затем снова берутся веники.

— Ух, мать честная!..

— Наддай. Ходи, ходи! С веничком!

За окошком — тихая сумеречь. Звезд на небе не видать, и месяц бледноликий выкатывается на миг из-за туч, опо-

лоснет холодным блеском паровитые крыши бань и опять юркнет за черную занавесь. Ходит будто сторожем по небу, охраняет покой на земле. Сельская улица теперь опустела, жизнь в этот час переместилась на задворки.

В соседних банях тоже пар стоит коромыслом. Всюду полощутся, хлещутся; слышится шипение каменок, оханье, аханье, звон шаек, drobный топот, говорок и веселое приплясывание. Кажется, нет в мире никаких других звуков. Замерла улица: не мыкнет скотина во дворах, и собаки приумолкли, не нарушают лаем тихой вечерней благодати.

Через час-другой улица оживет: в домах засветятся окна. На столах появятся пузатые самовары. Подобревшие женки обшарят шкафы и дальние полки, вытряхнут оттуда пироги с вареньем, рыбники, банки с соленьями, всякую другую снедь...

Ах, что это за прелесть — сельская баня!

ЛАНЧИК, ЛЕНЧИК, ДОЛОТО

Неведомо отчего этот танец Севера носит сладкозвучное имя — «ланчик». В Старом Раменье его называют еще нежнее — «ленчик». После войны мне пришлось немало поездить по селам и лесным деревенькам Ярославской области. Там молодежь танцует нечто подобное ланчику, но величает этот шумный трепачок не ланчиком и ленчиком, а забавным прозвищем — «козуля». В глухих местах Ярославщины, может, в шутку, а может, всерьез северный хороводный танец назван еще более странным именем — «долото».

На гулянье я собрался,
Батка сунул долото.
Матка на ухо шепнула:
«Подолби, да не люто!»

Помню, к нам, курсантам военного училища, выехавшим на помощь в колхозы, прибыл секретарь райкома и в шутиливой беседе упомянул про «долото».

В первый вечер после той беседы мы отправились в сельский клуб и увидели этот танец. Не знаю, понравились ли местным девушкам наши «современные» танцы, но вот их «долото» нам пришлось по душе. Я его хорошо запо-

мнил. Но почему танец так чудно называется — «долото», объяснения найти не мог.

Впрочем, что гадать да закидывать, откуда происходят иные названия и связаны ли они с повадками жителей, с их бытом, весельем и потасовками, которыми была богата старая деревня. Помнится, еще дед и отец мой красочно расписывали такие вот гулянья. Тогда, в старину на святки, на масленицу и даже на пасху выходили мужики на кулачные бои, выходила деревня на деревню, ломили, что называется, стеной...

С отзвуками народных «баталлий» мне довелось повстречаться самолично в Старом Раменье. Игрища и гулянья заканчивались здесь иногда шумными драками. Хорошо, когда все идет ладно и складно, когда пляшет и веселится одна деревня. А вот если соседняя деревня нагрянет, да еще незваной-непрошеной,— тут уж без драки не обойтись.

Ленчик в Старом Раменье танцевали шумно, раздольно, дробливо. В этом танце многое, кажется, удачно соединилось: что-то взято от русского перепляса, что-то от вальса, что-то исходит от распевного «страдания» или известной на Руси «матани».

Собирается молодежь в тесном сельском клубе или высыпает на просторный луг теплым летним вечерком. Парни сбиваются по одну сторону, а девчата — по другую. Ребята загорелые, чубатые, девчонки озорные, голосистые. Первый ряд заняли кавалеры, во втором ряду встают их милашки. Впрочем, милашки пока что «ничейные», ребята потом будут разбирать своих задушевных подруг, а девушки в ходе танца еще могут переменить свое место и сделать выпляску совсем не перед тем кавалером, который намечался вначале. В танце допускается свободная импровизация, строгих правил здесь нет.

Парни выходят ни шатко ни валко, треплют чубы, поправляют кепочки; иных силком вталкивают в круг, и тогда кавалеры стоят несмело, не зная, куда им девать руки. Некоторые машинально лезут в карманы, извлекают махру, папиросы. Угощают друг друга, закуривают — что тоже не запрещается в ленчике. Таким образом, у ребят ведется своя подготовка, своя душевная разминка. Их избранницы пока что ходят павами, кружатся, словно примеряясь к ребятам и друг к дружке, постукивают каблучками и бесконеч-

но поют о дролях, задушевных товарках, злых разлучницах, вспоминают добрых мам и обязательно — веселых гармонистов, не дающих покоя ретивому сердцу.

Бравых кавалеров вся эта сердечная суета, кажется, не интересует. Они важно покуривают, тихо переговариваются, переходят с места на место, что опять же не нарушает правил танца.

Но вот — миг! — что-то происходит в рядах парней. Недокуренные папироски летят на пол, наскоро затаптываются, по рядам проходит шумок. Ребята, кто в лад, кто не в лад горланят ответные частушки-скороговорки, поют быстро, словно боятся опоздать, а потом лихо пускаются в пляс. И дробят, и кружат девчат, и ходят цепочкой по кругу, разбиваются на пары, и сыплют, сыплют припевки... Если танцуют в клубе, под ногами пол заходит ходуном, разошедшиеся и вытертые половицы заговорят о своей нелегкой доле. Когда же ленчик танцуют на лугу — сама земля задрожит, будто поблизости гонят дикий табун лошадей. Тяжелые каблучищи ребят стучат, грохают, бухают. А девушки, рассыпая мелкую дробь, проплывают пышногрудыми лебедушками мимо кавалеров, выдав им отпляску, передернув плечиками, трепетно отходят назад, как бы приглядываясь, хорошо ли все у них получилось. Ребята тут уж входят в полный раж: пуще забухают сапогами, загрохают каблучками... И так топать они будут долго, с усердием, словно заранее поклялись достучаться до самой Америки.

Голосистый перелив трехрядки заполошно всколыхнул вечернюю сумеречь за околицей села. Из-за пригорка, со стороны «поповой» школы, высыпала шальная ватага. Впереди нее, косолапя, ходко строчит сокольниковский гармонист Васяня-бригадир. Васяне без малого сорок. Нашумится с утра, пока дает наряд колхозникам, убежится за день-деньской, к вечеру, глядишь, примолк, сник, утих. И кажется, батогом не прогнать бригадира дальше ворот, никаким калачом не выманить на улицу, если не случится пожара. Но вот взойдет луна, он сгребает свою старую хромку, гнет дугою шею и кричит: «Геть, веселая братва, бегом ко мне!» Мигом сколотит компанию и поведет молодцов в соседнее село Старое Раменье, напрямик, через хлипкие луга, через болото, благо, то село недалеко, всего в полукилометре.

Васяня крепко прихрамывает. Но шагает бригадир споро, ногу в сторону. Ремень гармошки то и дело сваливается с плеча, Васяня резким движением локтя поправляет его.

Пальцы, не отрываясь от грифа, ловко бегают по кнопочкам. Басы хрипло выкрикивают в такт неравномерному шагу.

Чубарики-молодцы Витек и Николка, первые заводили по части лихих запевок, держатся по правую и левую руку от гармониста, ни на шаг не отступают от него и всю дорогу горланят частушки. Васяня озорно трясет головой, поминутно оборачивается, зыркает глазами на ребят, те дружно подхватывают.

Председатель золотой,
Бригадир серебряный,
Отпустите погулять —
Сегодня день не ведренный.

Бригадир согласно кивает, точно выдает разрешение на гулянье, и, довольный, щерится, прикладывает ухо к трехрядке, крутит шеей, будто в самом деле давит воротник. С шумом, гиканьем вваливается веселая орава в Старое Раменье.

Я мальчишка-хулиган.
Батька делает наган;
Отнимает от телеги
Колесо на барабан.

Вздрогнула, всколыхнулась сельская улица. Завечеревшие было дома вновь ожили и как-то враз насторожились. Где-то с треском хлопнули ставни, откуда-то из переулка донесли тревожные голоса:

- Никак, тюшковских черти несут?..
- Пошто... Это соколята.
- Кажись, быть драке...
- Пронеси осподи.

Старик Володенька в этот час сидит на чурбаке, старательно отбивает старую, заржавевшую косу. Заслышав песню, он медленно распрямляется, тяжело глядит на дорогу.

— Ишь оне, загуляли... — бурчит недовольно. — Это в сенокос-от?!

Кузнец Паля по обычаю своему зорюет под любимым окошком, на завалинке, жжет вечернюю порцию едучей махры. Кузнец сипло затягивается дымом и натужно кашляет.

— Кхе-кхе... Гулевая пошла молодяжка, — высказывается он более определенно.

— Драть некому.

Володенька вешает косу на верхнюю перекладину

крыльца, машинально нащупывает рукой долото, воткнутое в стену. Он теперь стоит вполупоборот к дороге и хмуро смотрит исподлобья.

Зазывные гармонные переливы ближе и ближе к дому Володеньки, задорные, певучие голоса становятся все звонче и громче — прямо забирают, будоражат улицу. Теперь не слышать блеяния овец, мычания коровы в соседнем дворе, не доносится оттуда тугих ударов молочных струй о дно подойника. Сельский вечер целиком заполняется веселым гомоном, песенным перезвоном и молодецким посвистом.

Я у тещи был в гостях,
Суп хлебал гороховый...
И с улыбкой на устах
Третий день сажу в кустах.

Вздыхают мехи в руках у Васяни, гармонь кричит, рокочет, рассыпает трель.

Ходит Ванюшка босой,
Не тверезый, не косой.
Он играет, и поет
И наряды всем дает.

— И-их, мать честная! — срывается восхищение с чьих-то уст. Дверь раменского клуба, что стоит в центре села, за старым кладбищем, с шумом распахнулась, на крыльцо густо высыпали плясуны. Они только что лихо дробили ленчика.

— Эй, Васяня! Кончай базанить.

— У-лю-лю!..

Тракторист Коляха Цветков расталкивает толпу на крыльце, выволакивает за собой Афоню-гармониста, коротко приказывает:

— Жарь плясовую!

Афоня то ли важничает, то ли трусит, но медленно спускается по ступенькам. Коляха дробит чечетку, шумно скатывается вниз и, широко раскинув руки, коршуном идет на супротивников. Тут и Афоня смелеет, рвет мехи. Раменцы рекой текут из клуба на улицу, окружая и обволакивая ватагу соколят. Оба гармониста — заводилы. Коляха, Витек и Николка оказываются в тесном кругу, нос к носу. На них нападают со всех сторон, покрикивая, подзуживая:

— А ну-ка, вдарь, Васяня! Не уступай...

— Никола? Сыпь, Николка!

— Коляха! Частушку!

— А ты, Афоня, чего губу отвесил? Жарь!

Состязание началось.

Ничего нет более задорного и удивительного, чем сельское состязание гармонистов, плясунов, частушечников. Захлебнутся хромки, тальянки в голосистых переборах, всхлипнут, зарыдают, зайдутся в соловьиных трелях. Охрипнут наконец, но не замрут... Плясуны отколачивают дробного трепака с оханьем, аханьем, посвистом; то закружатся волчком, то широко разбегутся по кругу, да выкинут коленца, да всыпят заряд ладошей... А какие частушки вылетают в этой импровизированной «перебранке»!

Ой вы, рёбя-рёбятё,
Где вы денег берётё?

Коляха крутится на одной ноге, останавливается перед Николкой, плавно разводит руками:

По деревне ходитё,
Наверное, воруетё!

Но и Николка за словом в карман не лезет. Он быстро выдает замысловатый ответ:

По деревне мы идем,
Чикоем, брякоем.

Васяня зыркает глазом на своих, и те дружно подхватывают, помогают Николке:

Кому в ухо, кому в нос —
Больше не калякаем.

Такая частушка звучит вызывающе. Но ни та ни другая супротивная сторона не обращает внимания на вызов, не окажись поблизости дяди Володи.

— Это кого же мне в ухо...

Васяня, завидев Володеньку, устало пятится назад и тихо свертывает гармонь.

— Брось, дядя Володя, шутки это.

...А ленчик шел задорно, весело.

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ, ДЕРЕВНЯ!

Прошли годы. И снова довелось побывать в Старом Раменье.

...Осенью пятьдесят восьмого я уезжал из «Красного знамени». Колхозники долго судили-рядили на собрании, и так и этак дело поворачивали, но под конец решили от-

пустить заочника МГУ для завершения учебы. В заключение кто-то предложил взять с меня слово — вернуться с дипломом. Разговор шел душевный, и я дал мужикам твердое обещание. Его тут же занесли в протокол. А потом земляки-доброхоты написали мне в Москву, что у них произошли изменения. «Красное знамя» объединилось с соседним колхозом, позже объединенное хозяйство в числе других артелей преобразовалось в совхоз. «Твердое» обещание мое повисло в воздухе, возвращаться было некуда.

К этому времени и учеба в МГУ закончилась. У меня появился диплом, а новая профессия позволяла сделать любой выбор. Я выбрал родной город в Подмосковье, там и остался.

Как-то летом взял отпуск и собрался было укатить на юг, к Черному морю. Неожиданно получаю письмо с Вологодчины. Старый друг, бывший зональный секретарь Николай Васильевич Чирков, сообщал, что он перебрался из знакомых мест в другой район, работает теперь председателем колхоза.

«...Тигинские места живописные, кругом леса и озера. И речка протекает под окном. Приезжай,— звал к себе Николай Васильевич,— полюбуемся на зеленое раздолье. Купаться и тут есть где. Вода в речке чистая, прозрачная — плещись, сколько влезет. Или с удочкой броди по тихой заводи». Друг знал, чем пронять горожанина!

Кто хоть однажды побывал в тех северных краях, тому не устоять перед соблазном вновь оказаться среди дремучих лесов и девственных озер, подышать ядреным воздухом, увидеть нетронутым мир зеленой благодати, пройтись босиком по росной траве.

...Стучат торопливые колеса. Душная ночь сменяется прохладным утром. К обеду теплые объятия друга. Чирков усадил меня в свой председательский «газик» и покатил в глубь лесов.

По мере удаления от городской цивилизации все больше начинаю ощущать всем существом своим единение души с природой. Постепенно переносюсь в мир сельской тишины и неброского уюта, по которому успел стосковаться.

Друг не обманул моих надежд!

Тигинские места, где он хозяйствовал, богатые и славные. И леса, и озера, и луга, и речка под окном. Правда, Николай Васильевич, как истинный селянин, возиться с отпусником не стал. Все остальное предоставил в полное мое распоряжение.

Днями брожу по окрестным местам, вволю дышу, загораю — одним словом, провожу отпуск. Если не просплю, то еще на зорьке спускаюсь к реке. Воткну в бережок два-три удилища и поглядываю на поплавки: не клюнет ли горбатый окуnek, не зацепится ли шальной ершишка...

Солнце разогреет, заберется ввысь — купаюсь в реке, валяюсь на горячем песке. Вечером, когда друг отрывается от своих председательских забот, идем вдвоем промышленять рыбешку на омутах. Много рыбы нам и не надо. Наловим с котелок — тут же на берегу костер разложим. За ухой, за разговором и не заметим, как из лесу подкрадется ночь. Тихая, лунная. На траву падет роса. Небо вызвездится и такую благодать ниспосллет на землю!..

Но председателю утром рано вставать...

Мы нехотя поднимаемся, тушим костер и молча шагаем к дому. Пересекаем скошенный луг, взбираемся вверх по косогору. На угорище остановишься, поглядишь назад — благодать-то какая! Над рекой стелется туман, заволакивая берега и чернеющие отроги крутых излучин долины. Сонный луг медленно затягивается дымчатой кисеей, белые волны, словно вспененное молоко, накатывают и накатывают с реки, укрывая всю низину, туманом, лишь вершинки стогов бугрятся из-под него...

Невдалеке от нас плотина сельской ГЭС. Там день и ночь бурлит и падает вода. Туман как бы сдерживает бег ночной волны, приглушает шум водопада.

Деревни весело смотрятся светлячками в ночной сумрак, игриво перемигиваются с вершин темнеющих холмов, словно заывают друг друга в гости. Невольно ждешь: вот-вот где-то взиграет гармошка!

Отпуск не кончился, в запасе целая неделя, а мне что-то взгрустнулось в Тигино. Я засобирался в дорогу. Николай Васильевич сердито отговаривает:

— Какого еще лешего?!

— Не знаю...

И впрямь, чего еще надо? Знай любуйся туманами, набирайся сил, вари уху. Так нет, душа по вечерам стала беспокойной, зовет и тянет куда-то. Уж так, видно, устроен человек. Хороша жизнь, а чего-то всегда не хватает.

Друг наконец махнул рукой, усадил меня в машину и отвез на вокзал.

— Уж не в Раменье ли потянуло?

— Конечно!

И вот оно, Раменье, совсем рядом. Шофер попутной машины крюка делать не захотел, как я его ни уговаривал, высадил меня в Поповке. Отсюда верст семь пешком.

Я пробираюсь лесом, старой заросшей дорогой. Когда-то тут был зимник, и летом случалось ездить, я это помню, а теперь просеку затянуло сплошь мелколесьем, буйной травой. Из лесу на дорогу шагнул малинник и всюю разросся на обочине. По обе стороны от старой просеки дремучий лес. Над макушками деревьев полыхает солнце. Кроны мачтовых сосен и густых елей уперлись в безоблачную синь неба. Острые лучи солнца прорезают зеленую бахрому и, дробясь, льются косыми дрожащими струйками на землю. Лес радушно светится, земля слегка парит, наполняя воздух духотищей и ароматом трав. От каждого бочажка тянет прелой сыростью и крепким настоем багульника. В тени деревьев на траве еще поблескивают изумрудные дробинки росы и, когда нога ступает в тень, широколистник роняет на землю горячие слезинки.

Спешу проскочить лес, поскорее выбраться на опушку, за которой, знаю, начнется болотистый луг; он упирается в поле, только перепрыгнуть обводную канаву — дорога поведет по склону вверх, а там и рукой подать до Раменья.

Вот наконец и опушка леса. Чашоба расступилась, и вдали замаячил знакомый холм, завиднелись силуэты крестьянских построек: домов, гумен, сеновалов, бань, беззаботно рассыпавшихся по косогору, шагнувших вправо и влево и вглубь за угор, спрятавшись там по самые маковки крыш. По западному склону вьется, петляет узкая полевая дорога, поднимается вверх до крутого взлобка, подбирается вплотную к крайним избам и теряется за ними где-то на селе.

Всю правую сторону склона, от дороги и под обрез южного горизонта, где небо, лес и земля сходятся в одной линии, занимает поле ржи. Поле кажется сейчас огромным, раздольным, оно мерно волнуется, перекатывая серые волны, а над ним висит марево, дрожит сухой, каленый воздух, пропитанный цветущими злаками. Влево раскинулось море клевера. Оно в цвету, переливается яркими красками, пахнет медом. Вблизи этот бархатный ковер кишит пчелами, шмелями, осами, охочими до нектара. Легкий ветерок волнует и рябит цветущее половодье, тревожа царство насекомых.

Я бегу по пыльной уезженной дороге, легко поднимаюсь в гору. Узкий коридор враз обрывается: вот и околица!

Меня встречает старая без макушки береза, приветственно помахивая длинными нитями повисших ветвей. В их шорохе и тихом шепоте листьев слышится упрек полуденному страннику: «Явился, блудный сын!»

В летний день село кажется вымершим. Взрослые на покосах, стар и мал спрятались в тени; в зной вся сельская живность разбредается по укромным местам. Собаки дремлют в конурах или под крылечками, куры распластались у забора, ворухаются в лопухах, кот свернулся клубком на завалинке, голуби спят на чердаке, воробьи забились под застреху.

Выхожу на центральную площадь. Здесь, посреди села, кладбище и церковь. Деревья изредились, отчего площадь стала просторней и какой-то неухоженной: церковь посерела, на толстых вековых стенах появились грязные потеки и обозначились трещины, а полуразвалившаяся колокольня украсилась зеленой порослью.

В дальнем краю площади стоит двухэтажная контора, напротив магазин, а сбоку, на углу кладбища,— пожарное депо. Там на скамейке дремлет чернобородый с хищным носом старик, это Паля-кузнец. При мне он ковал, а теперь сторожем у пожарки. Старик привалился к стене, сидит не шелохнется, наверно, спит.

Контора оказалась закрытой, магазин тоже на замке. Я постоял немного и потопал дальше. Не отошел и десяти шагов, как за спиной что-то забулькало, захрипело, затрещало. Оглянулся — на высоком столбе тарыхтит стальной раструб: «Ага, радио заимели. А раньше только поговаривали о нем». Серый раструб потарыхтел немного, настроился, и сонную тишину разорвали громоподобные звуки:

— Р-Русь! Слава тебе.

Паля-кузнец вздрогнул, второпях чертыхнулся и полез в карман за куревом...

К вечеру село стало оживать, наполняться знакомыми и до боли родными звуками. Где-то скрипнул колодезный журавль, хлопнула калитка, вдоль улицы пропел грудной бабий голос:

— А-ню-уу-т-ка! Ты где запропастилась, холера!

Недалеко от церкви стоит дом Федора Антипина. Просторный, старый, с зимовкой и покривившимся двором. Летняя изба обшита тесом. Усадьба Феденьки выпирает чуть ли не на площадь и ни к какому посаду не относится. Перед окнами палисад, а за домом — крохотный огородик, обнесенный ольховым частоколом. Феденька в огороде, ко-

пается в грядках. Я окликнул его. Старик выпрямился, приложил ладонь к сморщенному лбу, замигал глазами:

— Ох, кого вижу-то!

Он запрыгал на борозде, засеменял к калитке.

— Сколько зим, сколько лет. О-хо-хо!

Мы обнялись, похлопали друг друга по спинам.

— Заходи, будь гостем.

Феденька засуетился у крыльца, тут у него стоял пузатый нечищенный самовар с прогоревшей трубой. Он начал трясти самовар, наполнять его углями.

— Сей момент мы его...

Встал, досадливо замахал руками: «Куда это запропастилась старуха?» Потом вспомнил, что старуха укатила в город, к деткам, успокоился.

И вот во дворик выставлен хромой стол, постелена клеенка, на нее легли огурцы, тарелка толченого лука, сдобренного сметаной, куски черствого пирога. На широкой каменной плите подле крыльца пытит самовар. Феденька слазил на сарай, достал свежих яиц, извлек из мучного ларя пыльную четушку, выставил ее на стол; яйца же начал запихивать под крышку самовара.

— Каким это ветром тебя занесло?

— Да вот отдыхал поблизости,— сказал я, хотя про «близость» упомянул так, для виду.

— Э, вот что. Так, так... Стало быть, не забывается наше Раменье?

— Ну что ты, как забыть!

Старик дрожащей рукой разлил по стопкам, подвинул ко мне крупный огурец и дольку пирога. Руки у него натруженные, в синих прожилках, и сам Феденька постарел, еще больше посивел, только глаза озорно поблескивают.

— Давай за встречу.

— За Раменье, чтобы оно вечно стояло.

На дороге показались телеги с косцами. Анатолий Цветков соскочил с передней, прошел мимо палисада.

— Толюшка, зайди! — крикнул ему Антипин.

Цветков наклонился, глянул через частокол, потом кинулся к калитке:

— Свят, свят, ты ли это?

— Как видишь, бригадир.

Цветков гыгыкнул в ответ, сказал, что он не бригадир, а снова конюх.

Пришел и Ванюшка.

— Здорово живем, председатель. Кх-м!

— Бог мой, Ванюшка! Как поживает Санюшка?

— А что хворой бабе сделается?

Вскоре в Феденькин двор набралось много народу. Мне то и дело приходилось вставать из-за стола, обниматься с дорогими людьми, с которыми почти четыре года, как говорится, хлебал киселя и отведывал всякого лиха. Охам, ахам и прочим душевным разговорам не было конца...

Под утро в Раменье прикатил директор совхоза Мальгинов. Василий Михайлович раньше работал главным инженером в МТС, мы знали с ним и дружили. И теперь он обрадовался встрече, усадил в машину, повез показывать хозяйство.

— Совхоз теперь знаешь какой?! — не то хвастался, не то сокрушался хозяин. — Всю кулигу в него ввалили.

Кулигой люди здесь называли отдаленные подлесные колхозы. Захудалые это были хозяйства: ни зерна, ни молока, ни мяса никто от них не ждал. И льном лесные жители не умели заниматься, а может, он плохо рос у них. Весь прежний доход состоял от продажи древесины. Но лес с годами повывелся, люди разъехались, некому стало работать на земле и обихаживать скот.

— Разве теперь поднять эти деревни? — вздыхал Василий Михайлович. Он глядел за дорогой, старательно объезжая все выбоины и камни, продолжал знакомить меня с делами и нуждами совхоза.

— Техники теперь не скажешь, что мало. Под сотню тракторов и машин всяких. Прицепных тоже достаточно. В самый раз звенья создавать, камень убирать с полей, кустарник на межах выкорчевывать. Но все дело в людях: и механизаторов не хватает, и полеводов маловато, а уж про доярок и разговоров не веду — расстройство одно.

Проскочили низинку, где чернели длинные валы заготовленного торфа. Два трактора перетряхивали, сушили торф.

— Органику готовим. Тони по пять вносим в среднем на гектар. Мало.

— А строительство как идет? — поинтересовался я у Василия Михайловича. Торф меня не интересовал, потому что в голову засела неотвязная мысль: чем заманить в эти края людей?

Василий Михайлович не уловил подтекста в моем вопросе, ответил не сразу.

— А как идет? Средне! Своих людей лишку нет, строи-

тельные конторы — они все в городе, от нас далеко. Кто поедет в такую глушь? А на притужальнике немного на-таскаешь...

Он оторвал руку от баранки, поскреб небритый подбородок, переключил скорость и поехал шибче.

— А вообще-то строимся помаленьку. В Раменье двор новый поставили, я тебе покажу его на обратном пути. В Лаптеве — твой еще двор стоит. Телок в нем держим. И «таран» постукивает, подает воду.

— Сохранился?!

— Живой. Не забыл, наверно, нашего механика. Заводной был старик, дошлый до всяких технических новинок... Жаль, недавно умер.

— Деловой был старик, — пожалел и я механика. — Помню, пристал с этим «тараном», покоя не давал никому, пока не установили. Сам же взялся и сруб опустить в котлован.

Будто догадавшись почтить память механика молчанием, мы оба полезли в карманы за папиросами, закурили и минут пять ехали не разговаривая. Потом Мальгинов затормозил, остановился на пшеничном поле.

— Вот она, полюбуйся. Разве это хлеб?

Мы оглядывали скудное поле с редкими пожелтевшими растеньицами, рвали колосья, мяли их в руках.

— Тут и воронье не летает. Откуда же взяться назему?

— Чего же плохо хозяйствуешь? — слегка поддел я директора, но так, чтоб не слишком было больно.

— А! — махнул неопределенно рукой Мальгинов и полез обратно в кабину.

Отъехав с полверсты, он вернулся к прерванному разговору.

— Назем назьмом, но и сорт надо менять. «Диамант» сейчас завозим. А эта, «лютесценс», на наших землях не родит. Колосом мелка, и молотить ее сущая беда. Хоть молотком выколачивай.

«Газик» проскочил длинное каменистое поле, опять спустился в низину. Колеса зашуршали по высокой осоке.

— Не засядем?

— Не должны, — буркнул неуверенно Мальгинов. — Лето сухое, проскочим.

Он между тем стал напряженно вглядываться вперед, выбирать одному ему известные места, которые можно считать проезжими и надежными в этой лядине. Машина вертко увиливала от зыбучих проплешин, перепрыгивая

через старые колеи, наконец перескочила ручеек, наглухо затянутый осокой и плотным шелкуном, выбралась на твердую дорогу. Только теперь я догадался, что мы направляемся к Тимошкину хутору.

— Не хочешь побывать в Чашливе?

— Проедем ли?

Я знал, за хутором дорога поведет глухим лесом, и там проехать на машине нелегко. Шоферы и раньше говорили: «Дорога что тебе надо: вернуться да еще проехать».

Мальгинов на мой вопрос кивнул головой — проедем, но, видимо, подумав, засомневался:

— А впрочем, черт ее знает. Я давно тут не ездил...

Дорогу мы открывали с ним почти заново. Колеи не было видно, все заросло, посреди проезжего полотна рос молодой ольшаник. Василий Михайлович лихо крутил баранку, включил демультипликатор. Мотор бешено выл, хозяин усердно давил на газ, часто сдавал машину назад, швырял ее влево, вправо, брал наискосок старые лужи, затянутые ряской. Пробрались все-таки без особых приключений, если не считать малой задержки, когда задним мостом поймали в зыбучей рытвине сукастую валежину и чуть было не оборвали тормозную трубку. Лес кончился, машина мягко покатила по шелковистому лугу. Березовое урочище, на котором раньше чашливцы ставили до полсотни стогов, теперь являло собой удручающую картину. Лес наступал на луг, на каждой поляне лишаями обозначились круги ивняка, чистых мест между ними оставалось немного. По всему видно, что здесь давно не хаживали с косой, не бывали с топором. Еще год-два, и луг погибнет окончательно.

— Чего не косите?

— Некому косить, — зло буркнул директор. Он, видимо, ожидал колючих вопросов, был настороже и всю гнал машину.

— Сейчас еще лучше увидим, — предупредил он, когда луг кончился, и дорога повела нас по полю.

Граница перехода от луга к полю угадывалась с трудом, и здесь кустарник всю наступал, заполнял землю. Лишь высокие межи-каменки, которые превратились в холмы, подернутые малинником, чертополохом и еще какой-то дикой зарослью, говорили о том, что здесь было когда-то поле. Загоны слились, стерлись, разъемы заплыли, затянулись травой, ничто не напоминало о плуге и борозде. Малина на солнцепеке поспевает рано, она издали красовалась на каменках крупной усыпной ягодой. Но Василий

Михайлович отворачивался от вкусной благодати, катил все дальше и дальше, пока не обогнул высокий курган, поросший жирной лебедой,— место старого коровника — и не оказался посреди деревенской улицы.

И здесь на самой дороге буйно разросся одуванчик, цвели ромашки, лютики, а у забора глазели нежно-синие колокольчики.

Василий Михайлович не предупредил заранее, что везет в мертвую деревню. Теперь же, выбравшись из машины, он отошел в сторонку, уселся на траву, достал пачку «Беломора» и молча закурил. По старой привычке я направился было к дому бригадира, но, не пройдя и трех шагов, остановился. По спине забегали мурашки. К домам не вело ни одной тропки, травой затянуло все лысые пятачки и вытоптанные места, окна многих изб были наглухо заколочены досками, а те, что не заколочены, гляделись отчужденно и холодно.

— Как это? — повернулся я к Мальгинову. — Ты чего тут наделал?!

Крик вырвался сам по себе, но пыл как-то враз и иссяк. Василий Михайлович тревожно отбросил недокуренную папироску, вскочил на ноги, провел рукой по груди, нащупал ворот, расстегнул верхнюю пуговицу.

— Как это случилось? — допытывался я.

— А вот так, — зло огрызнулся директор.

Я начал понемногу остывать. Но горечь и чувство невосполнимой утраты не давали успокоиться.

— Да ведь тут было шестнадцать хозяйств, коровник был, телятник. Гумна стояли и дома новые.

— Так что ж из того... Коров в Раменье перевели. Люди разъехались по другим деревням, многие в город подались. А дома, пересчитай, все целы. Заходи и живи.

Я бродил по деревне, считал дома. Одиннадцать, тринадцать, шестнадцать... Три последних дома — почти новые, смола выступает на каждом венце, и углы срубов покрашены свежей краской. Это жилища братьев Семичевых. Шумливые были братаны. Только, бывало, откроется бригадное собрание, как Пеша запрыгает на лавке, Андрюша опустится на колени, затрясет бородой, жалуясь начальству на местное лихоимство и несправедливость. Но кто лихоимец, он не скажет, понимай сам председатель. А третий, Николай, в это время молчит, знает, о чем шумят старшие братаны, но словом не обмолвится. «Пусть сам хозяин доходит до всего своим умом, честь по чести разбирается». Я в та-

ких случаях обычно курил и внимательно вглядывался в лица сидящих, стараясь понять и разобраться в местных расприх. Братаны Семичевы удовлетворялись этим, считали, что они поведали наболевшее, вскоре утихали. Тут уж можно держать речь, говорить о делах и председателю, и бригадиру. А до того — ни-ни! Только масла добавишь в огонь.

Семичевы отшумятся, будут слушать внимательно, покачивая головами, трясая бородами в знак доброго согласия. Где они теперь, братаны Семичевы? Крикливые, но работающие были мужики, по восемнадцать — двадцать стогов ставили на семью каждое лето. Все трое — охотники. С младшим Семичевым однажды ходил и я на медведя, сидел на лабазах. Не задалась тогда охота: только вылезли медвежата на овес, а Николай Семичев не сдержался, кашлянул. Сзади раздался треск, не успели мы поднять ружья, как медвежат и след простыл. Я тогда отругал Николая за то, что дома не откашлялся, и на охоту в Чашливо больше не ходил.

Николай — фронтовик, однорук, но с ружьем управлялся ловко, был удачливым промысловиком. Он же бригадировал в Чашливе. Впрочем, бригадрили они по очереди с Иваном Сусловым. Деревня состояла из Сусловых и Семичевых, были семьи и других фамилий, но все они происходили от этих двух корней. А потому и порядок такой завели: отбригадирит Семичев, передает бразды правления представителю Сусловых. Иван тоже фронтовик и тоже однорук. Только у Ивана не было левой руки, у Николая — правой. Но оба бригадира были горячие, оба охотники и ни в чем друг другу не уступали. Что охотничать, что плотничать!

На обратном пути мы завернули на новую ферму. Признаться, после Чашлива мне не хотелось куда-то еще ехать, но директор, догадываясь о моем состоянии, тянул на новый двор, чтобы сгладить впечатление от пустой деревни, выправить настроение.

Коровник на сто голов был добрый, с автопоением и мехдойкой, под потолком тянулись два ряда электрических лампочек. Для уборки навоза и подачи силоса через торцовые ворота шла подвесная дорожка с несколькими люльками. Во дворе чисто, пол у коров и по коридору подметен, в кормушках — зеленая подкормка. Доярок днем на

дворе не увидишь, обеденную дойку они проводят в поле. Василий Михайлович с гордостью говорил про новинки на дворах, что всюду воду качают электромоторы, кое-где появились вот такие мехдойки.

— Ну и как, приживаются?

— Сперва доярки принимают мехдойку хорошо, охотно работают. А потом — беды угол.

— Чего так?

— Да запчастей не хватает. Резины нигде не достать. Из-за этого вот двора не раз в область ездил. Пришлось повоевать: испортился насос — нигде его нет. И доильных ведер не хватало...

Василий Михайлович подошел к кормушкам, оглянул «дачу» зеленки, потряс охалку горохо-овсяной смеси, определяя ее на вес, потом сорвал стручок, расщепил, бросил горошины в рот.

— Маловато косят.

— Может, на осень берегут?

— Хватит им и на осень. Однолетних нынче посеяно про запас.

Он показал и новый свинарник, сводил на кормокухню, где поставлены разные машины. Наконец решил свозить в центральные мастерские.

— Ремонт у нас на потоке, тут есть что показать.

Про ремонт Мальгинов мог рассказывать часами. Это был его конек. До своего директорства Василий Михайлович закончил институт усовершенствования инженеров, готовил себя к технической службе, а им распорядились по-иному. Сперва обязанности директора возложили временно, потом это «временное» перешло в постоянное. Мальгинов, по всему видно, тяготился директорством, считал эту должность не для «технаря».

— Брошу все к черту, — грозился он мне всякий раз, когда рассказывал о какой-либо трудности. — Вот председателю было бы с руки! Как-никак, и опыт руководства, и с людьми умеет обращаться.

Намек был слишком прозрачным. Я повернулся к нему и в упор спросил:

— Уж не мне ли эту должность предлагаешь?

— А что?! — оживился Мальгинов. — Это было бы дело! Поедем в райком, скажем, мол, так и так, решили по доброй воле. Тебя там знают...

Я расхохотался.

— Дадут тебе строгача по «доброй воле», и больше ничего.

Мальгинов стоял на своем.

— Нет, я вполне серьезно.

Василий Михайлович тормознул, остановил машину посреди дороги, чтобы сказать, видимо, нечто важное, но я не дал ему и рта раскрыть.

— Во-первых, в совхозной системе я плохо разбираюсь...

— Ну уж...

— Во-вторых, я не сторонник таких больших совхозов, как твоя «Кулига». В данной обстановке небольшие колхозы оправдывали бы себя лучше.

— Ты думаешь?

— Я высказываю свое личное мнение. На него можно и наплевать. Но одно тебе должно быть ясно: директора из меня не получится. А теперь поехали...

Но Василий Михайлович заглушил мотор.

— Постой, постой... Ты что, вообще против совхозной системы? Или тебе только наш совхоз не по душе?

— Это длинный разговор. По-моему, совхозы надо делать сильными, чтобы служили примером. Колхозы надо подтягивать до уровня совхозов, и делать это исподволь.

— Прости, но это что-то новое у тебя.

— Ничего тут нового нет. Колхозы накопили много ценного в...

— Ты имеешь в виду артельную, кооперативную форму управления? — подсказал Мальгинов.

— А почему бы и нет? Не худо бы кое-что от нее и в совхозе твоём оставить. Тогда бы поменьше увлекался приказами, на которые крестьянин плюет с высокой колокольни, а больше работал бы с людьми.

— Значит, дипломатничать?

— Не дипломатничать, а советоваться. Ведь хороший хозяин ни за что бы не пошел на умерщвление таких деревень, как Чашливо. Это противно его естеству. Как же так? Веками отвоевывать у лесов и болот землю, холить и лелеять ее, поливать потом, а тут на тебе, взять да бросить — обречь на запустение.

Василий Михайлович вздохнул:

— Напрасно я тебя свозил в Чашливо.

— Разве в одном Чашливе дело! Я был у Чиркова, там то же самое видел. Исчезают мелкие деревни, пустеет земля.

Услышав про Чиркова, Василий Михайлович изменился в лице.

— Ты был у Чиркова?

— Разве я тебе не говорил? Ах да...

— Ну и как он?

Я рассказал, что знал, что успел увидеть, отдыхая в Тигине. Приятно было, что Николая Васильевича здесь не забыли, помнят его боевые товарищи.

...Еще учась в университете, когда приезжал на сессию, будоражил я друзей-студентов, подбивал ребят, жарко доказывал, что если разъехаться по глухим местам, на карте не останется ни белых, ни темных пятен. Жизнь всюду забурлит, и жить станут люди красиво, вольготно. Цель-то какая! Ради нее можно не пощадить одной жизни, сжечь для общего блага. Лишь бы жилось людям легко...

«Ну вот и попробуй первым!»

Попробовал. Рвался в работу, и людей в колхозе колготил. Доказывал, убеждал, поднимал на штурм. Все хотелось по щепочке, по гвоздику собрать запущенное хозяйство. А оно как на грех дырявилось. Беды настигали и изнутри и извне. То кукурузу вдруг, то сахарную свеклу, то бобы заставляли сеять. То укрупнять, то разукрупнять хозяйство. Но не хотелось сдаваться. Трудности, невзгоды, неверие надо было преодолеть, побороть...

* * *

Поезд Череповец — Москва увозил меня домой, где ждали семья и работа. В вагоне было душно, сосед по купе опустил окно, и стук колес отдавался в висках. «Ты куда? Ты куда?» — выскакивало из-под колес. «Странный вопрос! Домой, на работу!» — «По-го-ди, по-го-ди!..»

Сосед завалился на верхнюю полку и затих. Поезд выскочил на крутой поворот.

Я отодвинул занавеску и вплотную приник к стеклу. За окном бежал лес, тянулись перелески, сверкали пруды и речушки, мелькали телеграфные столбы. Натянутые струны проводов игриво дурачились — то падали вниз, то плавно взмывали вверх. Лес вдруг расступался, выплывала оголенная низина с извилистым ручейком и россыпью необруанных копешек сена. Скошенный луг манил к себе своей гладью и свежей обновленностью. Хорошо здесь после дождика погулять с лукошком!

А взгляд мой скользил по уплывающему лугу, торопливо обшаривал все излучины петлявого ручейка, убегающего к

горизонту. Вдалеке вздымался холм, по склонам которого спускалось до ручейка поле. Над хлебами полыхала закатная заря. Левее, у темного обрыва, приютилась тихая деревенька, издали она казалась вымершей, застывшей в своей музейной опрятности.

А мне в этот вечер явно не хватало покоя. Картины прошедшего дня стояли как живые перед глазами...

После поездки с Мальгиновым, оставившей неприятный осадок, я на прощание повстречался с секретарем райкома партии. Повел он беседу издали, пожаловался на резко пошатнувшееся свое здоровье, которое вынуждает «подавать в отставку». Как бы между прочим, спросил:

— Учебу закончил?

— Да.

— Диплом получил?

— Естественно.

— Работа интересная?

— Та, к которой стремился.

Откровенного разговора у нас явно не получалось.

— Ну и как поживает твое Старое Раменье? — улыбнулся он после затяжного молчания. — Сказывают, ты уже и в Чашливо успел съездить? А вот Мальгинов, хоть и директор, еще ни разу там до тебя не побывал!

Николай Константинович рассмеялся неизвестно чему. А меня снова (в который раз!) поразила его осведомленность.

— Откуда вам известно?

— Ну, батенька, нам все известно! Земля слухом полнится — испокон веков так было в деревне! Ты лучше расскажи о своих впечатлениях. На свежий-то глаз виднее. Что нового узнал в районе?

Не дав мне собраться с мыслями, он продолжал:

— Совхоз, конечно, нескладный. И директора никак не подберем настоящего. А Мальгинов одно заявление за другим, чтобы освободили, а заменить некем...

Я уже начинал догадываться, куда клонит секретарь.

— Говоришь, неплохо жить стали люди, а?

— Да не жалуются. Жизнь пошла на лад.

— Рассказывают, будто ты успел сцепиться с Мальгиновым из-за погубленной деревеньки?

— Вам и про это доложили...

Тут секретарь предложил мне съездить в совхоз «Пригородный», посмотреть на нынешнее сельское строитель-

во, и, если понравится размах дел, так и остаться для работы в районе.

В поезде я восстанавливал в памяти этот разговор и поездку в «Пригородный». Поразило обилие техники в совхозе. Внушительное зрелище являла собой и комплексная застройка центральной усадьбы. В городах ко всему такому привыкли, а на селе — диво дивное! Многоэтажные дома, к примеру, показались бы в городе серыми коробками, а тут — небоскребы! Новенькие здания наступали на деревню, на лопухи и крапиву. И магазины на городской манер встроены в первые этажи домов. А старенькие избушки, словно в испуге, пятаются к заросшему пруду, но с противоположного берега наступают новехонькие, с иголки, корпуса животноводческой фермы. Конечно, недоделок много... Кто-кто, а я-то знал, что подчас такие «мелочи» обрачиваются острейшими проблемами, но все это, как говорится, дело второе, третье, десятое. Главное дадено, заложено, контуры будущего хозяйства определены. Гордись, директор!

«Щедрые подарки дает совхозу государство!» — сказал я сам себе с какой-то ревнивой завистью, и жаль мне стало Старого Раменья. Скоро ли дойдут руки до каждой деревни?

А колеса будто вступали со мной в спор: «Будет так! Будет так!»

Когда это будет? Как скоро?

Проплывали мимо холмы и деревеньки, таяли вдали, совсем скрывались из глаз. А я всеми мыслями цеплялся за эти бесценные картины и раздумывал: «Что же сказать тебе на прощание, край родной?»

— Я вернусь к тебе, деревня!

ВЕРНУЛСЯ НАВСЕГДА

И снова я в этих местах. Здравствуй, Вологодчина! Приворожила, что ли, околдовала?

Поезд пересекает поля колхоза, где меня две недели назад избрали председателем.

Избрали... С трудом избрали, и это обескуражило. Собрание было бурным. Просторный, но неприглядный

колхозный клуб, переделанный из деревянной церкви, не вмещал всех желающих присутствовать на выборах нового председателя. Старый часто подходил к трибуне и, надрываясь, говорил:

— Да поймите вы меня, не могу я больше оставаться председателем. Сами знаете, что вышло... Дважды обсуждали на бюро. Теперь вот исключен. Ну, словом, не могу.

— А мы не отпустим, и все тут! — гремел зал.

Слово брали предрик Полежаев, секретарь парткома Чистяков, инструктор райкома Веселов. Тщетно.

— Ну и что? Нового мы не хаем и своего в обиду не дадим, — кричали женщины.

— Да будет вам галдеть, — рассердился кто-то в зале. — Давайте послушаем нового, чего он нам скажет.

Выступать вовсе не хотелось. В самом деле, зачем меня нахваляют? Сунули еще в президиум, отрекомендовав представителем обкома. Неужели колхозники ничего не понимают?

Неожиданно вырываются слова:

— Вижу, что вы крепко поругали своего председателя, но держитесь за него. Вот и держитесь.

Радуюсь за коллегу: приятно видеть, когда председателя хотя и ругают, но ценят. Хуже, когда гонят в шею.

...Поезд подходит к станции Шеломово медленно, словно оттягивая минуты встречи. Перрон, железнодорожные насыпи пересечены снежными грядями. Накануне прошел буран. От вокзала метнулась знакомая фигура.

— Андрей, здорово! Сам приехал встречать...

Спыхватываюсь: «сам» — это теперь я, а Андрей — мой одноклассник, но выше меня на голову и шире в плечах, с виду суровый, тертый деревенский малый, который еще недавно был «сам», теперь мой заместитель.

— Ой, парень, что тут было без тебя!.. Век такой бури не выдывал. Посмотри, снегу-то накатило.

Он сочувственно косится на мои узконосые ботинки, быстро что-то соображает и безапелляционно командует:

— Беги в домик напротив, там валенки и тулуп.

Проваливаясь с каждым шагом, зачерпнув в ботинки колючего снега, выбираюсь на крылечко избышки. Из-за угла с охапкой дров появляется хозяин. Он добродушно замечает:

— В этих далеко не упрыгаешь.

В тесной халупе сумрачно, но тепло. Спешу отогреть замерзшие пальцы у жаркой печи.

— А я ведь вас припоминаю,— раздается женский голос из дальнего угла.

Пристально вглядываюсь в лицо хозяйки дома. Что-то знакомое, но никак не могу вспомнить, где я мог видеть эту женщину.

— Да вы еще провожали своих товарищей в Борисово-Суду. Заходили к нам, выпивали, а я вам закуску подавала...

М-да, не самое лучшее воспоминание.

Через пять минут серый мерин по кличке Затор уже мчал нас по полю. Показалась Пача — центр колхоза «Заря». Улицей не проехать. Снежный буран, разыгравшийся в начале февраля, засыпал деревню, местами наворотил сугробы вровень с крышами. Лошадь медленно тронулась в обход, по огородам, по брюхо увязая в глубоком снегу еще не укатанной дороги.

— Как со скотом? — спрашиваю Андрея.

— Корма грубые подвозились без перебоя, а силоса не бывало дня по три.

В это время санки так накренились, что мы оба чуть не свалились в сугроб. Я оплошал, не успев соскочить, и теперь висел на облучке, а Андрей круто развернулся и, тяжело переступая, поддерживал санки, не давая им опрокинуться.

Остановились около конторы. Только теперь, отвернув воротник тулупа, я заметил, что лицо Андрея покрыто крупными каплями пота.

— Ты его будто на себе привез,— насмешливо заметил вышедший встречать нас секретарь парткома.

АНДРЕЙ КУДРЯВЦЕВ

В райкоме Андрея охарактеризовали так: «Кудрявцев на работе себя не жалеет, ворочает, как вол, с раннего утра и до позднего вечера. Но водится за ним один грех: напьется — обязательно дров наломает».

— Хорошо,— говорю,— если райком решил снять его с председателей, давайте оставим заместителем.

Шляпкин, первый секретарь, как будто ждал этого.

— Я тоже так думаю. Но не скрою, у некоторых райкомовцев есть опасения...

— Какие?

— Говорят, что с ним трудно будет сработаться. Думают, что тебе не справиться с ним. Уж больно крут характером.

— Попробую.

Секретарь райкома доволен и вроде бы недоволен моим выбором.

— Подсидживать не в его духе. Тут будь спокоен,— добавляет он.

— А я и не боюсь. Подсидживают дураков да ротозеев.

На прощание мне советуют получше осмотреться, приглядеться к людям, найти ключи к ним, зажечь, поднять...

— Учти, чужих в Паче не любят,— по секрету сообщил знакомый инструктор, встретившийся в коридоре.

— Ладно, учту.

* * *

И вот второй день мы объезжаем деревни: я принимаю колхоз, Кудрявцев сдает.

— Народ у вас хороший. Зря погонять не надо.

Андрей охотно рассказывает о людях, о фермах, знакомит с хозяйством.

Мы только что проехали Старое Село. Побывали там на скотных дворах, осмотрели кладовые, заглянули на сушилку и в гумна. Теперь впереди — Покровское.

Перед въездом в село красуется двухэтажная школа — когда-то добротно срубленное деревянное здание, но почерневшее от времени и покосившееся.

«Надо потом зайти,— намечаю для себя,— поинтересоваться жизнью школы. Как-никак будущие хозяева колхоза подрастают здесь».

И тут же ловлю себя: вот так я примерно рассуждал и раньше, когда принимал колхоз «Красное знамя» в Дмитриевском сельсовете. В первый же день, проходя мимо школы, подумал, что надо зайти, познакомиться. А потом запарился, влез в колхозные дела, и долго было «некогда».

— О чем задумался? — перебил мои мысли Андрей.

— Да вот, школа... Сколько их у вас?

— Две восьмилетки да вроде восемь начальных.

— А учеников много?

— Точно не знаю, что-то около пятисот во всех.

Чувствую по ноткам в голосе, что школами Андрей мало интересуется.

— Тут вот церквушка была,— показывает он влево,— но ее теперь на дрова разобрали. Без крыши стояла, сгнила.

Мы проскочили мимо небольшой рощицы. Сельское кладбище. Кого-то недавно похоронили: чернел свежий холм, прикрытый цветами. Три женщины хлопотали подле холма. Они не обратили на нас никакого внимания, продолжали заниматься своим делом.

— Кто-то умер?

— Наверно...

Помолчали. Покровское осталось позади. В поле опять подул ветер, обжигая лицо. Глубже втягиваю голову в плечи, кутаюсь в воротник. Андрей шевелит вожжами, и Затор мчится лихой рысью. Комья снега летят из-под копыт, я отворачиваюсь.

— Козырек у санок надо бы сделать повыше, а то снегом забрасывает,— замечает мой собеседник.

Кивком головы соглашаюсь с ним.

Свернули в перелесок. Стало тише. Можно теперь оглядеться. Стараюсь запомнить дорогу, приметить каждый кустик.

— Скоро будет Соколье — самая дальняя деревня в этом краю,— сообщает Андрей.

— А Демидово?

— Далеко отсюда. Вернемся назад и возьмем правее, через Шапкино и Берендюху. Сегодня не успеем.

В Соколье прибыли в сумерках. Бригадир, низкого роста кражистый мужик, повел нас на скотные дворы. Он не отличается разговорчивостью, и потому обход большей частью проходит молча. Лишь изредка перекидываемся короткими фразами.

— Сколько коров?

— Семьдесят пять.

— Корма есть на ферме?

— Подвозим аккуратно.

В кормушках нахожу толстый слой преющего корма.

— Не чистите?!

Бригадир с укором смотрит на доярок.

Самая шустрая из них объясняет:

— Только два дня не чистили.

— И такой слой накопился... Хвойная мука есть?

— Сегодня навозили хвой,— отвечает за доярку бригадир.

А в конюшне совсем другое: кони вычищены, в кормушках доброе клеверное сено, в проходе подметено.

— Кого больше любишь, Василий Антонович, лошадку или корову?

— Да ведь и тех и других приходится.

— Это приходится. А кто все же ближе сердцу?

Бригадир не дает ясного ответа, но и без того все понятно.

Поздно вечером вернулись в Старое Село. Оказывается, здесь у Андрея дом, это его родина. А днем, проезжая мимо, он ничего не сказал.

— Переночуем у меня.

Соглашаюсь. На дворе ночь, до Пачи еще далеко.

На пороге приветливо встречает хозяйка.

— Зоя,— коротко представляет ее Андрей.

Вижу, что нас ждали. Минут через пять на столе появилась миска горячих щей. Обжигаясь, мы принялись опоражнивать посуду.

— Что же это ты нас одними щами пробавляешь... Налила бы, что ли,— недовольно обратился Андрей к жене.

Та смутилась:

— А может, новый председатель не пьет?

— Ну, это мы сейчас проверим.

Не успел я что-либо сказать в ответ, как Андрей разлил водку по рюмкам, заткнул бутылку и подал ее обратно жене.

— Все, хватит. Будем пить по-новому.

Я невольно улыбнулся и взял рюмку.

— И работать по-новому!

— Это уж само собой!

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Февральские ночи длинные.

И хотя спать улеглись после полуночи, до рассвета было далеко.

Спать не хотелось: думал обо всем, что увидел за день. Чуточку кололо самолюбие. Колхозники всюду обращались к Андрею и, хотя знали, что рядом новый председатель, мало считались с этим. Иной бросит в знак приветствия:

— Это что, новый хозяин?

Весь день пытался уловить настроение людей, но, кроме поверхностного любопытства, ничего не открыл. Порой становилось неловко, но надо было гнать это чувство подавленности. Ведь кто я им? Посторонний человек, поставленный, пожалуй, против их воли председателем. Мне они дали аванс, его надо отрабатывать. Не хныкать, а показать, на что способен. Двинуть хозяйство вперед! Сумею ли? Должен!..

Слово чуть не срывается с губ. Спohватившись, останавливаю себя, от досады резко переворачиваюсь на другой бок. Затем снова ложусь на спину и открываю глаза. Смотреть в темноту быстро надоедает. Хочется закрыться с головой и ни о чем не думать. Но это не удастся. Возбужденный мозг усиленно работает, мысли нанизываются одна на другую.

...Проснулся в половине восьмого.

Андрей давно уже был на ногах, осторожно ходил по комнатам.

Быстро вскакиваю, одеваюсь. Затебла правая рука. Видно, последний «перевал» пришелся на правый бок.

Делаю легкую разминку.

В комнату заглядывает Андрей.

— Бриться будешь?

Провожу ладонью по щекам. Терпимо вроде... Но лучше побриться.

Через десять минут садимся завтракать. Зоя собрала на стол и быстро удалилась, чтоб не мешать мужчинам обсуждать свои дела. Но за завтраком разговора не вышло. Что-то мешало. Оставалась надежда на дорожную беседу. Так и получилось на самом деле; два-три вопроса, и Андрей снова становится словоохотливым.

— Вон видишь кустарниковые гряды? Остались после раскорчевки. Тут кругом старосельские земли, а там, правее,— Пашнец. У них низкие места, весной и осенью на тракторе не пробраться. Восточнее—видишь ровную гладь?—озеро. Добраться до него летом тоже нелегко: берега болотистые. По соседству с озером распаханое поле. Но черт его знает, что за земля? Посеяли овес, так и коровы его не едят. Траву раньше косили—тоже несъедобная. Что там за соли—никто не знает.

— А влево,—продолжает свой рассказ Андрей,—пойдут уже демидовские поля. Покосы у них богатые и земли подходящие. Демидово всегда жило крепко, раньше по трудодням мясо выдавали.

...Незаметно докатились до Берендюхи. Небольшое, но, видать, крепкое поселение. Дома аккуратные, ровно выстроенные. К речке за огородами у каждого банька: стало быть, чисто живут, в печах не моются.

Первым делом отправляемся на скотные дворы. Я чуть задержался у сеновала, а Андрей — быстро в коровник. Через минуту оттуда раздалось громовое:

— Гурьян! Ты что, в своем уме? Или сдурел?

Спешу узнать, в чем дело. Во дворе стоят дровни, нагруженные навозом; замечаю — наполовину с силосом. Андрей дает нагоняй бригадиру.

— Да ведь не едят его коровы, — говорит Гурьян, заметно смутившись.

Но Андрея это оправдание только подогревает.

— Ты первый день на свете живешь? Не знаешь, как скормливать корма? Ребенок... Настанут еще черные дни — и такому силосу будешь рад.

Я готов был согласиться, что силос надо скормливать умнее, но хотелось протестовать против грубого обращения с бригадиром. Однако протест мог показаться неуместным, и я решил поговорить о случившемся дорогой.

— Андрей... А что, Гурьян из-под палки привык работать? — начинаю издалека.

— Рвань ему надо почаще устраивать.

— За силос или еще за что?

— Не любит на скотные дворы заглядывать. Зима ему — отдых.

— А на правлении его обсуждали?

— Обсуждали, да хоть кол на голове теши...

— Может, еще потолковать с ним надо.

Андрей ответил не сразу, о чем-то задумался.

— Бригадка его маленькая, Пашнец да Берендюха. Сам-то он из Пашнеца. Но со льном управляется лучше всех. Нынче по 1200 рублей с гектара выхватили. Одни только и премию получили.

— А другие как?

— У других меньше тысячи вышло, до премий не дотянули.

На этом обсуждение инцидента и закончилось.

Подъехали к следующей небольшой деревеньке.

— Это и есть Пашнец?

— Он самый.

Я невольно поглядел направо, налево, стараясь заметить хоть какую-нибудь особенность этой деревни. Но ничего

примечательного не нашел: низенькие дома, обложенные мхом или соломой, две кривые улочки сошлись под тупым углом, на отшибе расположились скотные дворы, приплюснутые к земле, до крыш занесенные снегом. Две женщины копались в сугробе, расчищая проход к воротам.

Из маленькой убогой водогрейки валил густой черный дым. В двери нельзя войти: сквозь чад ничего не видно. На наши голоса кто-то отозвался изнутри, а потом в дверях показалась женщина.

— Что, по-черному топите?

— Затопишь. Сделали печь, а в ней котлы сразу опустились.

Андрей сердито махнул рукой и пошел в коровник.

— Это демидовский печник наваракосил.

— Надо заставить переделать и денег не платить.

— Обязательно надо,— соглашается Андрей.

После перебранки с бригадиром он немного поостыл, уже не командовал, а соглашался.

ЛЕСНАЯ СТОРОНКА— ДЕМИДОВО

Пашнец оставил неприятное впечатление: на скотном дворе грязно, навоз не прибран, коровы тощие, не чищены, корма разбросаны на улице, а сеновалы почти пустые. В комнате доярок не прибрано, по углам паутина. Всюду грязь, запустение.

— Слабая, видно, эта ферма?

Андрей ничего не ответил. Всю дорогу до Демидова он молчал, изредка потряхивая вожжами:

— Но, балуй!

Зимняя дорога тянулась по лесным урочищам. Урочища рвались, начинались луга, прогалины. Затем снова наплывали перелески.

Перед самой деревней Андрей вновь оживился. Дернул озорно вожжой, прикрикнул на Затора, лихо откинулся в санках и даже успел сдвинуть шапку на затылок. Стояли крепкие морозы. Но Андрей три дня, что провели мы в дороге, не развязывал шапки. Правда, одет был в теплый тулуп, но воротника тоже не поднимал.

На мне было зимнее пальто, которым я тяготился в Москве, там оно казалось слишком тяжелым. А здесь слабо

защищало от резкого ветра. Но сдаваться не хотелось, и в этом я чувствовал какое-то превосходство: «Вот, мол, ты в тулупе, а я, городской человек,— в пальто, и ничего, не ежусь».

Андрей это только теперь заметил:

— Тебе тулуп надо.

— Потом,— отмахиваюсь я.

Заехали на скотный двор. Слово «двор», пожалуй, мало подходило. Это был целый животноводческий городок. Три коровника (два стояли параллельно, третий к ним перпендикулярно), два телятника, конюшня, водокачка, силосные башни, сеновалы.

Заметил, что все сеновалы на замке. «Сразу чувствуется — староверы».

Городок обнесен забором, по территории разгуливают коровы.

Недоумеваю: «Это зачем же в такой морозище их выпустили?»

Но Андрей с нарочитой угрюмостью отправился в ближайший коровник. Я теперь понял, почему он оживился перед въездом в деревню: Андрей гордился демидовской бригадой, собирался чем-то удивить меня.

В комнате доярок собрались животноводы, учетчица, молодая говорливая женщина, заканчивала приемку молока. Последняя доярка опоражнивала молокомер, другие в ожидании предстоящей беседы расположились на скамейке возле печи.

— Ну-ка, что ж, нынче вроде бы побольше надоили,— подвела учетчица итог обеденного удоя.

— Постарались для начальства,— отозвались дружно доярки.

Не понять, то ли в шутку, то ли всерьез это было сказано, но ясно одно — нас здесь ожидали.

«Ах, вот почему коровы по морозу гуляют». Я приготовился к беседе.

Как и следовало ожидать, доярки засыпали нас вопросами:

— Халаты когда дадите?

— Вода в колодце кончается, надо подвозить из родника!

— Будут ли еще «сильные» корма?

Я не знал, что толком ответить, и всякий раз смотрел на Андрея.

— Будут, обязательно будут,— успокоил он насчет

«сильных» кормов. И тут же перевел разговор на другое: — Силос плохо скармливаете, под ногами валяется. Коровы у вас грязные. Чистить когда будете?

Доярки шутливо оправдывались, находили массу уверток, и сами, в свою очередь, не давали Андрею спуска. Он, вероятно, хорошо все это знал, и вскоре их словесная перепалка вылилась во взаимные шуточки.

— Ай да Андрей, не проймешь его, чертяку,— сдались первыми доярки.— Мы его, а он нас припирает. Ну чего шумишь, все сделаем как надо.

— Ну и мы сделаем. Будут вам халаты, уже закупили...

На обратной дороге я заметил Андрею, что халатов мы еще не закупили и вряд ли скоро закупим, потому что их нет.

— Ничего, купим,— ответил беззаботно он.

Трудно ему отрешиться от привычной роли.

ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ

Свежего человека в незнакомой местности всегда интересует история деревень. Хочется докопаться, откуда взялись такие названия — Едома, Добрец, Дурасово, Пача, Чертвериково, Дресвянка, Курово, Покровское, Старое Село...

Впрочем, Старое Село — это ясно, видимо, оно возникло раньше соседних. Другие названия просто объяснимы: Горка — на горе, Демидово — вероятно, первого поселенина звали Демидом, а может быть, деревня принадлежала когда-то помещику Демидову. По всей вероятности, и Курово, и Лапино, и Калининское так же названы. Но Безносово, Матюково?.. Теперь это — Соколово и Красный Холм. Но неужели раньше там жили одни безносые или ярые сквернословы?

Или, например, Соболино, Соколье... Сейчас во всей округе и в помине нет ни соболей, ни соколов. Потом Кичино, Гмызово... Откуда взялись такие названия? Об этом, пожалуй, надо специально порасспросить старых людей. Они, наверное, многое знают из истории своих деревень.

Все деревни на первый взгляд мало чем отличаются друг от друга. Но это только на первый взгляд. Присмотр-

рись повнимательнее, и ты найдешь немало характерного, неповторимого, свойственного только одной этой деревне.

Правда, для этого надо быть по-деревенски наблюдательным, знать кое-что об укладе деревенской жизни и побывать не только на севере, но и на юге, и в центральных областях, чтобы разница бросалась в глаза, давала повод к анализу, сравнению.

Человеку, никогда ранее не бывавшему в сельской местности, трудно схватить все эти нюансы деревенского быта.

Говорят, деревня строится применительно к условиям местности. Главное, чтобы вода была близко. Хорошо, когда ключи рядом. Люди издавна научились подмечать, откуда чаще дуют ветры, и стараются так расположить улицы своих селений, чтобы их меньше заносило снегом и был удобнее сток талых вод. Северные деревни всегда на взгорках — грязи меньше. И это важно. Но в первую очередь нужен ориентир в лесистой местности, чтоб деревни возвышались над лесом, подальше виднелись окрест...

Все это верно, все это так. Однако на архитектуру села влияли также и характеры самих поселян, их психология.

Были и раньше всякие инструкции (не в наш же век их выдумали!), скажем, о пожарном деле. Но там, где мужики уживчивее, дружнее, их дома стоят теснее, даже деревья под окнами гуще посажены. И по сию пору такие деревни наиболее сохранились: нелегко расставаться с дружной семьей, не враз на это решишься.

И наоборот, разбросанные посадки редуют куда быстрее, словно это куски магнита — чем дальше они друг от друга, тем слабее между ними связь.

Мужики степенной деревни строят дома свои строго в ряд, придерживаются определенной линии посада. «Шумовики», драчливые — разбрасывают избы и вкось и вкривь. Кто побоевее, строится на первом плане, выскакивает красным углом чуть ли не на дорогу. Тихони, как правило, пятятся в огороды, ютятся где-то на задворках.

Известный отпечаток наложило на архитектуру деревни и бывшее социальное неравенство. Но оно ушло теперь в прошлое. А оставшиеся следы — что ж, они лишний раз напоминают, как необходимы были вихри Октября...

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Вечный и почти банальный вопрос. Но его не обойти ни одному председателю. Никак не миновать! Чем глубже влезаешь в хозяйство, чем больше узнаешь его болячки, тем тревожнее, назойливее этот вопрос.

С чего начать, за что уцепиться?

Ломаешь голову ночи напролет и никакого резона...

Встаешь поутру с головной болью. С тревогой на душе выходишь на улицу, бредешь до своей конторки: «Авось что-нибудь придумаю...» По улице снуют люди: кто на работу, кто в магазин торопится. У каждого свое дело, своя забота. А тебя грызет все то же. С чего начать?

Пробуешь сунуться к тому, к другому со своей докукой.

— С земли надо начинать. Она — матушка-кормилица! Начнешь ее любить-кормить, непременно тебя отблагодарит,— говорят одни.

Другие больше уповают на животноводство:

— В нем вся опора.

Что против этого возразишь?

Есть и третья прописная истина: надо начинать с заботы о людях.

...С такими вот «крючками» в голове я и отправился к секретарю райкома А. И. Шляпкину. Он предупреждал меня заранее: «Приглянись пока к хозяйству, а потом подумаем вместе, что делать».

— Ну, и как решил, с чего начинать надумал?

— С земли, наверно.

— Верно, с земли надо начинать. Только это понятие слишком объемно. У вас там торфа вокруг... Надо заготавливать, компостировать...

— А чего же, до меня председатели, специалисты не додумались разве?

— Думали, да силенок не хватало.

— Ну так и со мной немного их прибавилось в колхозе. Шляпкин понимает это по-своему:

— Рассчитываешь на помощь?

— Нет, особицы не требую. Все нуждаются в помощи.

— Верно.

Молча закуливаем.

— М-да. Значит, на первом плане не земля?

— Кто ее знает...

— Тогда нажимай на животноводство. У вас в «Заре» племенная работа угасла. А раньше, например, в Едоме рекорды ставили. Лебедев там возился. А теперь стих. Ты на это обрати внимание.

— Хорошо. Только без подъема в земледелии и животноводство не поднять.

Веселый блеск в глазах Александра Ивановича.

— Ага, значит, доходит...

— Но в наших условиях без развитого животноводства от земли хороших урожаев тоже нечего ждать.

Секретарь райкома долго, испытующе смотрит на меня.

— Постой, постой... Что же, по-твоему, выходит?

— Круг выходит. Заколдованный.

— Не заколдованный, а замкнутый...

Шляпкин с укором поглядывает в мою сторону. Откинувшись в кресле, он постукивает пальцами единственной руки по кромке стола. Вторая осталась на фронте.

— И эти мысли ты привез из Москвы?

— Нет, частично здесь приобрел.

На этом и закончилась наша программная беседа. На прощание Александр Иванович посоветовал еще поглядеть и еще подумать.

Так с чего же мне начинать?..

РАЗОРВАТЬ КРУГ

Когда ликвидировали МТС, некоторые председатели упирались:

— Зачем? МТС не плохое дело, плохи наши взаимоотношения с нею.

Ведь как было: МТС пашет, сеет, убирает в колхозе. Плохо ли, хорошо ли, а колхоз подавай ей за «мягкие гектары» натурой по твердой ставке. Если тебе при том ничего не оставалось, сам виноват: плохо, видно, старался.

Мужик начинал понимать: несправедливо это. «Оба мы равные хозяева на земле, в равной степени и отвечать и получать должны».

Уже тогда кое-кто предлагал сделать все иначе. Например, вместо твердой натуроплаты за «мягкие гектары» установить дифференцированные процентные взаимоотношения колхоза с МТС. Вложил такую-то долю труда — получи

соответствующий процент от валового сбора. Просто и ясно. Чем выше урожай, тем жирнее проценты каждой стороны. Заинтересованность обоюдная.

А главное,— вселилась бы уверенность, что никто никого не обманывает.

Тогда это нужно было.

А сейчас?

Сейчас техника в руках колхоза, между нею и колхозниками теперь как будто нет противоречий. Технику колхозники обожают, на нее вся надежда.

Но колхозы теперь стали огромными, не то что раньше — одна-две деревни. Кто его знает, как там стараются трудятся мужики других, особенно дальних деревень? С ними порой встретишься лишь один раз в год, разве что на отчетном собрании. Мужикам одной деревни всегда кажется, что их подводят мужики соседних деревень: «Как же, знаем мы их, таких-разэтаких, век с ленцой работали».

На проверку так и выходило: урожай собирали разный, об этом на собраниях докладывали, а получали все одинаково.

С переходом на денежную систему оплаты экономика колхоза укрепилась, но мало что изменилось в принципе распределения по труду.

Отстающие бригады, как правило, умудрялись перерасходовать фонд зарплаты. И если в конце года никакой добавки не причиталось, то ничем их не урезать. Что с возу упало...

Что же делать?

Вводить внутрихозяйственный расчет.

Но ведь и раньше его вводили, еще при МТС. А что выходило?..

Э, нет. Тогда техника была не в руках колхоза, и введенный хозрасчет был призрачным, рассматривался многими как инструмент агитации. Не больше.

А теперь иное дело. Теперь можно говорить не о каких-то там элементах хозрасчета, а о полном хозрасчете, выработав к тому же свои, местные, принципы решения хозяйственных и экономических проблем. Скажем, ежегодно происходит передача сена из одной бригады в другую. Как эту передачу регулировать? По плановой или фактической стоимости? Порой ни то ни другое не годится, разные годы бывают...

Или, к примеру, капитальные затраты. По установившейся методике расчета получается, что чем меньше про-

изведено капитальных затрат, тем больше остается для распределения по труду. Разве это разумно?

А понятие «доход»? Иногда это слово произносится чуть ли не с благоговением. Доход — это наше достижение! Так ли это?

Пусти под нож лишний десяток скота — вот тебе и доход. А в следующий год что будешь делать?

Здесь тоже нужен свой закон-ограничитель.

Хозрасчет должен взять во внимание и сложившуюся психологию крестьянина. Колхозник долгие годы получал за труд натурой, он под эту «базу», или, точнее, на этом фундаменте, построил и свое личное хозяйство. А теперь вдруг все перевели на деньги. Хорошо это или плохо? И да, и нет.

К деньгам колхозник быстро привык. Но зато он быстро начинает отвыкать и от того, из чего «делаются» деньги для крестьянина.

Плох урожай зерновых — мужик теперь не расстраивается: «Были бы деньги, а хлеб и в магазине купить можно».

То есть без выдачи натуры мы приучаем крестьянина рассуждать о хлебе насущном по-городскому. А это опасно. Значит, надо обязательно предусмотреть это в хозрасчете.

К примеру, если урожайность низкая, 7—8 центнеров с гектара в среднем за несколько лет, то надо выдвинуть такой лозунг: «Восемь центнеров в общественный амбар — остальное колхозникам». Пусть стремятся получить урожай выше.

Не сразу поверят в хозрасчет мужики. Но делать больше нечего, надо вводить его.

И ДУМАТЬ, И ДЕЙСТВОВАТЬ

Хорошо иной раз лишний часок подумать, поразмыслить... Но мне никогда не хватает времени на это. Вот и записи свои пришлось надолго прервать. Жизнь бежит куда быстрее, нежели мы успеваем думать о ней.

Пролетела зима. На смену трескучим морозам выкатилось яркое ласковое весеннее солнышко.

С пригорка побежали ручьи. У нас, правда, мало их, все больше равнины да низины. Но и на равнине снег не

устоял: теплые лучи подточили толстый снежный наст, двинули воды.

Забурлило, зашумело все вокруг, загомонило!

Нужно скорее готовиться к севу. Постепенно вхожу в роль: от меня все настойчивее требуют запасных частей, кормов на распутицу, кондиционных семян, планы на посевную, списки звеньев...

В конце марта собрали совместное заседание парткома и правления колхоза. Слушали мой доклад:

— Товарищи! Хотя и поздновато немного беремся, но надо переводить бригады на хозрасчет. Поездил я по колхозу, пригляделся... Вижу, без хозрасчета нам не двинуться вперед. Посмотрите, как мы используем хотя бы технику...

Бригадиры, агрономы, зоотехники, члены правления враз притихли, уgomонились. Они уставились на меня: «Что-то скажет новый председатель?»

Я продолжал:

— У нас три тракторные бригады, а полеводческих — четырнадцать. Каждая бригада старается подольше задержать у себя трактор, лишь бы для себя побольше сделать. А на соседа плевать. Постоянные ссоры из-за тракторов.

— Что верно, то верно. Есть такой грех, — откликнулись бригадиры.

— Надо всю технику передать в полеводческие бригады, чтобы бригадир командовал ею.

Правленцы и члены парткома сидели тихо, не возражали. Но кое-кто уже покачивал головою.

— Машин у нас еще немного. Дать по одному-два трактора — ничего не выйдет. «ДТ» — всего девять, по одному не достанется. И выходит, что надо не только переходить на хозрасчет, но и укрупнять бригады. Одно цепляется за другое: чтобы правильно, разумно вести хозяйство, нужен хозрасчет, но хозрасчет тогда будет эффективным, когда бригада имеет целый комплекс необходимых машин, — выпалил я, боясь, что меня перебьют. И продолжал: — А машин еще мало для четырнадцати бригад. Поэтому надо сделать из четырнадцати, скажем, шесть-семь бригад, придерживаясь сложившихся границ старых колхозов. В каждой бригаде будет по три-четыре трактора — и гусеничные и колесные. У нас семь комбайнов, девять автомашин. Это будет уже комплекс. Не богатый, правда, но все-таки...

— Вот-вот, не богатый, — заметил механик Зародов.

— Надо пока исходить из реальных возможностей. А там видно станет, чего еще сможем купить.

— Правильно, хозрасчет нужен,— поддерживает с места бригадир покровской бригады Дрогалов Василий Иванович.— Но вот объединения-разъединения — они колхозникам надоели. Как кость в горле! Смеются теперь над этим.

— Василий Иванович,— доказываю я,— объединения-разъединения колхозов — одно дело, а объединение бригад — другое. Оно не связано с дележкой угодий, имущества, скота и прочего. Это наше внутреннее дело. Надо только правильно понять цели и задачи.

— Да я не против,— сдается Дрогалов.

— А по мне, все это пустое,— категорически заявляет бригадир центральной тракторной бригады Денисов Михаил Ефремович.— Это тебя, председатель, полеводы настрекали.

— А вы что, Михаил Ефремович, против того, чтобы полеводческим бригадам дать технику в руки?

— Против. Потому что распорядиться ею они не смогут.

— А мы вот возьмем и вас поставим во главе укрупненной бригады и назовем ее комплексной.

— Не пойду я ни за что.

— Что же так?

— А так, каждому свое. Я, например, больше по технике... А коровы, лошади, прочие там телята — они мне не по душе. Мне и дома эта скотина не нравится.

Меня так и подмывает отчитать этого сугубо «технического» руководителя.

— Вот вам еще одно доказательство, что необходим хозрасчет. Нужно отдать технику в руки тех, кому придется думать и о пашне, и о сенокосе, и о животноводческих фермах. А то у нас пока еще два хозяина на земле: полеводческая бригада и тракторная, руководителям которой подчас не любы коровы и «прочие там телята».

Денисов больше не спорит.

— Ну а как с лесами поступим?

Этот вопрос больше всего демидовских товарищей интересует. У них лесная сторона.

Я поглядываю на пачевских. Эти — безлесные.

— Нет, леса не станем закреплять за бригадами, они будут общими. Но надо назначить хороших лесников, чтобы следить за порядком.

«Все равно плохо!» — кричат лесовики.

Но большинство присутствующих соглашается с предложением не делить леса. Весь центр колхоза безлесный, а окраинные деревни имеют леса. Центр — это большинство, и оно побеждает.

ЗАВАРИЛ КАШУ — ДОВАРИВАЙ

До поздней ночи спорили по поводу хозрасчета: что и как? Наконец все устали. Вспомнили, что с двенадцати часов дня никто не ел, на удивление — и курили мало.

Когда заседание было закрыто, члены парткома и правления, бригадиры, специалисты быстро разъехались по домам.

Наутро Чистяков, секретарь парткома, говорит:

— Пашнецкая учительница удивляется, почему ее Гурьян со второго правления приезжает таким «умным».

— Ну и что ты ей ответил?

— Вероятно, нового председателя побаиваются, говорю. На дело наострились.

— К новому председателю, Михаил Иванович, привыкнут, бояться перестанут. А вот дела большие надвигаются — это верно. Хозрасчет не шутки, все понимают. Мне и самому боязно становится: справимся ли?

— Заварили кашу, надо доваривать, — подбадривает секретарь парткома.

— Это тоже верно.

Договорились о проведении бригадных собраний. Бухгалтерии дали задание подготовить сведения об урожайности за несколько лет, о реализации продукции каждой фермой, о надоях, физической нагрузке на трудоспособного — сколько приходится земли, скота, лугов, какова приблизительно себестоимость продукции в той или иной бригаде, участие техники в производственных процессах, доля лошадей, какой имеется инвентарь.

«Запишала» наша контора от такой нагрузки, но к делу приступила не мешкая.

Через несколько дней начала поступать информация. Но потребовались длинные ночи, чтобы обмозговать пестрые обрывочные сведения, произвести подобие анализа.

С ЧЕМ ЕДЯТ ХОЗРАСЧЕТ

Первое собрание по объединению бригад провели в Добреце. Многих колхозников я еще не знал, но Кирилл Шатулин, черный, с болезненным лицом резкий мужик, мне запомнился. Запомнилась и его маленького роста подвижная жена Екатерина. Она, напротив, отличалась здоровым румянцем, улыбка не сходила с ее лукавого лица. В молодости Екатерина отбила Кирилла у первой жены, увела его к себе в дом от четверых ребят. Теперь у нее своих трое.

На собрании Екатерина то и дело вставляла реплику за репликой, особенно когда говорил ее муж.

— А что это за хозврасчет? С чем его едят?

— Не врасчет, а расчет, помолчала бы лучше,— делал попутные замечания Кирилл, поворачиваясь к задним рядам, где сидела жена.

Сам он находился вблизи президиума и говорил, глядя поверх голов сидевших за столом, как бы показывая этим, что идея хозрасчета не от них исходит, а наперво от него самого.

— Я двадцать лет мечтал вот о таком собрании. Работая еще в малом колхозе председателем, все ждал, когда же до этого додумаются...

Оратор упорно доказывал, что добрецких и четвериковских мужиков объединять долго не надо: они душой давно объединены. И земли у них рядом.

— И это опять же надо учесть. Четвериковская и краснохолмская земли—что тебе вторая Украина, а народишку в этих деревнях маловато осталось. В Добреце людей побольше. Вот сложимся силами, и дела пойдут ладней,— заключил Шатулин.

За ним поднялся светловолосый, немолодой Василий Михайлович Монахов. Мне о нем говорили так: «Если уломаешь на бригадира — будет греметь Добрец».

Но обещанный рачитель что-то не показался с виду. Вскочил, по-мальчишески замахал руками, не к месту улыбаясь, заговорил о своих «сумнениях»:

— А как будем делить покосы? И землю как будем обрабатывать?

Пришлось объяснить, что покосы, видимо, так и останутся, как они расположены вокруг деревень, а земли бу-

дем обрабатывать, как сочтут удобнее бригадиры. Если добрецкие поля быстрее «поспеют», туда раньше и пошлет бригадир тракторы или конные плуги.

Монахов ни с чем не стал спорить, покачал головой и сел, сразу же начав вертеть самокрутку. Собрание между тем быстро решило: объединить две бригады — добрецкую и четвериковскую.

После голосования произошла следующая сценка. В задних рядах мужики четвериковские и добрецкие сидели с самого начала собрания впереमेжку, а женщины демонстративно разделились. Теперь же многие из них шумно поднимались со своих мест и шли к своим подругам. Первыми двинулись четвериковские доярки; горластые, они больше всех кричали на собрании.

— Ну вот и породнились,— подшучивали над ними мужики.

— Зря кричали-то на нас.

ПО КОЙ ЛЕШИЙ...

Перед собранием в Старом Селе я заглянул на шапкинскую ферму. Шапкино — когда-то большое село, состоявшее наполовину из хозяйств староверов, а теперь сильно поредевшее, умирающее селенне. Недостаток людей сказывался всюду, и прежде всего на ферме. Доярками здесь ходят три молодые женщины и две старушки. За телятами ухаживает старый дед.

Дворы старые, давно требуют ремонта, особенно коровник, который вот-вот завалится. Никакой механизации в нем нет, да и быть не может. Люди, кажется, отступились от всего.

Я давно задумывался над судьбою таких деревень: что делать с ними? Отстраивать? Но для кого и зачем?

Вот и захотелось мне перед бригадным собранием еще раз навестить опустевшую деревню, заглянуть на ее ферму.

Во дворе доярок не оказалось. В тесной и подслеповатой комнате молокоприемной встретил двух стариков. Черноволосый, с нездоровым лицом Федор Степанович — учетчик фермы. Другой старик — безволосый, он смешно шамкал беззубым ртом, морщил нос и постоянно тер слезящиеся глаза. Звали деда Митрием или иногда ласково Митей.

Дед Митя задал мне сразу «прямой вопрос без околичностей»:

— Ну что, москвич, кукурузой будешь займаться, аль как?

Я не знал, что ответить. Дед, верно, прослышал, что район спустил нам большущий план по кукурузе, бобам и сахарной свекле, а потому решил встать на защиту клеверов.

— Вильнямса сказывают, дюже ругают,— попытался он пронять меня своими научными знаниями, когда увидел, что на первый его вопрос не последовало ясного ответа.

— Да нет, не дюже,— успокаиваю я его.— Вы, дедушка, как— больше про науку любите гутарить или политику предпочитаете?— стараюсь задать вопрос в тон старику.

— А про науку, пожалуй, больше люблю.

— Это почему же?

— Про нее, мил-человек, что хочешь, то и говори, никто не обидится.

Дед лукаво посмотрел мне в лицо и, довольный, расхохотался. Весь вид его как бы говорил: «Что, попробовал деда?»

— Про науку так про науку. Валяй, дедушка.

Федор Степанович крепко затянулся сигаркой и предупредительно закашлялся, дескать, пустое затеваешь, Митрий: охота тебе задевать приезжего человека, незнакомого.

Но Митрий не хотел упустить случая прощупать москвича.

— Вот ты говоришь, Вильнямса не дюже ругают. А я чую, что дюже, даже очень дюже.

Я пробовал отшутиться, что ученых вообще когда-нибудь да ругают, это для них не обидно, они сами мастера ругаться.

— Нет-нет,— не унимался Митрий.— Это я соображаю. Я тебе вот что расскажу. Бывал я в тридцать втором или тридцать третьем году, точно не помню, в Воронежской области. Брат там мой проживал, сейчас помер. Так вот, мужики там против клеверов целую восстанию устроили. А им напихивали—сей. И клевер-то не то чтобы вовсе не рос, а полезности мало приносил. У нас—другое дело. Клевера, как я помню, всегда хороши были. Ан нет, теперь кому-то помешали. Сажай, сказывают, кукурузу.

— А ты что, дедушка, против кукурузы?

— Ой, против. Скажу напрямки—против!

Дед натужно покашлял, взглянул в сторону молчаливо-

го соседа и продолжал, уже ни к кому не адресуясь, словно рассуждая сам с собой:

— Совсем незнакомая культура.

Я сослался на исторический пример: когда в Россию был завезен картофель, мужики тоже против восставали. Митрий нисколько не смутился.

— То же от темноты происходило. Сейчас другое дело...

«А дед-то не дурак»,— подумал я, возвращаясь с фермы.

Мне предстояло в клубе выдержать бой за кукурузу. Это было уже третье собрание, и я твердо знал, что колхозники первым делом спросят про кукурузу. На двух прошедших пришлось с жаром доказывать, что если постараться, позаботиться, то кукуруза вырастет и у нас.

Теперь, идя на третье собрание, после «научной» беседы с дедом Митрием, я почувствовал себя не совсем уверенным.

Невольно подумалось и другое: в Старом Селе надо быть осмотрительней. Здесь что ни дом, то родственники Андрея, они поддержат зама, если тот поведет другую линию.

Но Андрей не повел здесь никакой линии. После моего доклада слово взял старый колхозник Михаил Емельянович Веселов.

— Про хозрасчет ты нам, председатель, очень хорошо растолковал. Давно бы надо так. Да вот боюсь, трудно будет проводить эту политику в жизнь. Народу у нас маловато... Не знаешь,— вдруг обратился он с вопросом ко мне,— как там Москва соображает, не подбросит ли народу?

Я ответил, что ничего насчет этого не слышал и что народ привлечь в колхоз—это наша задача. Будем жить крепче—сами придут.

— Сказочка про белого бычка!— бросил кто-то из задних рядов.

Я пристально взгляделся. Веселый невысокого роста мужик что-то говорил сидящим рядом с ним женщинам. Те только отмахивались.

Андрей успел шепнуть:

— Пошли ты его к черту... Это мой братан двоюродный, заводила первый сорт.

Но братан уже держал речь. Как я ни вслушивался, понять толком ничего не мог. Василий Иванович Кудрявцев—так звали братана Андрея,—что называется, моло-

тил с плеча. Понятно было только одно — все начальство вредное, и слушать его речи не резон.

— А ты не слушай их, Василий Иванович, по кой леший...— сказал кто-то ему в тон.

Он неожиданно обрадовался и сел довольный, раза три повторив понравившуюся фразу: «По кой леший...»

Но собрание уже сбилось с курса. Все вдруг зашумели, громко начали спорить, упрекать кого-то. Я плохо стал разбираться в обстановке.

Вдруг раздался громовой голос Андрея. Он заговорил о том, что теперь техники много, работать и жить стало легче; приводил примеры из прошлой жизни, когда зарабатывали тощие трудодни, хлеба хватало до половины зимы, коров по весне вытаскивали на дровнях, не было сбруи, чтобы запрячь коня, не на чем было ездить.

Речь его не отличалась стройностью, но колхозники слушали оратора внимательно, качали головами в такт словам, поддакивали.

Андрей кончил, как обычно, тем, что колхознику важно знать все, чтобы его не обманывал бригадир в наряде, регулярно вел учет и раздавал в конце месяца трудовые книжки.

Колхозники зааплодировали. «Как все-таки мало нужно сельскому труженику»,— с грустью подумалось мне.

Я, кажется, начал вникать в смысл происходящего. Андрей, видимо, хорошо чувствовал наболевшие вопросы. И хотя речь его по содержанию была «мелочной», она оказалась не менее нужной, чем моя — проблемная.

Настроение у людей поднялось. Можно было продолжать собрание.

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Давно отсеялись. Первый председательский экзамен сдан. Не на отлично, конечно, но тройку с большим плюсом за усердие я себе могу поставить.

Май выдался дождливый, холодный. Весь месяц не слезали с коней. Андрей родился в седле, а я за три года перерыва в председательской работе отвык от лошадей. Пришлось снова привыкать к седлу.

Кукуруза задала нам заботки. Сначала пробовали сеять ее квадратно-гнездовым способом. Механики, бригады, а пуще всего Алеша-агроном бегали с мерной проволокой. Но проволока эта часто рвалась. Привозили новые катушки, чинили, связывали. И наконец бросали всю эту кутерьму.

Пустили в ход обыкновенные зерновые сеялки. Получались уже не квадраты, а разреженные рядовые посе-вы.

Представители района ходили по пятам, долго не соглашались на отмену квадратов. Но видели, что проволока рвалась, знали, что сроки уходят, предчувствовали встряску и в сердцах соглашались: «А, была не была, сейте!»

К концу сева в колхозе стало тихо — ни представителей, ни шумных совещаний в конторе, ни одиночных стычек в поле из-за клеверов. Кое-кто из района начал догадываться о хитростях Алеши-агронома. Он сперва в точности исполнял указание о распашке клеверов, но с половины сева, когда захолодало, круто поставил вопрос передо мной:

— Лучшие земли я кукурузе отдал. Пусть страдают лен, пшеница. Но клевера распахивать больше не дам!

Пришлось уступить ему.

...Езжу, осматриваю посе-вы и в первую очередь кукурузные плантации. Всходы дружные, но — холод... Растеньица быстро начинают желтеть. Беда! Вспомнился дед Митрий.

Стало стыдно за свои жаркие, «убедительные» речи. Да, север — это тебе не юг и не центрально-черноземные области...

Потом всех нас созвали в район. Настал сенокосный период. Начальник производственного управления Стрешнев посоветовал кукурузу всю засилосовать.

— А если она не выросла?

— Все равно засилосовать. — И тут же добавил: — Площади-то надо куда-то определять, не висеть же им в воздухе.

— Но это же очковтирательство?!

Посоветовал «не умничать».

ВПЕРЕД, ЧИНАРА!

Вернулся из района не в своей тарелке. Жена не разговаривает, надулась на все и вся: и дожди ей мешают, и дома меня совсем не видно, бросил ее, как дуру, в деревне прозябать, и деревня эта Пача — не деревня, а дыра какая-то, да еще непомерно грязная.

Сгоряча обругал Люсю, наговорил всяких дерзостей насчет «городской барыньки», «неженки» и прочее. В завершение всего вскочил на лошадь и укатил мотаться по деревням.

В полях на ночь глядя делать нечего. Поехал проверять сторожевую охрану на фермах.

Начал с Пачи. Сторожа на месте не оказалось. А где он живет, я не знал. «Эхма, дай-ка, доеду до Соколова».

Проверил — и там на ферме никого нет. В темноте ничего не видно, только коровы натужно вздыхают, да воздух во дворе тяжелый, спертый.

Натыкаюсь на пустые бидоны. Больно ударился ногой. «Фу-ты, черт, угодил местом старого перелома!» Взобрался на Чинару и направился в следующее село. Но и там никого.

Еду в Горку. Здесь сторожа я знаю в лицо, знаю, где он живет. Но почему-то заранее предчувствую, что его на месте не окажется. Так и есть. На ферме свет, ворота открыты, а Ивана Хамушки нигде не видно.

«Спит, наверно, чертов шутник». Иду будить. Дверь долго не открывают. Затем кто-то затопал по сениям, вот опять шаги стихли. Наконец брякает щеколда — на пороге простоволосая бабка.

— Где твой Иван шляется?

— Шляется? На печи лежит. Шлялся он с вечера...

Растолкал Хамушку, а тот спросонья ничего не понимает, бормочет что-то невнятное.

— Ты спишь?

— Немного есть, а что?

— Сторожить должен, вот что.

Следующее село Покровское. И здесь свет заливают весь скотный двор.

Ай да Марья! Помню, говорливая такая Марья-сторожиха. Заговорит — патока потечет. Но сейчас с ней не побалакаешь — нет ее.

Иду к дому бригадира. Дрогалов живет в центре села, напротив магазина. Дом высокий, нескладный, покосившийся. Стучу. Слышу торопкие шаги. Дверь открывает жена.

— А Василий Иванович дома?

— Дома. Черти где-то его таскали, пришел в стельку пьяный.

— В стельку, это еще не в дугу,— неудачно шучу и захожу в комнату.

Дрогалов валяется на старом диване.

Пожалел, что разбудил. Выкатил зенки, спяну ничего не понимает и только болезненно щурится на свет.

— Сторожа... Почему сторожа на месте нет?!

Василий Иванович наконец сообразил, что никакого пожара не произошло, еще раз вприщурку глянул на свет и тут же повалился на диван.

Когда лошадь помчала меня дальше, почему-то вспомнилось только одно: голова бригадира не попала на подушку, а гулко ударилась о потертый валик дивана.

Вспомнил о разговоре в производственном управлении. На душе стало еще мутрней.

«Кукурузу засилосовать!..» А спросил, кто будет возмещать убытки, которые колхоз понес на каждом гектаре — по 24 рубля 45 копеек только от посадки кукурузы,— еще лучший ответ получил: «По району много таких убытков, всех не оплатишь». Мысленно продолжаю спорить: «Ну хорошо, в следующий раз на кукурузе меня не проведете».

ГОЛОВОМОЙКА

В следующий раз меня слушали на расширенном заседании бюро райкома, но не о кукурузе, а о плохой сдаче зерна государству.

Откровенно говоря, я немножко торжествовал в душе. Вот, думаю, настал момент уколоть районщиков: перусердствовали с кукурузой — теперь чего же зерно-то спрашиваете? Однако спесь с меня сбили при первых словах. Представитель из области, работник прокуратуры, грозно стукнул кулаком о стол:

— Поди ж ты, как распоясался! Свиней он будет кормить зерном!

— А что, товарищ прокурор другое что-нибудь изобрел? Песком кормить прикажете? — неожиданно взъярился и я.

— Вы не острите!

— А вы занимайтесь своей юриспруденцией и не суйтесь туда, где вы ничего, видимо, не понимаете. Чем же кормить свиней? Уж не имеете ли вы в виду кукурузу, которую мы давно запахали?

— Я доложу о вас на бюро обкома.

— А я о вас напишу в ЦК, чтобы больше не разрешали посылать толкачом на село. Колхоз «Заря» выполнил три плана по зерну и оставил только семена и около 600 центнеров зернофуража. Еще раз объясняю — не для коров, которые проживут как-нибудь на одном сене, а для свиней, которых у нас более тысячи голов.

После бюро я решительно двинулся на пристань. По дороге меня нагнал Николай Микшин, председатель «Родины».

— Тебя разыскивает Шляпкин, велел вернуться.

Нехотя поворачиваю назад. Начальство есть начальство, надо идти. Да и возвратившись домой в таком настроении, несомненно, снова поссорюсь с женой.

Перед глазами встала моя маленькая вологжанка Светлана. Ей шестой годик.

— Папочка... Ну, мамочка, помиритеесь вы, не сердитесь.

Это когда я наутро вернулся с ночного мотания по фермам, продолжал бычиться, и жена поняла, что разговаривать со мной в такие минуты нет смысла.

«Ах, Светлячок ты мой ласковый! Маленькая, а все понимаешь».

РАЗЛАД

Наступила осень. Кудрявцев сорвался и закутил. Сорвался после того, как с него сняли взыскание. Все лето он был «на коне», и мы поверили, что ничего подобного с Андреем больше не произойдет. А он взял да и запил. У меня с ним произошел крупный разговор.

— Андрей, почему себя так ведешь? Тебя люди простили, в тебя люди поверили. А ты?!

— Кто в меня поверил? Не ты ли?..

Он не договорил, запнулся. Потом виновато заморгал, стал просить:

— Отпусти лучше, я учиться буду.

Во мне закипела злость:

— Знаешь что, Андрей, ты валял дурака неделями, а мы прилаживались к тебе: как бы не разбередить твое уязвленное самолюбие. Теперь довольно. Копаться в себе времени нет, надо работать.

— Понимаю, я виноват. Думал, ты тоже сорвешься. Уж больно круто...

— Все ясно. Давай до конца договоримся. Мне тоже надоела эта неопределенность. С одной стороны, ты за хозрайство вроде болееешь, с другой — на крутых поворотах как будто стремишься выскочить из телеги первым. Что за тактика, скажи, Андрей, честно?

— Просто мне здесь делать нечего.

— Ах вот как! Или первым, или никаким — так, что ли?

Андрей изменился в лице.

— Пробовал я всяко. Извини, но мне лучше уехать. Я уже и в райкоме говорил об этом.

Через две недели провожали Андрея на учебу, на одногодичные курсы председателей. Стало в колхозе еще тише и неуютнее для меня. Большой бедолага Андрей, но в делах колхозных он знал толк...

Михаил Иванович Чистяков, секретарь парткома, был человеком другого склада — спокойный, размеренный, никогда не вступал в споры с председателем. Он уверовал в одно: раз человек с высшим образованием, то наверняка знает больше, и ни в чем не перечил.

Андрей же о всяком деле имел свое суждение и не скоро отказывался от своего мнения, если убеждали в обратном. Зато уж, во что верил, умел проводить в жизнь. Много натерпелся я от Андрея, порой негодовал, но всерьез обидеться на него было нельзя. Чем-то подкупал он, располагал к себе людей. Наверное, тем, что к делу относился с душой.

ИВАН АНТОНОВИЧ НЕРОБОВ

Незлобивый, тихий, уравновешенный наш «мэр» Иван Антонович. Невысокого роста, крепкий, словно дубок. И характером — душа человек. Не

скоро его выведешь из терпения, если даже специально задаться такой целью. У Ивана Антоновича крепкие нервы. Подсчитать, уже более десятка лет работает он председателем сельского Совета. Люди ругают его больше, чем кого-либо, но каждый раз выбирают депутатом. А когда у самих депутатов спрашивают: «Кого председателем?» — дружный хор голосов непременно выплескивает: «Неробова!»

Андрей Кудрявцев обычно любил подшучивать над Иваном Антоновичем. Когда-то Неробов председательствовал в «Красном Севере», а Кудрявцев в то время — в малой «Заре». Год тогда выдался дождливый, осень — короткой. И разостланный лен во многих колхозах ушел под снег. Кудрявцев оказался одним из немногих, кого эта участь миновала. Зато потом он уж к месту и не к месту трунил над соседом:

— Ну как ленок прошел, высоким номером?

Такие беды со всякими председателями случаются. Но кто проработал много лет, у того за плечами и взлеты и падения. А у Неробова — первый блин и комом.

Мой первый блин в «Заре» тоже выходил комом. С начала весны подрезала кукуруза. Но были хорошие виды на лен, и это как-то поднимало дух у колхозников. Еще больше приободрились люди на сенокосе, когда удалось заготовить невиданное количество сена и силоса. Но подошла уборочная страда. Навалились дожди, непрерывные, словно в наказание за погубленные клевера. Техника стала. Лен теребили вручную или приделывали к льнотеребилкам «лыжи», из чего выходила одна маета.

Зерновые комбайны успели еще кое-как использовать на уборке озимых, а перед яровыми они окончательно стали на прикол.

Мы организовали штаб по спасению урожая, куда вошли я, Кудрявцев, Чистяков, Неробов, Никитин. Каждому определили бригады, обязали жить там безвыездно, точнее, все дни находиться в поле вместе с людьми. И только раз в пятидневку решено было собираться в правлении колхоза, докладывать о ходе уборки.

Неробову досталась Пача — бывший колхоз «Красный Север». Андрей и здесь нашел место для шуток.

— У Ивана есть опыт, как со льном расправляться.

Но на него зло зашикали:

— Посмотрим, как ты нынче в Демидове и Берендюхе размахнешься.

Мне достались покровская и старосельская бригады, агроному Никитину — соболинская, Чистякову — Едома и Добрец. Главной задачей нашей было не подменять бригадиров, а «зачищать» после их нарядов возможные людские резервы: уговаривать выйти в поле техничек из школ и клубов, работников учреждений, а также агитировать в помощники приезжих гостей и деревенских старушек и стариков, которые уже годами не работали в колхозе.

Иногда это выглядело подвижнически.

В Бирючеве живет столетний дед Стогов. Деда не надо агитировать, он день-деньской копошится на ферме: стойла для телят починит, вертушку где приколотит. А однажды самосвальные сани для вывоза навоза изготовил — получил премию от колхоза. И сейчас дед готов был на все услуги. Но Дрогалов в поле его не пускал.

— Куда ты, дед? По дороге развалишься...

Мне пришла в голову мысль превратить деда в агитатора. Посоветовал ему нацепить на грудь свои медали (у Стогова и Георгии еще имелись) и пойти поагитировать младших старичков на уборку картофеля. Дед успешно выполнил это задание.

Иван Антонович Неробов изобрел другую хитрость. Она, правда, до сих пор покрыта тайной, потому что Иван Антонович отрицает авторство. Но как бы там ни было, а однажды в Паче разнесся слух: «Оставшиеся хлеба в поле разрешили скосить себе».

Это было в субботу. Из Череповца, как всегда в конце недели, понаехало много гостей в каждый колхозный дом. И рано утром, еще с фонарями, люди бросились захватывать участки.

В воскресенье под вечер я возвращался из покровской бригады. Спешу себе на Чинаре, трясусь в седле. Вдруг глазам открывается удивительное — народу в полях тьмущая. Откуда бы это?

Навстречу на лихом коне подскакивает Неробов.

— Ты ничего людям не говори, это у меня штурм городских.

— Какой такой штурм?

Наутро выяснилось, что в субботу и воскресенье в шести деревнях пачевской бригады выкосили сто сорок гектаров яровых.

Вот так штурм! Раньше и двадцати не выкашивали за такой срок.

Штаб предъявил обвинение Ивану Антоновичу:

— На обмане далеко не уедешь. За это придется отвечать.

Неробов взмолился:

— Да не обманывал я. Слух кто-то распустил, а я, признаться, весь день не был в поле. Когда прибежал бригадир, было уже поздно. Думал, в воскресенье народ не пойдет. Ан нет — опять пошли. Вот так все и получилось...

— Ну и как теперь будешь рассчитываться с ними?

— А как рассчитываться?.. Вчера бригадир в поле объяснил, что это обман Неробова. Люди разошлись. Кто обозлился, а кто смеется: «Здорово придумали!»

Чистяков предложил обсудить Неробова на парткоме. Но и там ничего не выяснили. Бригадир заявил: «Слух я не распускал». И Неробов вроде тоже не виноват.

— Но кто-то должен отвечать за обман людей?!

— А чего отвечать,— снаивничал Иван Антонович.— В поле, почитай, половина городских — наши с бригадиром родственники. Помогли, и ладно. Свои люди — сочтемся.

На том и порешили. Но оставшиеся 15 гектаров овса решили отдать колхозникам пачевской бригады. За трудовую доблесть.

...Когда провожали Андрея на учебу, яровые были скошены, картофель выкопан, лен убран со стлищ.

Но в полях на тысяче гектаров стояли скирды необмолоченного хлеба.

— Не завидую тебе, Дмитрий,— сказал Андрей на прощание.— Как вы тут выкрутитесь — не знаю.

— Езжай, езжай. Выкрутимся как-нибудь.

Но крутиться пришлось всю зиму. В декабре снегу еще было мало. Комбайны свободно подходили к скирдам, и обмолот шел своим чередом. А в январе завьюжило. До каждой скирды комбайн тащили волоком, буксировали гусеничным трактором. Колхозники вручную расчищали площадки от снега, а за ночь их снова заваливало. Бульдозеров в колхозе не было.

В декабре без особого труда обмолотили урожай с 800 гектаров, с остальных 200 с небольшим «долбили» всю зиму. А семь скирд вовсе пропало: пока до них добрались, мыши их так «обмолотили», что осталась лишь мелкая, словно исстриженная, солома. Я посоветовался с Неробовым.

— Ну что будем делать: молотить вроде нечего?

— А что тут молотить? Труд не оправдаешь.

Решили свезти остатки на ферму и скормить коровам.

Но бригадир вовремя не сvez. В районе дознались об этих семи кучах, начали вести следствие.

Иван Антонович неожиданно проявил не присущую ему твердость характера:

— Судить? И меня судите! Это я посоветовал.

Местную власть судить не решились.

Иван Антонович — чуткий человек. Правда, внешне он может показаться зачастую черствым, равнодушным. Свои лучшие качества наш «мэр» до поры до времени не проявляет. Виною тому — чрезмерная медлительность, природная неторопливость. Жenuшка его Тамара Петровна не зря оделяет Неробова таким ласковым прозвищем:

— Дорогой ты мой, тюлень разлюбезный.

Но это — в «мирное» время. Воинственная Тамара, когда разбушует, оглушает супруга и менее лестными фразами. Но Неробова ничем не проймешь.

Я часто задумывался: а может быть, на селе и нужен именно такой председатель местной власти? Люди есть люди, куда же их подеваешь! А на деревне каких только ухарей нет... Подойти к иному с официальной меркой — в тюрьму только и годится. Разберешься — такой же грешный, как и все, только чудачеством наделен побольше. В деревне в свободное от работы время нечем человеку заняться, если этот человек не читает, не слушает радио, не ходит в кино.

Живут такой жизнью в Паче три богатыря — Михаил Галичев, Владимир Беляев, Василий Соколов. Пока в полях горячая пора, этих ребят ни пьяными, ни празднующимися не увидишь: ломают на тракторах сутками. А работы мало — идут жаловаться: почему не загружают.

Но выдадутся свободные деньки — беда мужикам. В клубе появятся подвыпивши — от них все шарахаются. Уж больно велики дяди! А напьются основательно — в семье им нет укорота, да и соседи побаиваются. Когда они в загуле, единственное спасение — выключить свет и сделать вид, что дома все спят или никого нет.

Веселая картинка! Идет, например, Владимир Беляев пьяный по улице, рыкает, словно медведь, загребая огромными валенками грязь на дороге, а в ближайших домах срабатывает странная автоматика: метров на пятьдесят вперед гаснут огни в окнах. Прошел, слава те господи, — огни снова загораются, но уже позади Беляева. Пьяному и в ум не взбредет обернуться.

А наутро в сельсовете учиняется разнос Беляеву:

— Чего ходил, чего рыкал?

— Я же никого не обидел.

И верно, никого не обидел. Но для профилактики ему дается соответствующая взбучка, после которой Беляев снова неделями не слазит с трактора.

— Беляев, не твоя смена, иди отдыхай.

— А чего дома-то делать буду? Напьюсь ведь, поди...

Самое примечательное, что эти «богатыри» — очень скромные ребята, когда они трезвые, даже чересчур скромные. Галичев от всякого замечания краснеет, словно девушка на выданье. А вот напившись, забрел однажды в дом к самому Неробову, старуху загнал на печь, а всю кухонную утварь выдворил в окно: самовар, ведра, кастрюли. Не поленился даже слазить в печь, и оттуда выкатил чугуны со шами.

Наутро сам же все это старательно определил на свое место, вставил рамы, а помятый самовар заменил своим.

Пришел милиционер акт составлять. Но Иван Антонович сидит за столом, щи хлебает да ухмыляется:

— Ну пошто составлять акт-то? Парень все сделал, как было. Я приехал — ничего даже не заметил вот, кабы не рассказали...

А бывают дела похлеще. Побьет мужик бабу свою, по делу или без дела — кто разберется. Но видит, побил слишком. Так не ждет, чтобы она пошла жаловаться, а сам собирается к Неробову.

— Антоныч?

— А...

— Так я того, видать, обидел Марью-то. Уж ты как-нибудь рассуди нас.

Разозлится тогда Неробов, раскипятится, кричать слегка начнет, судом пригрозит.

Но к вечеру идет сам на дом, поглядеть, как там Марья: не охолонула ли, или еще фыркает.

Если фыркает, бумагу начнет составлять. Но Марья увидит бумагу и сама поспешит выставить Неробова из дому.

— Иди уж с богом. Видишь, с утра дрова колет, пользу мужик приносит. А ты его садить...

Иная и по делу и без дела любит ходить с жалобами в сельсовет. Но Неробова не проведешь: он всех знает.

— Ох, Анна, и тих же у тебя мужик. Ну чего ты бегаешь жалуешься? Смотри, какая ты оладья, а мужичишко, знаю, на сарае валяется, ободранный.

И впрямь, смотришь потом, ржут где-нибудь мужики, в поле или на базе:

— Василь, ну кто это тебя так разукрасил? Уж не на кошачьей ли свадьбе побывал?

Первое время Иван Антонович был для меня, нового человека, незаменимым советником, особенно после отъезда Андрея на учебу.

Поедешь в дальние бригады, ну как там без него станешь разговаривать с мужиками, когда ты многих еще не знаешь? Деревенского мужика надо знать, как говорится, до печенок. Тогда легче понимать друг друга.

Позже мне часто приходилось наблюдать, как приезжий человек из района или области неестественно подлаживается к крестьянину. Или хвалит ни с того ни с сего, или понапрасну обидит дельного работника. И все оттого, что не знает людей, пробует раскусить мужика с ходу. Но с ходу его нельзя раскусить. Крестьянин ведь тоже не знает, что за фрукт перед ним: добрый ты человек или хитрить приехал. Вот и происходит взаимное прощупывание, ведется как бы разведка боем. И маскировочный арсенал крестьянина, как правило, всегда оказывается богаче.

И ДРУГИМ ПОЛОЖЕНО...

А весной следующего года уезжал на учебу и Михаил Иванович, наш партийный секретарь. Это было в разгар весеннего сева.

Ехали мы с Чистяковым по полям, пробирались к концу дня поближе к дому. Погода стояла неважная: то светит ласковое весеннее солнышко, то вдруг найдут облака и заморосит частый, надоедливый дождик.

В такое время отчетливо представляешь себе выражение на лицах у наших механизаторов в поле: «Вот тебе и на. Побывало начальство, напланировало вспахать до вечера столько-то, а в ночь столько. Попробуй выполни. А где теперь оно, руководство наше? Может, дома, под крышей обретается».

Но мы не торопились под крыши. Возле антипинского кладбища, за поворотом, рывкнул «газик» — нас догнала райкомовская машина.

— Здорово живете, хозяйева!

— Приветствуем районное начальство.

Из машины вышел Шляпкин. Среднего роста, начинающий полнеть секретарь райкома был довольно подвижным человеком. Иногда просто удивительно было, как он управлялся одной рукой: ловко доставал папиросы, зажигал спичку, садился на коня.

Слабость секретаря — кони, особенно беговые, чистопородные. В нашем колхозе немного сохранилось таких от племенной конефермы, которую ликвидировали еще в 1958 году.

— Ну-ка, дай на Чинаре прокачусь.

Я спрыгиваю с лошади и подаю повод. В мгновение ока Шляпкин оказывается в седле.

Чинара у меня с придурью. Всякого нового седока она в первую очередь пытается сбросить, для чего непременно делает затяжную «свечку», затем бросается в сторону, вздыбливая задом, и уж потом вихрем мчится по полю, не разбирая дороги.

Я переживаю за Шляпкина, видя, как Чинара носит его по хлипким местам, крутит на топком лугу, бросает в мелкую заросль ивового кустарника. Но Чистяков одобрительно улыбается, успокаивает:

— Этот «цыган» выдывал лошадей. У него в Едоме любимой была Чонгарка, мать твоей Чинары, так что породу он эту знает.

Отдуваясь и нарочито крикая от полученного удовольствия, секретарь вскоре подъезжает к нам. Грудина у Чинары, шея вся в мыльной пене. Шляпкин быстро спешивается.

— Добрая у тебя лошадь, Кузовлев.

Чинара еще топчется на месте, бьет копытом, вздрагивая всем своим телом, готовая снова к стремительному бегу...

— Ну а теперь сядем, побеседуем.

Александр Иванович передает повод и присаживается у канавы, на мокрой траве.

— Ты не будешь возражать, если мы заберем Чистякова из колхоза?

— Это куда же?

— Закудыкал, — нахмурился Шляпкин. — Ты вот высшее получил, а другим, думаешь, и среднего не положено? В совпартшколу отправляем.

— Да нет, я не против.

Увидел растерянный взгляд Чистякова. Михаил Иванович почему-то отвернулся и закурил. А в моей душе ше-

вельнулось недоброе: «Что ж, уходите, разбегайтесь, один ворочать буду».

Спускались сумерки. На кладбище где-то в кустах пропиликал чибис. Мы докуривали по четвертой папироске из секретарской пачки «Беломора».

— «Пшеничных» хоть накуримся, у нас в магазине давно таких нет.

— Сев как идет? — спросил между прочим Александр Иванович, вероятно, для того, чтобы переменить тему разговора.

Докладываю сводку, свои расчеты закончить через пятидневку зерновые и лен.

— А кукурузу так и не сеешь?

— Сами ведь знаете.

Александр Иванович хорошо о том знал, потому что план утверждался на бюро, и мы еще зимой наотрез отказались включать кукурузу.

— Ну-ну... — неопределенно хмыкает Шляпкин. — Смотри, парень, не сносить тебе головы.

— Не дорого моя голова и стоит.

Меня вдруг неожиданно стал разбирать смех. Заулыбался и Чистяков.

— Вы над чем это смеетесь? — оглядывая нас по очереди, спросил секретарь райкома.

— Да так, вспомнилось, как на отчетном собрании Стрешнев «не давал» нам чистых паров, а вместо них совал кукурузу.

Шляпкин попросил рассказать.

— А чего тут рассказывать, — вмешался Чистяков, — Стрешнев грозился: «Не дам», а Кузовлев говорил: «Не в вашем кабинете они, чистые-то пары, и без разрешения возьмем у себя в поле». Нашли где спорить, на собрании. Колхозники, ясно, поддержали председателя, все ладони отхлопали. Стрешнев ни с чем тогда и уехал.

— Весельчаки! — подвел итог рассказу Александр Иванович. — Взгреть бы вас надо, да уж ладно. Считаю, пронесло.

АЛЕША НИКИТИН

Чистяков уехал в совпартшколу, а кого вместо него оставить на работе, никто не подумал. Временно возложили обязанности парторга на

Алешу Никитина, единственного агронома в колхозе. Алеша у нас — работяга. Все это знают. Тянет он свой воз исправно. И посевы в аккурат разместит, и расчеты на удобрения составит, и семена вовремя проверит, и апробации всякие сделает. Подгонять Алешу не надо...

А вот двойной нагрузке не выдержал. Может, и выдержал бы, да писанина заела. То протокол переписи, да еще в двух экземплярах (один себе, другой райкому), то с жалобами разберись, строчи на них ответы по всей форме, то доклад составь, то проект постановления сочини. Надо сидеть в кабинете да с бумагами возиться, а эта работа не по нему.

В горячую пору Алешу в конторе никак не удержат. Он с утра до позднего вечера не слезает с Серка, ездит по полям. В дождь ли, в слякоть... И, кажется, легко переносил все тяготы агрономской жизни.

Иногда сутками не уходил с поля: отлаживал сеялки, уговаривал трактористов, чтобы они и там и сям попробовали пахать, когда плуг увязал, а поле не пускало пахаря. Сам садился вместо прицеппика или брался за рычаги трактора, когда на нем работал молодой, неопытный механизатор. Неумело сердился на какого-нибудь раззяву, разорвавшего сцепку борон из-за того, что поленился вовремя подтянуть гайки. Сухопарый, он особенно спадал по весне или во время уборочной лихорадки: чернел лицом, скулы выдавались еще острее.

Колхозники в такие дни смеялись над агрономом.

— У нашего Алешки один нос остался.

А жалостливая теща его, медлительная в разговоре старуха, постоянно досадовала:

— Мурной какой-то у нас Олешка... Кормлю его, кормлю, да не в коня корм-то.

Тихий с виду, Алешка делался твердым, непреклонным, если сталкивался с какой-либо несправедливостью. Так было, например, в кукурузную кампанию. Правление колхоза повоевало с представителями из района, побилось и махнуло рукой: «А, валяйте как знаете...» Но агроном остался несговорчивым до конца. Он горой стоял за клевера. Потом, когда прошла кукурузная напасть, друзья-агрономы полезли с расспросами к нему: «Расскажи, мол, как ты сохранил клевера». Алеша в ответ только улыбался, хвататься не спешил.

Что и говорить, толковый у нас агроном!

Но вот сразу агронома и парторга из него не получилось. Характера, наверное, не хватило... Особенно терялся Алеша при разборе запутанных персональных дел. Поругать по свежему следу, с пылу, с жару, — это еще он мог. Но после, когда время стирало остроту события, наказывать человека было не в его натуре. Тут Алеша проявлял мягкость характера и удивительную жалость к людям.

Хорошо помнится такой случай. Ветеринар Едомского участка Лебедев разругался с женой и от горькой обиды ушел в «глубокое подполье», то бишь забрался на чердак и не слезает ни в какую. Было это в жаркую сенокосную пору, когда самый никудышный мужичонка на деревне и тот понимает, какой это непоправимый урон — отлынивать от работы.

Ветеринара Лебедева я хорошо знал. Это был опытный специалист. Когда-то он работал зоотехником, ставил опыты в племенной работе, имел успех. Потом перешел на ветеринарный участок, правлению не стал подчиняться. И отбил, что называется, от рук.

В лучшие дни на него нападало просветление: он рьяно набрасывался на работу, выдвигая одну идею за другой, становился точным, исполнительным. Животноводство Лебедев любил и знал в нем толк. Но хватало его ненадолго. Кипучая деятельность вскоре сменялась охлаждением.

Ругали Лебедева на собраниях... Да толку-то что? Уж на что возьмется жена пилить своего суженого — кажется, живого места не оставит. Но к обеду, глядишь, мать-старушка пожалеет.

— Володенька! Родной! — причитает сердобольная. — Не лазай больше на чердак!

А сама тайком сует трешницу, будто конфету подает малому дитяти. И к вечеру Лебедев опять, глядишь, ползет «на кривых». Не до работы ему. Посудили мы, порядили и надумали обсудить Лебедева. Зная, что на правление он, пожалуй, не придет, решили собрать партком. Партком собрался, но Лебедев и на него не явился. Через день снова партком. А Лебедев и на этот раз не пришел.

Приехало ветеринарное начальство из района. А Лебедев сидит на чердаке и слезать категорически отказывается.

«Вот так фрукт!» — возмутились люди.

Члены парткома постановили: «Живым или мертвым доставить Лебедева в контору».

Алеша, испытывая неловкость, сел на коня и отправился

в Едому. Но через час вернулся ни с чем. Снарядили новую делегацию, теперь из четырех человек, и отправили на машине.

Когда Лебедев появился на свет божий, все пожалели от этом. Обросший, невымытый, небритый, он выглядел жалко. «Стоит ли обсуждать?» — заколебались члены парткома. Но, посоветовавшись, решили: «Стоит! Пусть другим наукой послужит».

А Алеша Никитин говорит:

— Ребята, давайте отступимся от него. И без того мужику тошно.

Все, кто присутствовал в конторе, дружно рассмеялись. Лебедев тут же воспользовался этим обстоятельством.

— Смотрите, товарищи,— запел он подобострастно,— обсудить, оно, конечно, можно. Только у меня такая баба! Во всем районе не сыщешь такой!

Бригадир Василий Аксенов схватился за живот и повалился от хохота на диван, Алексей Иванович Зародов, старый механик, человек степенный и самый молчаливый из присутствующих, хмыкнул в усы да скроил веселую улыбку на лице. Михаил Бобков, мужик мудрый и скупой на слова, вдруг разразился тирадой:

— Ну и гарус! Подумать только.

Я посмотрел на Алешу: он вовсе растерялся, и не успели мы отдышаться, собраться с мыслями, объявил, что на этом повестка исчерпана. Члены парткома остались в недоумении... А в завершение всего Лебедев потребовал, чтобы его доставили туда, откуда взяли.

Раздался новый взрыв хохота.

Не дождавшись никакого ответа, Лебедев махнул рукой и тихо поплелся восвояси. Его подбросил до Едомы попутный молоковоз.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО...

Тихие, скучные вечера деревенские... Выпадет денек, что вернешься домой пораньше,— и не знаешь, куда себя деть. Правда, председателю редко приходится коротать вечера дома. Все на людях, на собраниях да в долгих разъездах, по раскисшим дорогам. Тогда совершенно забываешь, что у тебя есть своя крыша и дома

сидит жена с ребяташками, сидит за рукоделным и час, и два, и более. Ждет своего мужа, а его все нет и нет — и вернется, быть может, лишь под утро...

В Паче — центре колхоза — га деревенская церквушка, которая долгие годы сходилла за клуб, пришла в негодность: пол весь сгнил, а потолок грозил обвалиться с часу на час. Приехал из района пожарник и распорядился клуб закрыть.

Пришлось срочно собирать правление колхоза.

— Товарищи! Клуб нам нужен, а у сельского Совета на строительство его нет денег. Давайте построим клуб на колхозные средства. И уж если браться за дело, то надо строить хороший Дом культуры.

Многозначительное молчание.

— Ну что молчите, мужики? Разве вашим ребяташкам не надо смотреть кино, устраивать спектакли, заниматься в кружках?

— Да оно надо,— подает голос председатель ревизионной комиссии Никита Данилович Цветков, человек расчетливый, бережливый, придирчивый к работе колхозной бухгалтерии.

— Так что же?

— А ничего не выйдет, Дмитрий Михайлович. Деньги зря только бросать будем.

— Почему?

— Оно, конечно, клуб иметь неплохо,— как бы вторя Цветкову, начинает рассуждать вслух старая работящая колхозница Антонина Алексеевна.— Клуб дело хорошее, только в клуб ходить стало некому. Молодежь — она вся к городу тянется.

— Вот поэтому и надо создавать молодым условия на селе.

— Ха,— едко отозвался Никита Данилович,— клубом их не удержишь.

— Начнем с клуба, а там еще что-нибудь придумаем. Не надо сидеть сложа руки.

Мужики неохотно голосуют за клуб. Одни соглашаются потому, что дело это далекое, может, и несбыточное, другие, видимо, потому, что хотят поскорее прекратить нежеланный разговор об уходе молодежи в город. Редкой семье этот вопрос не касается. Немало домов вовсе опустело. И еще многие старики на зиму забывают окна досками да укают в город, к сыновьям своим.

Что случилось с молодежью? Не нужна ей стала земля.

Раньше, когда работал в Дмитриевском, люди рассуждали о хлебе, о приличном хотя бы заработке. Дескать, накормить бы людей — никто не побежит от земли. А теперь вот накормили, заработки стали хорошие, в дома электрический свет провели, во многих избах телевизоры появились, холодильники, стиральные машины, мебель городскую стали заводить колхозники... А молодежь все равно рвется в город.

ЗАКИПЕЛА РАБОТА

Строить Дом культуры вышли все пачевские. Им помогали жители окрестных деревень. Правление колхоза заключило договор с межколхозной строительной организацией. Проект взяли в исполкоме райсовета. Было предложено много вариантов, но Пача выбрала самый лучший.

— Дороговато, — ворчал Никита Данилович, рассматривая не сам проект, а рисунок на обложке альбома. — Все равно молодежь этим не удержать.

...Но когда устраивались воскресники, чтобы собрать и подвезти бутовый камень или расчистить строительную площадку, председатель ревизионной комиссии всегда присоединялся к молодым.

— Эх, шельмецы. Балует вас председатель.

На воскресники Цветкова обычно не приглашали: Никита Данилович — хромым, одна нога его вовсе не гнется, да и возраст не тот, чтобы тяжелую работу делать.

Цветков сперва обидится для порядка, с полчаса поглядывает из окна конторы, пока все не примутся за работу, а потом, глядишь, заковылял...

— Чего уж так-то... Аль негодным считаете?

— Да нет, Данилыч, в суматохе позабыли.

Закладка фундамента вылилась в праздник. Школьники пришли на площадку строем, со своим пионерским знаменем. Они принесли какую-то бутылку с записью и положили в правый угол траншеи. Бетонщики тут же замуровали ее.

Молодежь, мужики и бабы подтаскивали камень, песок, подвозили воду. Старики, старухи стояли поодаль, картинно подбоченься, судачили:

— И-их, жизнь пошла! Будто церковь закладываем. Бутового камня навозили с реки столько, что тут же было решено излишки употребить на мостовую.

А что, идея!

Дорога в Паче была когда-то сухая, с хорошим травяным покровом. Теперь же машины и тракторы разбивали ее так, что весной и осенью она превращалась в сплошное глинистое месиво. Вот мы и решили оканавить дорогу, навозить песку и выстелить ее камнем. Понимали, что работа эта немалая, но энтузиазм в людях не хотели гасить: не одолеем за год — сделаем за два.

Оттыскались три старичка-инвалида, мастера дорожно-го дела. Когда-то они строили такие «каменухи».

— Сможете, деды?

— Не боги горшки обжигают. Сможем.

И тут закипела работа.

Незадолго до этого колхоз купил экскаватор «Беларусь». Сперва не знали, где его применить. Механизатор Виктор Васильевич Вихарев предложил:

— Дайте мне его, будем стройке помогать.

Пришлось создавать маленькое звено: экскаватор, два автосамосвала и трактор с самосвальной тележкой. Теперь звено Вихарева полностью обеспечивало песком и дорожников и строителей Дома культуры. Кроме того, подвозило строительные материалы, убирало лишний грунт, выполняло другие транспортные работы.

Ожила Пача, зашевелилась! Строители Межколхозстроя начали уже класть стены, довели до второго этажа, но затем их перебросили на строительство районной выставки. На нашем объекте временно водворилась тишина...

ПОМОГАЙ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ!

Строить — значит жить.

Жить не только сегодняшним днем, а и завтрашним. Ничто так не удручает, как строительное затишье на селе. Если в какой-то деревне за год не построено ни одного сарайчика, ни одной баньки, не перекрыта дранкой или чем-либо ни одна крыша на жилом доме, значит, худы ее дела: умирает деревня...

И наоборот, какое радостное оживление начинается,

когда в деревне строятся два-три новых дома, а за околицей возводится большой скотный двор или сушилка, когда под окнами старых, приземистых домов уже сложены штабеля свежих бревен, а рядом, в переулке, белеют рассыпанные смолистые щепки или краснеет груда кирпича для будущей печки. Душа радуется!

Но чтобы создать эту радость на селе, правление колхоза и сельский Совет должны проявить заботу. Ничто само собой не приходит.

Установите своим местным законом, в какое время года плотницкие бригады должны строить жилые дома колхозникам, на что отпускать лес за деньги, а на какие цели бесплатно, какую ссуду может взять колхозник в кассе и как ее потом погашать, какой трудовой минимум определить мужику на тот год, когда он надумает строиться,— и вы почувствуете, как строительные дела на селе заметно оживут.

И председатель не должен ждать, когда дом у хозяина совсем повалится. Зайди, подскажи:

— Чего ж ты, Иван, оплошал? Неужто хуже других? Или денег не хватает?

Он тебе, может быть, и ответит:

— Да где им, деньжатам, быть. Вишь, орава на печи.

А ты не отступайся:

— Орава — это твой резерв. Надо строиться, колхоз поможет.

Начал он возить камни под углы — опять подоспей. Остановись, побеседуй:

— Не то делаешь, Иван. На камни теперь никто дома не ставит. Приходи в контору, цемент выпишу.

Колхозник имеет законное право требовать, чтобы председатель не был посторонним и в этих делах: «Ты от меня люто работу требуешь, значит, и мне в нужде помогай!»

И верно. Помогай, председатель!

Случится пожар... Спешь к убитому горем колхознику: «Не тужи, брат, посмотри, какая сила вокруг. Не оставим в беде».

Срочно созывай правление, приглашай погорельца и на миру решай, как ему помочь.

Мир — сила! И мужик-погорелец при такой помощи особенно хорошо усваивает, что колхоз — это действительно сила!

Вопросы колхозного строительства имеют и свои теневые стороны, свои противоречия. Вот переведены бригады

на хозрасчет. Живут при нем уже не первый год, поняли, почем фунт изюма. Бригадир теперь хорошо представляет: стройка — это, конечно, перспектива на будущее. Но сегодня она отвлекает силы от полевых работ, животноводства. Ведь плотники льна не вырастят, сена не накосят. И, конечно, когда строишься, доход в бригаде может стать ниже. Вот он и думает: «А не повременить ли со стройкой-то?»

И другая сторона проблемы. Тут уж экономисты должны соображать. Строилась, к примеру, бригада, значит, и затрат больше произвела. В конечном расчете все затраты сводятся в одну строчку — производственные и капитальные. Чем больше этих затрат, тем меньше средств остается для распределения на оплату труда. Гарантированная оплата труда, конечно, хорошо, а доплата к гарантии еще лучше.

Все это колхозный бригадир хорошо знает. Он теперь тоже ученый. Поэтому председатель должен все эти противоречия вовремя рассудить, ввести в такие рамки, чтобы они не мешали строиться.

В методику хозрасчета мы ввели такое правило: все бригады отчисляют в неделимый фонд 20 процентов от дохода. Не израсходовал свою долю — остатки не тронь, пусть их другая бригада осваивает.

Но вот бригада начала строить или занялась механизацией фермы, и средств потребовалось в два раза больше, чем она отчислила. В этом случае правление колхоза даст ей средства из особого фонда. Так что перерасход по капитальным вложениям не отражается на фонде зарплаты колхозников. Зато они знают, что в будущем это повлечет за собой рост производства, а следовательно, и увеличение доходов.

Экономика должна быть очень чуткой ко всяким жизненным ветрам: полезным помогать, вредным ставить заслон.

За последние годы стала модной и такая крикливая тенденция: «Не важен план поголовья, важна продуктивность». Спору нет. Лучше от 100 коров получить 300 тонн молока, чем держать для этого 150.

Но иногда под этим предлогом недальновидные бригады (да и председатели) просто ищут лазейку: сперва перевыполнить план продажи мяса (искусственно поднять доход), а потом найти оправдание, почему 100 коров не заменили 150.

Наш метод закрывает эту лазейку: деньги, вырученные от продажи планового скота, мы в доход не засчитываем. Увеличишь продуктивность — тогда пожалуйста. А нет — покупай снова коров, благо деньги еще не израсходованы.

Председателю колхоза надо быть и агрономом, и зоотехником, и прорабом. А экономистом и организатором он должен быть в первую голову!

Да, нелегко труд председателя. И случается, наш брат быстро «изнашивается».

Расскажу о двух бывших председателях.

СТЕПАН БАСОВ

Басов живет в Демидове, староверской лесной сторонке. Деревня не малая, более ста домов.

Старики здесь бородатые, характером тяжелые, крутые, богу молятся усердно, но и чертыхаются изрядно.

Степан Григорьевич был первым коммунистом на селе. Затем ушел на фронт, отвоевал положенное, вернулся с фронта, возглавил колхоз.

Шестнадцать лет кряду председательствовал он, всякого нагладелся. Но колхоз «Волна», хотя и состоял сплошь из упрямых бородачей, гремел в районе: «Волна» первая отсеклась, «Волна» больше всех заготовила кормов, «Волна» закупила племенных коров, «Волна» мясо по трудодням выдает — вот какая молва ходила в сводках и не в сводках о «Волне».

Где-то по соседству мужики бедствовали, разорялись, получали тощие граммы жита по трудодням, а демидовские бородачи осенью засыпали добрый хлеб в амбары, зимой тайком гнали самогон.

Но Степан Басов не поощрял самогон. Нет, он был совсем не пьющим председателем.

И с мужиками своими не то чтоб ладил, а так, исправно управлялся. На зазывы в дома не соблазнялся, поэтому вечерами домой пробирался обычно огородами.

С виду Басов угрюм, молчалив, лицо изъедено мелкой оспой, по местному выражению — шадровит. Но когда его осеняет счастливая мысль, кожа на лице разглаживается, розовеет. Говорят, Степан в юности был очень застенчивым

парнем, девчат побаивался, на гульбищах забияк сторонился.

Итак, Степан Григорьевич долгие годы был преуспевающим хозяином. Потом все рухнуло. Начались объединения, разъединения. Сперва «Волна» нехотя объединилась с соседними двумя деревнями — Пашнецом и Берендюхой, затем с двумя укрупненными колхозами — «Зарей» и «Победой».

«Заря» — куда еще ни шло, а в «Победе» — шаром покати.

Загоревали бородачи. А Степан побился-побился с укрупненным колхозом да с горя махнул рукой, отступился от всего. Но ненадолго.

Мужики тем временем написали в Москву — в район пришла бумага: разделили большую «Волну» опять на три колхоза. Воспрянул духом Басов, снова в район со своим куском хлеба стал ездить, в столовку не заглядывал.

Шли годы. В «Волне» по-прежнему Степан Басов управляет, в соседней «Победе» сидит Дрогалов Василий Иванович, а в «Заре» появился Андрей Кудрявцев. Это-то и сыграло роковую роль для Степана, как мыслит он. Кудрявцев по натуре был «агрессивным» соседом. Быстро пошел в гору, стал строиться, часто со своими мужиками ездил в лесные делянки через Демидово. И всякий раз трунил над староверами:

— Побьем, обгоним! Вот увидите...

А однажды нагрязнул со всей ватагой на собрание в «Волну».

В тот год в Демидове случился недород, мужики шумели при отчете председателя. А тут еще Кудрявцев подлил в огонь масла:

— Что я вам говорил, бородачи? Побили мы вас!

Степан Басов, не найдя поддержки у своих односельчан, вынул печать из кармана, хлопнул ею о стол:

— Ша, кончен мой доклад! А теперь до свидания.

И началось в «Волне» безвластие. Степан из дому не выходит. Мужики митингуют, но председателя никак выбрать не могут. Пробовали к Степану стукнуться — не впускает.

Из района стали наезжать представители — ничего не помогает. Наконец сам секретарь прибыл. К Басову не пошел, хотя и ходили в дружках, а сперва мужиков собрал:

— Ну как, деды, не надоела жизнь запорожская?

— Надоела, милой, надоела.

— Так кого вам в председатели-то хочется?

Бородачи все уже решили между собой, но сказывать не спешат.

— Ды-к, если Степан Григорьевич выйдет на народ, быть ему за старшого.

Секретарь повел народ к Степановой избе.

— Чего, Басов, задурил? Получай печать, да гляди в оба. Сосед твой молод, задирист, но с головой. Смотри, как дело поворачивает. Догонять надо.

Не удержался Степан Басов, принял печать. С новой силой навалился на гужи колхозные. А тут опять объединение...

На этот раз указание райком получил твердое, строгое и неукоснительное. Словом, три колхоза «уложили» в один. Теперь «Волна» и имя свое потеряла, объединенный колхоз стал называться «Зарей», а Андрей Кудрявцев в ней председателем.

Закатилось солнце Басова! Стал он нехотя бригадирить в бывшей «Волне», работал неровно, срывался... А затем и вовсе скис. Таким я и застал его во второе свое появление на Вологодчине.

Эх, Степан, Степан! Как тебя жизнь покорила...

ВАСИЛИЙ ДРОГАЛОВ

Детство Василия Дрогалова прошло в бедности. Юношей был пытлив, резв, но судьба сперва обделила здоровьем, потом помытарила на трудных дорогах войны, затем надолго отказала в семейном счастье.

...После войны Василий Иванович стал председателем. Колхоз «Победа», где он хозяйствовал, только имя носил боевое, модное. А побед никаких не было.

Дрогалов заступил на пост в самые голодные послевоенные годы. И не криком он начал свою деятельность в колхозе, а добрым расположением к землепашцу, с заботы о его малых детях, о нем самом. Бывало, выведет он пестрый бабий отряд на работу, разошлет всех мужиков по нарядам, а сам — в район, к предрику или секретарю райкома.

— Выпишите зернишка какого-нибудь, дайте передох-

нужно маленько, не то бабы до урожая не протянут. Да и ребятишек кормить надо.

И обязательно привозил что-нибудь из района. Жалость имел к людям: за нее и поплатился в свое время.

В голодный год выделил колхозникам десять нетелей со двора, а нетели оказались плановые, и за разбазаривание скота угодил Василий Иванович в тюрьму.

Но народ, помня добрые дела Дрогалова, позднее вновь избрал его председателем.

И опять Дрогалов на коне, опять весь день-деньской в заботах, на полях, среди людской суеты.

Одна страсть у Василия Ивановича — любил он доходить до каждой мелочи сам, никому не передоверял своего сердечного беспокойства. И период объединений-разъединений сравнительно легко пережил, не то что Басов.

Однако подвела Дрогалова злополучная чарочка. Не знаю, как это случилось, с чего началось, но к моему появлению в «Заре» Дрогалов был уже «потухшим» человеком. Был конь — да весь изъездился.

И все же Дрогалова не переставали уважать люди. Бывало, запьет — вся бригада простаивает. Колхозники не знают, что им делать. А зайдет разговор об этом на правлении — одно слышишь:

— Жалко мужика. И что это с ним случилось?

Но жалость в конце концов сменялась возмущением. Правление колхоза снимало тогда Дрогалова с работы. Но ненадолго. Кого бы ни ставили бригадиром — порядка у покровцев не было.

Колхозники снова требовали Дрогалова. Правленцы не соглашались, а потом уступали. Василий Иванович, обычно поломавшись для порядку день-другой, люто набрасывался на работу. К людям он не подлаживался, но и себя виноватым тоже не чувствовал. И успевал так подогнать все дела, что покровцы быстро наверстывали упущенное, снова выбивались в передовые. А Дрогалов опять запивал...

Наконец наше терпение лопнуло. Отправились мы с новым секретарем парткома Сергеем Егоровичем Алексеевым собирать бригадное собрание и окончательно снимать Дрогалова с бригадиров. Но он на собрание не пришел. На другой день снова нет бригадира. На третий — та же картина. Кинулись в розыски. Полдня мотался «газик» по полям, по деревням! Канул, сгинул бригадир. Уж совсем было отчаялись. И злость такая берет! Вдруг натываемся:

сидит в крапиве за старой кузницей. Поглядели — батюшки! — на Дрогалове лица нет, позеленел.

Молча достаю трешку и отсылаю парторга.

— Съезди, пожалуйста, в магазин.

Тот ничего не понимает, вернее, начинает понимать, что не дело председатель задумал. Объясняемся кое-как.

Наливаю полстакана водки и подаю Дрогалову.

— На, держи. Не то душа изойдет, сдохнешь.

Дрогалов молча забирает стакан в руки, долго подносит к губам — трясет всего.

Нас самих начинает знобить: жутко глядеть на опустившегося человека.

— Все, ребята, это моя последняя выпивка.

На глазах у него блеснули слезы.

— Не верю я тебе, — говорит парторг, — сколько ты клялся...

Я размахнулся бутылкой, ударил ею об угол кузницы и, ничего не сказав, пошел к машине. Долго с парторгом ехали молча, боялись поругаться. Потом молча как-то и помирились.

— А вот скажи, правильно ли мы сделали? — начал дипломатично парторг. Он сидел справа, баранку крутить была моя очередь.

— Трудно сказать, но чувствую — Дрогалов больше не будет пить.

— Почему так решил?

— Не знаю.

На следующий день собрание состоялось. Дрогалов пришел первым. Помятый весь, но чувствовалась в нем уже какая-то жизнь. Информации не требовалось, люди все знали. Прения начались стихийно. Выговорились все. Наконец встал Дрогалов.

— Не знаю, нынче собрание колхозников или открытое партийное. Вроде коммунисты все присутствуют. Я исключен — знаете. Но все равно... Даю слово: пить больше не буду. Все... Только поддержите.

Когда возвращались домой, разговорились с парторгом.

— Ну что, ты и теперь не доверяешь ему?

— Честно говоря, не очень.

— Не торопись, Сергей. Ты мало еще пожил у нас.

Забегая вперед, хочется рассказать, чем все это кончилось. Дрогалов сдержал слово. Прошел год, минул второй, а у него с зельем полный разлад. Односельчане пытались разыгрывать бригадира. Встретят у магазина, зазывают:

— Василий Иванович, сообразим...

Дрогалов не увильнет, не обозлится, наоборот, пошутит:

— А что, ребята, третьего не хватает?

И тут же внесет свой пай. Сам бутылку распечатает, чарки наполнит, из своей выплеснет через плечо и, улыbnувшись, отойдет в сторону.

— Сказано вам, завязал!

Пробовали его искушать и на сельских праздниках. Но Дрогалов сидит за столом, чаек или лимонад попивает да трунит над друзьями:

— Записывайся в мою команду.

Вскоре Василий Иванович сколотил в колхозе что-то вроде общества трезвенников. В свою компанию он подбирал не рядовых выпивох, а тех, кто, как говорится, доходил до ручки. Работает у нас шофером Александр Яруничев. Уж на что был мастак по части выпивок, а, подружившись с Дрогаловым, тоже завязал. На радостях ему жена даже личный «Запорожец» купила. Катается Яруничев на своем «Запорожце» да хвастается перед шоферами:

— Добро! Не шумит в «моторе».

Дрогалову мы с Сергеем Егоровичем потом общественную нагрузку придумали: выдвинули его председателем товарищеского суда. К тому времени Василий Иванович подал заявление в партию.

ЧТО ЖЕ МОЛОДЫМ НАДО?

Заседание правления колхоза на этот раз было необычным. Обсуждались четыре неуспевающих ученика Шайминской восьмилетней школы. Ученики эти, что называется, «отлеты». Беда с ними на уроках, и дома они ничем полезным не занимались.

Вместе с родителями их вызвали на заседание правления.

Молодую учительницу, классного руководителя, мы попросили рассказать о своих «героях».

Пожилые колхозники, члены правления, недоумевали: «Стоило ли нас тащить издалека для таких пустяшных дел». Учительница уловила это настроение.

— Уважаемые товарищи колхозники,— начала она свое

выступление, — мы ценим ваше дорогое время. Но воспитание детей — это общее наше дело. Без вашего участия нам не справиться.

Старики подобрили.

— Валяй говори, дочка, слушаем.

— Вот Мельников. Он не хочет учиться, а мог бы. Дома его никто не контролирует, мать то и дело винит нас, учителей, в неумении повлиять на сына, а сама и слова ему не скажет...

— Да разве он послушает нас с отцом? — не сдерживается мать Мельникова.

Муж ее, Иван Федорович, солидно добавляет:

— Мы что, разве мешаем учиться...

На них зашикали: «Помолчите, не мешайте».

Учительница рассказала о проступках Васи Гарася и Анатолия Кирьянова.

Семья Кирьяновых — пачевское бедствие. Детей много, ребята все здоровые, а работать ленивые. Одна мать ломит в колхозе за всех. Муж ее, щуплый, щедушный человек, вечно плачется, что с ребятами сладу нет.

— Так что же, Анатолий, учиться-то не хочешь?

— Хи... учиться. Училки все какие-то маленькие. Разве их можно слушаться?

— А тебе, детине, кого же нужно?

Решаем определить его молотобойцем в кузницу. Парень переросток, нечего в школе попусту околачиваться.

— А как же всеобуч, план? — растерялась учительница. — Директор не разрешит?

— Заставим учиться в вечерней. Будет успевать — начнем и по работе продвигать, жалованья прибавим. А пока 50 рублей в месяц. Хватит ему, мужики?

— Хватит.

— Ну вот, пусть потрудится. Сил-то сколько!

— К Марку Ивановичу пойдешь.

Анатолий радешенек.

Остальным «отлетам» члены правления дали строгий наказ за ум взяться, учиться как следует, прикрепили к ним шефов.

Предстояло еще обсудить несколько производственных вопросов. Но «ребячье дело» разбредило души мужиков, и разговор о школе продолжился.

— Что же это такое получается? — не успокаивался Никита Данилович. — Ребятам и то и другое дали... Им теперь и справу покупают — раньше женихов так не оде-

вали. А нет, не идет им на ум учение. Да и в колхозе не хотят работать после учебы.

— А почему так, мужики? Давайте вместе подумаем.

— Кто же его знает, почему? — озадаченно говорит Андрей Антонович Антонов, трудолюбивый мужик из соболинской бригады. — Живем теперь хорошо. У меня со старухой домище — на взвод целый хватит. Все в доме есть: одежда у ребят, питание — чего хочешь! Нет, подавай им город. Как медом приманивает.

Его дочь Римма, лучшая доярка в колхозе, чей портрет не снимали все эти годы с доски Почета, недавно неожиданно для всех бросила ферму и уехала в город.

— Культуры у нас не хватает, — говорит заученно секретарь комсомола Соня Вихарева.

Сама она тоже была, как говорится, на мази: вернулся ее парень из армии, скоро свадьба. А там — город, это уж так повелось...

— Нет, товарищи, молодежный вопрос — более глубокий! Конечно, права Соня, культуру надо поднимать. Но и с ростом культуры на селе молодежь будет уходить в город. На первых порах еще хлеще побежит...

Павел Антонович Беляев — бригадир из Берендюхи — испуганно вытаращил глаза.

— Это как же понимать, Михалыч? Выходит, на вред себе всякие клубы там строим да телевизоры в красные уголки покупаем?

Все дружно рассмеялись над Беляевым, вспомнив, как он на прошлом правлении усердно выпрашивал телевизор для своей бригады.

— Отдавай обратно, Беляев, свой телевизор. У тебя ребят мало, последние разбегутся.

Но шутки шутками, а дело-то серьезное. Мы должны сделать все для того, чтобы жизнь в деревне стала для молодых более привлекательной. А для этого надо строить не только клубы, детские сады и ясли, но и коммунальные дома со всеми удобствами. Необходимо приводить в порядок дороги, разбивать сады и парки в селах. А то ведь крапивою, лопухами заросли иные деревни. Обо всем этом я и сказал членам правления.

— Это верно, — согласно поддакивали мужики.

— И все же и это, скажу я вам, не остановит молодежь.

— Ды-к что ж тогда выходит? Зря заботимся?! Как же так...

— Нет, не зря. Деревня отстала от города в своем раз-

витии, и теперь нам надо догонять жизнь семимильными шагами. В первую очередь следует механизировать все основные процессы в сельскохозяйственном производстве, особенно на фермах, чтобы труд для молодежи стал интересным, под стать труду городских рабочих. Иначе молодежь никаким клубом не заманишь на село. Более того, надо уже сейчас упорядочить рабочее время. Разве согласится девушка работать на ферме, если ей приходится торчать там целый день? Присмотритесь, с ней и парни не дружат, потому что ей некогда бывать в клубе, некогда поцеловаться...

Все рассмеялись.

— Что верно, то верно.

— А школы какие у нас? Старые, деревянные. Спортзалов нигде нет, мастерские никчемные. Разве все это — не наша с вами забота?..

— Нет, тут уж извини, — не выдержал пенсионер Александр Иванович Тихомиров. — В городе и театры и листораны — все государство строит. А мы — школу своим ребятам подавай. На свои деньги.

— Эх куда загнул, дядя Саша. Если уж заговорил о деньгах, то возьми в толк и такое. Нам сейчас государство платит, скажем, за мясо рубль пятьдесят. Это за килограмм живого веса. В переводе на чистое мясо по три рубля выходит. Верно?

— Верно.

— Ну а продает по рублю двадцать копеек. Так от кого отрываются недостающие рубль восемьдесят, а то и более, чтобы нам их доплачивать?

— От кого?.. Какой-нибудь фонд, а то резерв имеется у государства.

— Таких фондов нет и быть не может. Кто экономист, тот понимает, что это от рабочего класса идет дотация нам, крестьянам, чтобы мы на ноги скорее поднялись. А ты, Александр Иванович, «листораны»...

Тихомиров доволен, что ему столько времени уделили. Вид его говорит: «Все, мол, мне теперь ясно».

Из-за печи подал голос Степан Григорьевич Басов. До того он сидел там молча.

— И я хочу сказать... — Лицо у Степана порозовело. — О молодежи тут на сказано. Все это мы в толк взяли. Не скоро удержишь, значит, ее. А я предлагаю совсем не удерживать. Пусть уходит!

На него зацыкали:

— В уме ли ты, Степан? Одумайся...

— А я давно одумался. Подневольник — не богомольник, это я так понимаю. Не отпускаем добром ребят, родители их заранее выпихивают. Вот и моя Поля давно уж детей в интернат спроводила. Думаете, для чего? Чтобы после школы пошли в техническое училище или на завод, но в колхоз не вернулись. Был у нас с ней уже об этом спор, все я выяснил.

Степан всегда удивлял своей откровенностью. И нынче его слушали внимательно.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Записать в решении или уставе для точности: пусть каждый отрабатывает в колхозе год или два, тогда ему паспорт в руки — хочешь оставайся, хочешь иди...

— А пожалуй, верно говорит, — зашумели сразу многие члены правления и бригадиры. — Как ты мыслишь, председатель?

Признаться, задал Степан задачу. Быстро не сообразишь.

— Есть резон в предложении Басова. Пусть на первых порах будет так: отработает молодежь год — и вся, подчистую, уйдет из колхоза. Допустим. Все равно другая смена на год останется. Получится что-то вроде переходящего резерва. Идея!

Басов окрылен всеобщей поддержкой.

— Главное, — продолжает он развивать свою мысль, — колхоза перестанут бояться... А в колхозе тем временем надо бы курсы какие-то организовать. Все больше молодежь задержится.

Никита Данилович Цветков все это время, пока говорил Басов, не спускал с него глаз. Под конец заметил:

— Ума в тебе, Степан, — палата. Вот если бы еще так работал.

— А что, я не работаю, не стараюсь?.. — Степан разгорячился. — Жизнь какая-то чудная пошла. Нам жить дают, а мы от земли шарахаемся. Это я о молодежи. Да не только молодежь... Ты вспомни сам-то, Никита, как раньше трудились, как колхозы после войны поднимали?

— Помню, все помню, Степан да Григорьевич, — Никита Данилович зачем-то встал, полез в свой карман и вытащил блокнот. — Хорошо поешь, Степанушка... Но пока ты за печкой сидел, и я молчал. А вылез — вспомнил. Недавно я проверял твои покосы. Не меряешь ты их. Как же пишешь людям, сколько они вырабатывают?

Степан хотел что-то сказать, растерянно поглядывая на Цветкова.

— Я подсчитывал: выходит у тебя на каждого косца по 63 сотки в день. Допустимо ли это? А дни уборки?!

Припертый к стене, Басов не знал, как оправдаться.

— Вот так будешь «руководить», и впрямь все молодые убегут,— закончил Никита Данилович.

Люди развеселились. От философского настроения не осталось и следа. Кончилась «поэзия», перешли к прозе. Но правлению предстояло еще вернуться к решению молодежных проблем.

СЕРГЕЙ ЕГОРОВИЧ

Способных парторгов на селе не часто встретишь. Попадется кто поталантливей — в райком быстро заберут или еще куда выдвинут. Бездельника тоже быстро заметят, коммунисты сами от него избавятся.

У нас с уходом Чистякова много парторгов перебивало. Не приживались. Предпоследним был Сиротин Николай Павлович. Душа человек — в самый бы раз на такой работе! Да вот беда: жена с ним в колхоз не поехала, осталась в Шексне. Помыкался Сиротин и подался обратно. Не разводиться же с капризной женой на старости лет. Да и прихварывать стал — некому доглядывать.

Не знаю, как кому, а мне всегда тяжело расставание. Только сработаешься, душа к душе приладится — и на тебе, привыкай к другому. Всякое подумаешь при этом: может, чем не угодил, может, командовал в колхозе слишком круто, ущемил чем парторга в его власти или заботу какую не проявил...

Между тем колхоз наш в районе стал заметным. Поднялась урожайность зерновых, увеличилось производство мяса, молока и других продуктов. По молоку, правда, мы еще не очень блистали, но ленком неплохо все эти годы занимались, доход за миллион перевалил. Колхоз отстраивался...

В 1965 году стали разукрупнять большие районы.

Села наши испокон веку к Череповецкому району относились и до революции в этом же уезде числились. А тут

вдруг в связи с разукрупнением некоторых районов постановили «Зарю» отнести ко вновь создаваемому Шекснинскому району.

Возмутились мы, письмо в обком партии написали. Секретарь Череповецкого райкома Шляпкин тоже не хотел отдавать соседям свою родину, обрадовался, когда мы письмо написали. Приехал совет держать. Из области сразу звонок. Говорит секретарь обкома.

— Чего, Шляпкин, народ там баламутишь, к письмам подбиваешь?

— Да, нет, Анатолий Семенович, Кузовлев сам написал. И парторг с председателем сельсовета это мнение разделяют.

— Пусть там журналист молоко доить учится, а не письма сочинять.

Эхма!..

Началось объединение.

Делегатов наших на Череповецкую конференцию не берут, а в Шексну сами не едем. Обиделись всерьез.

В последний день установилась телефонная связь с новым районом.

— Почему никого нет на конференции?

— А приглашения ждем. Мандаты у нас в Череповец выписаны, в Шексну никто не приглашал.

Срочно пригласили.

Приготовил я самую убедительную речь в защиту наших прочных связей с Череповцом: «Не отрывайте, мол, «Зарю» от Череповца-батюшки, нашего светоча и маяка!»

Председатель оргкомитета Портнов ответил:

— Если для вас Череповец был батюшкой, мы сделаем все, чтобы Шексна стала матушкой.

«Как бы она не оказалась мачехой», — подумалось невольно.

Делегаты конференции дружно похлопали в ладоши и проголосовали за присоединение. Наши четырнадцать голосов веса не имели, с ними не посчитались.

А вскоре после того и Сиротин ушел в «Шексну», в свой родной колхоз. Старый там председатель Тимофей Александрович Иванов, глуховат на одно ухо, да крепок па руку. Гремил «Шексна» па всю область, ходит в передовых. Тимофей Александрович еще на учредительной конференции подтрунивал над нами:

— Аль «Заря» кого боится, что в район к нам не идет? Может, соревноваться тут не с кем?..

«Ну погоди же, старый! Соревноваться мы будем. Вот наберемся сил — схватимся и не побоимся».

Тимофея Александровича поддержал и Андрей Кудрявцев. Он закончил учебу и работал теперь председателем в колхозе имени Кирова.

— Вызываем и мы «Зарю» на соревнование!

Испробовать силы Кудрявцева я уже не боялся, знал его слабые и сильные стороны. На «ура» может народ поднимать, на это он мастер, но для глубокой, вдумчивой работы ему не хватало «усидчивости», склад характера был не тот...

Нас подзадоривали:

— Ну-ка, три кита, схлестнитесь!..

Портнова такое начало вполне устраивало.

Сергея Егоровича Алексеева прислали к нам после первой посевной в новом районе, в разгар сенокоса. Парень молодой, только что окончил совпартшколу. И родом не из дальних — из колхоза «Угла», что по соседству с «Шекс-ной».

Красивы места угольские! Все склоны да перевалы, и лесочек на каждом взгорке. Родники живые бьют. Угольские мужики пропускают их по деревянным лоточкам прямо с горки да во дворы. Не надо никаких водопроводов, вода и зимой не замерзает.

Боялись, загорюет у нас на низинных землях Сергей Егорович. А он нет, ничего, привык: живет да наши места похваливает. Мы ему и дом поскорее соорудили, чтобы семью сюда перевез. Приехала его молодка Нина, детей начала рожать нашему парторгу. Значит, корни пускают Алексеевы.

Сергей Егорович с виду тихий, застенчивый, но не робкий, как может показаться на первый взгляд. Мне почему-то он таким сначала и показался.

Помню, ездим по колхозу и день и два... Новый парторг задаст несущественный вопрос, и опять долго едем молча.

«Эка, — берет досада, — какого тихоню прислали».

А он приглядывается, не торопясь, к колхозу, что-то в уме прикидывает.

Кончили объезд — Алексей говорит:

— Что-то с силосным звеном ничего не получается у нас. Не будешь против, если я за него возьмусь?

Про себя я подумал: «Ну и влетит мне за такое использование комиссара», а вслух произношу:

— Валяй.

Сергей Егорович, в прошлом механизатор, забрал на базе свободный самосвал и укатил в звено.

Легко отпустить сразу, не подумавши. А потом начнут одолевать разные тревожные мысли — беда!

«А вдруг завалится? Сумеет ли подойти к ребятам?» Ведь про наших людей недаром говорят на стороне: «Пачевские — мужики хваческие». И поехать поглядеть — тоже как-то неловко: вот, подумает, не доверяет, приехал опекать.

Решил дня три не ездить в звено. И правильно сделал. Сергей Егорович сумел сам войти в дела, незаметно, но надежно расположить к себе ребят.

— Стоящий мужик, — сообщил мне «по секрету» тракторист Сергей Милославов. — Принимаем во свои.

Правда, словам Милославова я тогда не очень-то придавал значение. Этот молодой механизатор, хотя парень он был и в годах, всего второе лето работал на тракторе. В прошлом году поставили на льномолотилку — подвел всю бригаду. То у него трактор барахлил, то с колотушкой не клеилось... Одним словом, здорово ругались колхозники. И у меня о Милославове создалось определенное мнение: никчемный механизатор.

Заново открыл Милославова Сергей Егорович.

— Слушай, — заявил парторг вполне категорично, — ты напрасно такого мнения о нем. Милославов — замечательный парень. Ему можно любое звено доверить. Посмотри, какой он остряк... Одним словом, парень с головой.

И парторг оказался прав. Не прошло и года, как талант в Сергее Милославове действительно объявился. Милославов брался теперь за любое дело и добивался неизменного успеха. К его словам стали прислушиваться даже старые механизаторы, а вчерашние выпускники считали за счастье попасть на практику к Сергею Милославова.

На следующий год мы решили создать не одно, а три силосных звена. Правда, техники не хватало, бригадиры, механики на нашу затею поглядывали косо.

— Вот заберете всю технику в звенья, а нам что останется?

Приходилось теперь силосным звеньям, кроме основной давать дополнительную нагрузку — окучивать картофель, проводить химическую прополку льна. Все это, конечно, мешало звеньям по-настоящему развернуться на силосе, вносило нервозность в работу. Некоторые механизаторы

теряли веру в успех дела, опасались, что полетят заработки.

Естественно, появилось много противников звеньевой системы. Большого труда стоило сдерживать атаки бригадиров. Механики начали склоняться на их сторону. Но парторг был неумолим:

— Нет, только звенья!

Я хорошо понимал, что отстаять идею — это расчистить дорогу для будущего. Но в то же время видел, как нехватка техники затягивает порой полевые работы. Кроме того, в какой-то мере снималась ответственность с бригадиров за важный период работы — уход за урожаем.

— Вы же забрали все колесники, а без них что мы поделаем? — отвечали обычно бригадиры.

Посоветовался с Сергеем Егоровичем.

— Не хочу, парторг, ломать твою идею насчет звеньев, но ведь на самом деле положение в бригадах тревожное. Как бы бригадиры не запорили нам нынче лен и пропашные культуры.

Увидел, что удручен Алексеев.

— Ну ладно. Не будем трогать. Давай временно снимем дорожный отряд Вихарева, все самосвалы бросим на силос, а из звеньев возьмем часть колесных тракторов.

— Идет, — обрадовался парторг. — Но только... дороги у нас тоже плохие.

— Ничего, ничего. Много маялись, еще год потерпим. А силос, лен пужны каждый год, без них и дороги нам будут ни к чему.

Но и после этого звенья оставались орешком, который предстояло раскусить. Я чаще стал наведываться к Алексею Ивановичу Зародову, механику центрального участка. Этот человек — барометр. С выводами не торопится, долго взвешивает обстоятельства.

Смотришь иногда на него и негодуешь: «Вот ведь тугодум! И чего трет-мнет, когда дело ясное?» Но Зародов никогда не спешит. Он тысячу раз отмерит, проверит, пока не убедится, что дело верное.

Как-то раз рано утром проезжаю мимо базы. Никого из трактористов еще нет, а Зародов — тут, копается с роторной косилкой.

— Труд на пользу.

Алексей Иванович поднял голову и скупой улыбнулся. Видно, не слишком доволен, что его застали за этим делом.

— Для звена стараешься, Алексей Иванович?

— Приходится.

Он раздумывает еще несколько минут, не прекращая своего занятия, а потом решается заговорить:

— Дела у них не шибко хорошие. Бригадир отвел самое неподходящее поле, машины часто ломаются.

— Так-так... Ну а ты-то как думаешь?

— Это о звеньях, что ли?

— Да.

— Сергея бы Егоровича к ним. А то ребята чего-то хандрят.

— Нет, Зародов, Сергея Егоровича сам проси, я ему не начальник.

— Не поняли вы меня. Я хотел, чтобы только съездил к ребятам, вдохновил. Ему они поверят...

— А! К родоначальнику обратиться?

— Вот-вот.

Я понял, что звенья теперь пойдут, приживутся у нас. Уж если Зародов забеспокоился — дело верное. Поднимать дух у ребят мы отправились в тот же день втроем.

Как потом оказалось, звенья в нашем колхозе оправдали себя. В конце года подсчитали: себестоимость тонны «ручного» силоса была 17 рублей 40 копеек, а в звеньях он обошелся в 3 рубля 30 копеек.

Молодец парторг, знал, за что ратовал!

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

Дом культуры строился долго, работы на объекте то развertyвались, то затихали.

Наконец маляры завершили покраску стен, полов, а прораб предъявил объект к сдаче. Но при приемке мы обнаружили немало недоделок. Запротестовали.

Прораб вызвал начальника Межколхозстроя. Тот походил, потрогал стены, пощупал крашенные полы и заявил:

— Так это все мелочи. В городе, бывает, хуже сдают.

— Нет, позволь, Георгий Иванович. А вентиляция, санузлы, потолок плохо утеплен — разве это мелочи?

Строители махнули рукой и ушли с объекта. Деньги они перерасходовали, брать им больше неоткуда. Акт остался неподписанным. Пришлось самим доделывать.

Устранять недоделки хуже, чем заново строить. Нас

все эти выкрутасы строителей здорово просветили, в следующий раз будем умнее.

В завершение всего пригласили художников из Вологды.

— Оформить бы надо наш очаг.

Те набросали эскизы.

— Тысячи три или четыре надо.

— Ладно, идет. Режь последний огурец!

Завертелся, засверкал огнями наш Дом культуры. Он обошелся колхозу в 120 тысяч рублей. Дороговато, конечно! Но на селе всякая стройка влетает в копейчку. Не припасено для нас еще строительных контор, а самодеятельное строительство всегда дорого...

А тут другая забота подкараулила.

На территории сельсовета две школы-восьмилетки. Одна из них, Покровская, совсем пришла в негодность. Двухэтажное деревянное здание так покосилось, что опасно стало в нем учить ребят. Два раза колхоз латал школу. На третий — приехали специалисты и определили:

— Здание больше не подлежит ремонту.

Две школы объединили в одну. Но Шайминская восьмилетняя тоже на ладан дышит. Надо строить новую.

В районе долго думали, как поступить. Требовались деньги и немалые, а в роно их нет.

Колхоз предложил: «Давайте на паях строить».

Выбрали проект на 320 мест. Школа кирпичная, в одноэтажном исполнении — 140 тысяч будет стоить. Приступили к строительству.

Правленцы теперь не сильно возражали. Они поверили в чудо: деньги откуда-то начальство берет, без зарплаты не сидим.

А чудо это брало свои истоки в тех партийных решениях, которые направляли сельское хозяйство по пути укрепления экономики.

Когда заложили фундамент школы и вывели стены, старики зацокали языками.

— Да что же это руководители наши смотрят? Школа-то хуже клуба будет.

Новую школу расположили рядом с Домом культуры, обозначив тем самым новую улицу.

Задумались мы с парторгом.

— А не надстроить ли второй этаж, пока не поздно.

Поехали за советом к секретарю райкома Партнову. Тот с ходу одобрил.

— Валяйте, ребята, поддерживаю!

Но легко сказать «валяйте».. Началась перепланировка, потребовался другой проект. Съездили в Череповец, нашли проектировщиков. Пока проект изготавливали, представитель Госархстройконтроля закрыл наш объект, предписав издержки отнести на виновников.

— Эх, брат, Серега, влипли мы с тобой в историю.

Случилось это перед моим отпуском. Поехал я, а Алексеев сказал:

— Ты, парторг, все брось, а с документацией пробивай, доводи до конца.

Сергей Егорович без меня, что называется, развернулся. Он добился нескольких «консилиумов», толковые проектировщики исследовали фундамент, заложили шурфы, Госархстройконтроль под их напором отступил.

Но в районе уже кое-кто был не рад этой затее.

— Завели волюнку в Паче...

Проект утверждать в области не стали. Говорят, дайте заключение Госстроя. Послали гонцов в Москву. Госстрой отсылает их в Министерство просвещения РСФСР. Наконец проект утвердили.

Но тем временем подрядчик «сбежал». Произошла заминка с финансами. Школа-то теперь будет стоить не 140, а 430 тысяч. Роно своей доли дать не может. Пришлось нам собирать колхозное собрание.

— Мужики! Денег на школу требуется 430 тысяч. Как мыслите, одолеем или скажем, что не под силу?

— А как само руководство колхоза думает?

— Думается, осилим. Заработки у колхозников не пострададут.

— Ну, тогда согласны. Строить надо.

— Эх, ядрена-матрена! — прорывает председателя ревизионной комиссии... — Ну и добр народ у нас стал, ничего-то ему не жалко. Да ведь это более четырех миллионов на старые...

Но мужики понимают по-своему.

— Да! Времена... А что еще дальше будет?

СЛОВО К ДРУЗЬЯМ- ЖУРНАЛИСТАМ

За инициативу, за строительство школы-интерната на собственные средства наш колхоз похвалили в областной газете «Красный Север».

Представили и нас, руководителей, в духе современных героев. А какое тут геройство? Нужда подперла, и только.

Захотелось мне попенять коллегам-журналистам, друзьям по прежней работе: «Мелко пашете. Зрите в корень, ребята!»

Часто спрашиваю себя: почему наши журналисты порой не удосуживаются заглянуть в глубь экономических, социальных процессов на селе?

Вот хвалят председателя, если он поднимает колхоз. А где была печать, когда этот колхоз по своей, местной, «инициативе» разваливался?

Хвалят какой-то колхоз за перестройку своего хозяйства, если он начал возводить новые дворы, механизировать сушилки и т. д. А может, его надо скорее упрекнуть, что запоздал строиться, упустил дорогое время? Вот и за школы будут теперь кого-то хвалить. А то, что они в нашем крае почти всюду гниют, разваливаются, нет за ними досмотра со стороны местных советских органов,— этот вопрос пока мало кого тревожит.

А почему бы прямо не сказать Министерству финансов РСФСР, что если оно будет и впредь отпускать незначительные средства для ремонта и содержания сельских школ, клубов, больниц, то у нас еще долго будут стоять подгнившие, запущенные здания, одним своим видом наводящие тоску.

Газетчики, как правило, едут на село в поисках нового и с удивительным равнодушием проходят мимо разрушенного или разрушающегося старого.

У печатного слова большая сила. Но журналистам, моим давним коллегам, надо помнить, что у всякой силы есть свои плюсы и минусы. Минусы прессы — это бесцельная стрельба и стрельба вхолостую.

Не всяким героизмом следует восхищаться. Надо в хозяйственных делах проявлять больше умеренности, спокойствия, чаще спрашивать себя: «А нельзя ли без героизма?» То есть поменьше шумного героизма, побольше будничной деловитости.

Смотришь иной раз такой киножурнал: где-то внедрили доильную установку — «карусель» или «елочку». Умные, ученые коровы идут сами к этим аппаратам, чинно этак, да еще, черти рогатые, чуть ли не подмигивают в зал крупным планом: «Чего, дескать, председатели, смотрите, разинув рты, не внедряете?..»

А начнешь внедрять «карусель» или новый молокопровод — это ведь не только построить, механизировать, а в первую очередь провести ряд зоотехнических организационных мер, порой более трудных, чем сама механизация. Вот об этих-то трудностях в кино не говорится. Не ложится в кадр, эффекта не получается. А разве в научном фильме важен внешний эффект? Если уж гнаться за эффектами, отправляйся на курортный пляж, там эффекта сколько угодно...

Сейчас в колхозах много новшеств внедряется. Дело это хорошее. Люди думают, ищут, находят. Но не надо забегать вперед прогресса. Во всяком случае, надо быть терпеливым, дожидаться опробованных результатов.

Вот, скажем, комплексная механизация внедрена на скотном дворе. Корма готовятся и раздаются, вода по трубам бежит, навоз убирается транспортером и даже «пушка» стреляет — метров за 70 навоз летит от двора. А как дальше быть с навозом? Пусть растекается в жидком виде, затопляет все кругом, вымывается дождями, вымерзает? Нет, технологический процесс еще не закончен!

Почему журналисты в таких случаях останавливаются на полпути? Видимо, потому, что путаются в самом главном — в отправных моментах.

Для потребителя, скажем, животноводство — это молоко, мясо, шерсть. Цель достигнута.

Для сельского хозяйства цель несколько шире: молоко, мясо, шерсть плюс навоз.

— Мелочь! — скажет иной журналист.

А ведь раньше в деревнях, не продавая молоко на рынке, крестьянин держал коров, заботясь о навозе. И справедливо считал, что это выгодно, необходимо. О земле думал...

Печать в наши дни сообщает каждому, кто интересуется, сколько стоит тонна молока или мяса. А вот сколько стоит тонна навоза — знают, пожалуй, только дачники-садоводы. Они платят бешеные деньги за навоз и везут его на машинах за тридевять земель.

Как писать — очень важное профессиональное приобретение. Но не менее важно и другое — о чем писать!

Приезжайте и подольше поживите на селе. Это каждому полезно, тем более журналистам...

ПОЛНО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ!

Жизнь на селе — сложнейшая штука. И обидно бывает, когда о наших хлопотах рассуждают упрощенно! «А, чего там... деревня! Не атомные реакторы осваивают... Землю, скот».

Земля!.. Профессия земледельца уходит в глубь веков. Иногда приходит на ум такой вопрос: а почему нет истории земледелия? Нет, история земледельцев, конечно, есть, а вот исторической агрономии нет.

Современная биологическая наука и агрохимия дают сейчас сельскому специалисту возможность все глубже проникать в тайны земли и растений. Он хорошо знает, где, в какой дозе надо внести азот, фосфор, калий, когда подать в почву микроэлементы, чем можно поддержать, а чем убить то или иное растение. Но научная вооруженность как бы отодвигает на второй план хозяйственную интуицию, наблюдательность хлебопашца.

Побеседуешь иной раз с дедами: как они любовно, с глубоким знанием особенностей местных почв говорят о земле, как тонко чувствуют душу земли! А ведь теоретической учености у них никакой не было. Почему же крестьянин хорошо знает свою землю? Потому что наблюдения, опыт хлебопашца бережно передавался из поколения в поколение.

А сейчас специалист приходит на село с хорошим запасом теоретических знаний, но на практике ему приходится начинать все сначала. Редкий агроном, работавший прежде, оставит своему преемнику историю полей.

Трудовой опыт — что фольклор, с ним надо поступать осторожно. Отчего люди так неразумно обращаются с ним? Изобретая новый метод, почему-то спешат позабыть старый. Может быть, в этом есть какой-то особый смысл? Думаю, что нет. Просто обычная людская небрежность, с которой вот уже много лет мы относимся к земле.

Шестьдесят пять лет назад в нашей стране совершилась революция. Слов нет, многое за эти годы изменилось в жизни народа нашего. И в сельской жизни, конечно. Но в деревне, пожалуй, старое держится особенно крепко. Вот и уживаются здесь транзистор и глиняная плошка, модернизированные орудия труда и сохранившиеся у крестьянина и оберегаемые им деревянные бороны, связанные когда-то

без единого гвоздика, капроновая сетка и березовый пестерь, современные понятия о человеческом общежитии и старая домостроевщина.

Почему деревня всегда выступает в роли хранителя музейной старины? На роду, что ли, написано?

Но — полно философствовать! Деревня менее всего нуждается в этих «почему». Хватит, она их слышала, устала слушать. Не словами, а делом своим надо доказывать верность земле, родному краю. Полюбились деревня, приглянулась, пришлось по сердцу — засучивай рукава и работай. Переделывай старое, коли охота есть. Только переделки деревня тоже видела. Вытерпела всякие...

ПРОГРАММА ТАКАЯ

— Так вот, мужики! Программа будет такая...— При слове «программа» колхозники, бригадиры и специалисты не настораживаются, не бросают удивленных взглядов на говорящего. Повестка дня вырабатывалась долго, многое обговаривалось заранее.

— В отношении молодежи давайте внесем такую поправку в наш устав:

«Сельхозартель «Заря» гарантирует колхозной молодежи право после окончания учебы в школе выбрать себе любую профессию как сельскохозяйственную, так и несельскохозяйственную.

Одновременно правление колхоза обязуется ежегодно организовывать курсы механизаторов, подбирая для этого подростков, окончивших не менее 8 классов. Дни учебы на курсах оплачиваются по установленному заранее тарифу.

Наиболее способных юношей и девушек направлять в качестве колхозных стипендиатов в техникумы и институты, установив им стипендию на 50 процентов выше государственной.

Широко использовать и метод индивидуального ученичества. Установить, что если опытный тракторист, комбайнер, кузнец, доярка обучит в течение шести месяцев юношу или девушку, в том числе своего сына или дочь, а последние сдадут экзамены квалификационной комиссии и полу-

чат права,— выплачивать обучающему от 40 до 60 рублей.

Если молодой колхозник, пройдя ученичество и получив профессию, все же не пожелает остаться в колхозе, он должен отработать один-два года, после чего беспрепятственно получает необходимые документы и уезжает куда угодно».

— Как мыслите, товарищи, подойдет эта программа в нашей обстановке?

Члены правления соглашались: «Подойдет!», но некоторые из них сомневаются: «А выйдет ли что путное?»

С полчаса шумели. Наконец все согласились: «Надо испробовать».

В перерыве я отыскал Сергея Егоровича, утащил его вниз, в кабинет агронома.

— Давай здесь посидим, покурим.

Мне хотелось узнать его мнение, хотя обо всем, кажется, тысячу раз переговаривали. Но сейчас, когда вопрос вынесен на обсуждение актива, когда видишь, как на него реагируют люди, обменяться впечатлениями нелишне.

— Валяй, жми до конца. Не сразу переваривается, но чувствуешь: люди начинают понимать, что к чему.

Перерыв кончился.

— А теперь давайте обсудим вторую часть нашей программы. Она более обширна по размаху и целям. Речь пойдет о строительстве, о сселении малых деревень и о том, как нам жить дальше. В колхозе 33 деревни. Это не «тридцать три богатыря, все как на подбор». Одни — крупнее, другие — мельче, а некоторые совсем обезлюдели. От самой южной до крайней на севере более 20 километров. Связь между деревнями слабая, большая часть года — бездорожье. Разве молодежь удержать в глухих, отдаленных деревнях, где нет ни клуба, ни библиотеки, ни магазина, ни детских яслей? Старикам, может быть, такое природы раздолье и по душе, а молодежи это мало подходит. Надо сселять мелкие деревни...

— Верно, верно,— раздаются голоса с мест.

— И это требуется не только для того, чтобы удержать молодежь в колхозе, а также с чисто производственных позиций. Старые, мелкие дворы не механизировать, нужно строить новые, типовые. Нынешние сушилки, кладовые, примитивные мастерские и кузницы не отвечают требованиям времени. Но мы их строим, перестраиваем опять же на старый лад. А надо коренным образом перестроить на-

ше хозяйство. О сселении мелких деревень речь ведется давно. Но воз и ныне там. Почему? Видно, не с того конца за дело беремся. Нет четкой программы, только споры идут: кто к кому должен переезжать. Каждый кулик свое болото хвалит...

Оглядев собравшихся, я продолжаю:

— Мы изучили эту проблему досконально, заранее обсудили с активом. Были консультации с районным архитектором, с другими специалистами. И вот что выходит, мужики. Наиболее перспективными оказались семь деревень. Еще четыре близко примыкают к ним и со временем сольются в одно целое. Вокруг этих деревень расположены наиболее крупные фермы. Так получилось, что в них находятся почти все школы, клубы, магазины, медицинские учреждения нашего колхоза. Таким образом, из 33 деревень. Еще четыре близко примыкают к ним и со временем Добрец, Пача, Соколово, Кичино, Соболино, Старое Село, Горка, Покровское, Бирючево, Демидово.

Перечислив названия деревень, я подчеркиваю, что в первую очередь надо выделить шесть бригадных центров и центральную колхозную усадьбу. Их предстоит комплексно застроить за семь — десять лет.

— Чтобы вы могли лучше представить себе, каким будет наш колхоз через десять — пятнадцать лет, давайте посмотрим план-схему бригадного центра — Старого Села и центральной усадьбы — Пачи,— предлагаю я.

Экономист Нина Бобкова быстро прикалывает к стене два ватманских листа.

— Посмотрите, первый лист — план Старого Села. Здесь нанесены дороги, мосты, ручьи, пруды. Зеленые квадратики — это существующие дома и хозяйственные постройки. Красными изображено то, что предстоит построить. Двадцать два дома мы поставим на старых пустырях, где когда-то жили люди. Кстати, не худо бы во всех деревнях подсчитать эти пустыри, узнать, скольких хозяйств лишилась та или иная деревня. Это ведь жизнь, история наша.

Далее идет новая линия домов.

— Мы назвали эту улицу условно Новосельской,— говорю я.— Здесь пока помечено двадцать восемь домов, но в перспективе может быть и больше. В стороне от села, в восточной части, размещается животноводческий городок, куда потом переселятся фермы из деревень Шапкино, Горки, Калинкино, Полежайки. Здесь будет коровник кирпичный на 200 голов, два телятника, подсобные помещения.

Территория будет обнесена забором, озеленена. Сюда прокладывается дорога. На северной стороне, по ручью,— пруд, зеленая зона, ниже — общественная баня.

Возле школы фруктовый сад, здесь же неподалеку разместится детский городок. Все улицы озеленяются. Прокладывается водопровод, кружочками помечено 8 колонок. В северо-западной части размещаются все хозяйственные постройки: зерноток, мастерская, навесы, кузница, мельница, здесь же будет второй водоем. Клуб в Старом Селе еще не старый, нужно только благоустроить территорию вокруг него, помещение магазина надо капитально отремонтировать и пристроить столовую. Дорожному отряду Вихарева предстоит первоначально спланировать территорию, сделать дороги, посыпать их гравием, раскорчевать пустыри.

Подвожу итог:

— Эта работа по перестройке бригадного центра и его благоустройству обойдется колхозу в 500—600 тысяч рублей.

— Ого! — раздаются голоса.

— Не волнуйтесь, товарищи. Денег у нас хватит.

Перехожу ко второму листу. Это наша центральная усадьба. Пача в скором времени должна слиться с Шаймой. Это всем ясно.

— Вот старая улица Пачи,— показываю я.— Здесь уже нет пустырей, все застроены. Южный склон пересекает новая улица Юбилейная, так пожелали ее назвать первые новоселы. Тут построены детский сад и шесть домов. Дальше на восток еще около двадцати домов, а на запад, сразу же за Домом культуры и строящейся школой, пойдут двухэтажные двенадцатиквартирные дома. Ниже по склону, за школой, построим спортгородок и стадион, а за ним будет зеленая зона, пруд. Далее, на железнодорожной станции, где сейчас деревянная платформа, скоро начнем строить вокзал. Документация есть, договор заключен.

— И тоже на наши деньги?

— На наши. Другими источниками колхоз пока не располагает.— Продолжаю рисовать картину:— На северном склоне — центральная ферма. К существующим трем дворам здесь будет поставлен кирпичный коровник на 200 голов. Пилорама со старого места убирается, и будет построен восточнее от ферм новый лесосех. А за ним разместится база механизации: мастерская, гараж, склад, бетонные площадки для прицепных машин. В следующем

году начнем прокладывать по улицам водопровод. Документация тоже изготовлена, договор со строителями заключен. В районе новой школы, рядом со стадионом, построим двухэтажный универмаг. В первом этаже разместим комбинат бытового обслуживания, у которого будут свои филиалы в бригадных центрах. Как только закончим строительство мостовой в Паче, начнем благоустраивать центральную площадь, забетонируем ее, украсим. Продолжим работы по благоустройству парка Победы, расширим его границы, туда войдет и территория школьного сада. В парк перенесем памятник погибшим воинам-землякам.

Рассказываю, что в Паче и в некоторых ближайших деревнях скоро появится газ. Работа уже ведется, плиты, баллоны закуплены.

— Чтобы отстроить центральную усадьбу, потребуется не менее 900 тысяч рублей. А вернее, завязывай и весь миллион. Это на первый случай. А потом, на втором этапе,— двух миллионов мало.

— Ого! А не загнул ли ты, председатель?

— Нет, сейчас разогну...

Чтобы отстроить все семь бригадных центров, потребуется на первых порах свыше пяти с половиной миллиона рублей. В год, если разделить на десять лет, надо освоить 550 тысяч рублей. Но это не страшно. Доход наш теперь полтора миллиона с хвостиком. И стоять на месте мы не будем: года через два доведем его до двух миллионов. Уже сейчас колхоз может отпустить на строительство не менее 25 процентов годового дохода.

— Не в деньгах главная трудность,— объясняю я.— Потребуется много рабочей силы, а про стройматериалы и подумать страшно. Но, как говорится, глазам страшно, а руки потихоньку делают... Вопрос переселения колхозу надо взять в свои руки. Одни колхозники могут построить сами, другим это не под силу, нужна помощь. Все это надо учесть, предусмотреть заранее. Поэтому выдвигаю предложение: давайте создадим переселенческую комиссию, комиссию, которая будет определять в каждом случае все затраты колхозников, связанные с переселением. Определим заранее, что от 20 до 40 процентов этих затрат колхоз берет на себя. Транспортные перевозки идут целиком за счет колхоза. Остальные средства, если переселенец их не имеет, колхоз будет оформлять как ссуду, которую необходимо погасить в течение пяти — десяти лет.

И еще одно дело следует предусмотреть. У нас в Де-

мидове построена колесная мастерская. Станков там всяких много, половину времени они не загружены. Предлагаю построить там еще столярную мастерскую, сделать пристройку и изготавливать рамы, двери, косяки. При перевозке старых домов все эти детали и конструкции вот как понадобятся.

Меня поддерживают:

— Дело, пожалуй!

Ободренный поддержкой, выдвигаю последний вопрос:

— У нас уже построено больше десятка коммунальных домов. В дальнейшем такое строительство за счет колхоза будет расширяться. Давайте установим сразу — квартплату с жильцов в коммунальных домах не брать. Эти дома в первую очередь будем давать специалистам и молодоженам, то есть молодежи, остающейся в колхозе, возвратившейся из армии или приехавшей из города. И не станем делить: будут ли все они трудиться в колхозе или, скажем, в магазине торговать, на почте работать. Все равно они живут и трудятся у нас, на селе.

ВЕЧЕРКОМ НА РЕКЕ

Тихий теплый летний вечер. Деревня погружается в сон. Гаснут огни, спускаются сумерки. Только окна Дома культуры залиты электрическим светом. Из открытых дверей и окон разносится музыка, задорная, звонкая. Молодежь танцует. Мы с парторгом отдыхаем на крыльце конторы, курим.

— Знаешь, пойдем ко мне, — говорит Сергей. — В буфете хранится недопитый ошкamelок коньяку, хватит по рюмочке.

— Не плохо бы. Но у меня другая мыслишка. Давай сперва съездим на реку, искупаемся. Пропотел, пока доклад делал.

Взревел мотор «газика». Свет фар выхватил кусок пыльной дороги, сгустив сразу тьму по обочинам. На переезде, впереди, пыхтел паровоз, подталкивая состав вертушек.

— Вот видишь, и балласт прибыл, значит, железнодорожники надумали строить вокзал.

— Долго раскачивались. Ну и порядочки... Хуже, чем в колхозе.

Паровоз подтолкнул вагоны, освободив проезд. Машина фыркнула мотором, покатилась дальше. Проскочили Четвериково, Добрец. В Едоме свернули влево, к реке. Здесь на берегу, где остановилась машина, стояла когда-то паровая мельница. Теперь, по плану благоустройства Волго-Балта, ее разобрали и перевезли. Рядом остались торчать столбы ветряка.

— Знаешь, Сергей, историю с этим ветряком?

— Нет. А что, занятное что-нибудь?

— Слушай... Надумали как-то едомцы электричество провести в дома (электрификации тогда еще не было). Ну вот, а Алеха Левашов тут как тут. Мужик он дошлый, вечно что-нибудь изобретает, да только ни одной затеи до конца не доводит. Алеха говорит на собрании:

— Мужики! Колхоз наш миллионер... Пора бы насчет электричества кумекать.

— А как? — интересуются мужики.

Алеха, поломавшись для виду, выкладывает свою идею:

— Ветряк бы соорудить. Даровая сила...

И хотя Алеха заломил шальную цену, собрание постановило: строить ветряк. Было это перед самым сенокосом. Колхозники подались на луга, а Алеха, сколотив бригаду, остался в деревне — строить ветряк. Но строили с прохладцей. Всюду бабы, мужики косами брякают, а Алехина бригада у реки прохлаждается. Топорами потюкают — за удочки примутся. То ли работают, то ли рыбачат...

Вот подходит срок, а ветряк и наполовину не готов. Алеха чертежи переделывает: все ему кажется, что вышка мала. До того ее доподнимал, что плотники бросили топоры, разбежались. А Алеха — нет, не отступается. Он вторую бригаду сколотил, да прибавку к подряду не забыл выпросить.

Приходит и второй срок. Тогда председатель сам назначил последнюю прибавку, строго предупредив:

— Ша! Не кончишь — пеняй на себя.

Наконец сооружение готово. Собрался в воскресный день народ на берегу смотреть чудо-изобретение. Алеха бегаёт вокруг ветряка, тянет волюнку. Ему хочется побольше эффекта произвести. Но вместо эффекта курьез получился. Маховое колесо, закрипев, крутанулось раз-другой, деревянная махина покачнулась, затрещала, а налетевший ветер dokonчил дело. Рухнул ветряк...

Народ врассыпную! Тут тебе и смех и грех... Люди смеются над изобретателями. Председатель вовсю костерит Алеху. А тот, отойдя в сторону, дико озирается, хохочет: «Отменный получился разгром!»

— Ты к чему это? — спросил Сергей Егорович.

— А к тому... не получилось бы у нас с тобой такого же разгрома. Затея смелая, рисковая. Вот тебе не страшно, например? Переселение...

— Вон ты о чем.

Сергей весело посмотрел на меня в упор, и на душе у меня немного отлегло.

— Ну ладно. Поговорим об этом после. Давай купаться.

Вечерняя вода теплая, словно парное молоко. С реки в залив потягивает туманом. На противоположном берегу, где-то в зарослях камыша, крикает неугомонная утка.

— Ишь, надрывается, — кричит с воды Сергей.

Он взмахивает сильными руками и плывет дальше, на середину залива.

— Знает, что мы без ружья.

Подул внезапный ветерок. Туман понемногу стал рассеиваться. Вдали засверкали огоньки бакенов. Где-то нутжно и раз и два прогудел пароход. А может быть, баржа-самоходка наткнулась на мель и теперь жалуется на свое одиночество в ночной тиши.

Почему-то подумалось: «У каждого своя стихия».

Мы вылезли из воды и начали одеваться. Кто-то верхней медленно пробирался вдоль берега, мурлыча себе под нос песню. На селе звонко заливались собаки.

ШТУРМ

Осень шестьдесят восьмого года выдалась короткой. Рано подули холодные ветры, наскоро, но хлестко отдождило, а потом повалил снег...

Думали, попугает нас осенняя непогода — мол, поторапливайтесь, хозяева, — и успокоится. А она не думала затихать: свалилась бедой на наши головы — на две недели сократила сезон уборки, который у нас, на Севере, и без того короток.

Такая же погода стояла, помнится, и в шестьдесят втором, хлеба пришлось убирать вручную. Но тогда в колхозе

«Заря» было больше рабочих рук, теперь же их поубавилось. Правда, техники стало много. Но что с ней поделаешь в такую слякоть? Стоит, сердешная, тоску на людей нагоняет. Хоть снова за косы берись.

А дел — непочатый край: с пятисот гектаров надо поднять лен, убрать картофель, кормовую брюкву, не скошены яровые в Мурашках. Ячмень и овес на осушенных землях вымахали в рост человека, но ранние холода задержали их созревание.

Что делать?

Незадолго до ненастья побывал у нас первый секретарь обкома партии Анатолий Семенович Дрыгин.

— Хорошие хлеба, — порадовался он. — Но, смотри, хозяин, сроки уходят. Убирать надо, не жди погоды.

Действительно, тянуть дальше было некуда. Пришлось не ждать полного созревания яровых, косить их на силос. Срочно отрядили звено Сергея Милославова. Механизаторы поставили колесные тракторы на полугусеничный ход, приспособили роторные косилки, начали силосование.

Сергей привез из дальней бригады два списанных зерновых комбайна.

— Зачем они тебе?

— Оборудуем, будем косить недозревшие хлеба. Пустим за комбайнами копновозы — легче будет забирать массу в бурты.

— Задумка дельная. Давай, Милославов, пробуй.

Сергей Егорович Алексеев, парторг наш, собрал партийно-хозяйственный актив. Приняли самое короткое постановление:

«Коммунисты все, как один, — в поле!»

Бригадирам, механикам, агрономам дали наказ весь день находиться в поле, среди людей, а около комбайнов бывать и ночью. Контору колхоза, сельский Совет, другие наши учреждения закрыли — всех служащих отправили на уборку картофеля.

Звено Милославова убрало на силос более пятидесяти гектаров ячменя и овса. Но дальше дело не пошло. Поля раскисли, техника окончательно встала. Звеньевой почернел, зарос щетиной, охрип от ругани, но, как ни бился, пришлось отступить.

Ну что же, и за пятьдесят гектаров спасибо...

Теперь надо было спасать лен. Из-под снежной хляби женщины выскребали тресту, мужчины вытряхивали снег из бабок, крутили вязанки.

Нет, сыро. Сгниет лен...

Отступились.

А тут ударил морозец. Поднялась нудная поземка. Легким блестящим покрывалом подернулись поля и луга. Скрылся под снегом лен.

Вот тебе и миллион восемьсот, которые планировали получить в этом году.

Как все-таки несправедлива судьба! Радовались хорошим видам на урожай. Накупили техники. Все рассчитали, приготовились убрать богатый хлебушко. И вот...

Но вдруг с пятого ноября подкатила оттепель. Всю ночь лил дождь, а шестого — день чудесный...

— По коням, ребята!

Начались горячие дни. В городе четыре выходных подряд, радио льет бравурную музыку, а наш колхозный радиоузел чуть ли не каждый час повторяет решение штаба: «Всем в поле, на лен!» Для мужчин особое разъяснение, правда, не по радио: «Все четыре дня к бутылкам не прикладываться».

Пошла в бой «Заря».

Колхозники, учителя, школьники, пенсионеры — все встали в строй. И городские, приехавшие было погостить на праздники, тоже включились в дело. Тронула, взяла их за душу забота крестьянская. Порядок в союзе рабочих и крестьян!

И вот результат: за четыре дня спасли весь лен. А потом взяли косы и навалились всем миром на яровые. Со снежком, с веселым звоном свалили косами на мерзлую землю недозрелый овес. Авось сойдет на корм скоту.

Так завершили мы хозяйственный год. Миллиона восьмисот он нам, конечно, не дал, но полтора миллиона рублей, как в юбилейном, все же получили.

И получили, конечно же, благодаря энтузиазму людей — велика сила в народе, если он сообща за дело берется.

ДУМАТЬ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ,
НАДО...

— Ты вот что, Сергей, собрал бы партком. Специалистов позови. Подведем итоги штурма. Обсудим, что сделать, чтоб погода впредь не заставляла нас врасплох.

— А я думал, ты сам сообразишь, председатель. Ведь это скорее по твоей линии.

— По моей? Нет, брат, это не одного правления касается. Всем подумать надо.

У нас с секретарем парткома часто так бывает. Хорошо, что до обид не доходит. Если он первый подаст какую-то идею, меня это немножко кольнет, но я стараюсь не подать виду. А когда за мной инициатива, вижу, как хмурится мой Сергей Егорович, но тоже крепится, фасон держит.

— Вот посмотри, что у меня получается в расчетах. Парторг видит — у председателя не блажь, а мысль дельная заимелась, и тут уж характер в сторону.

Вот и сейчас он пододвигается ближе, внимательно слушает.

— Понимаешь, в колхозе у нас десять комбайнов. При нужде и больше пошлем в поле. В хорошую погоду каждый может дать по пятнадцать бункеров. Может?

— Ну, положим, и по восемнадцать дадут, и более. Сам был комбайнером, знаю.

— Ладно, клади по пятнадцать. В одном бункере тонна зерна. За смену по сто пятьдесят тонн выходит. А если иногда убирать хлеб ночью? Чуешь, что получается?

— Чую, председатель. Ну и что?

— А то, что все наши сушилки за сутки пропустить могут тонн сорок, максимум пятьдесят. Соображаешь, куда дело клонится?

— Чего тут не сообразить. Разрыв получается между мощностью зерноуборочной техники и возможностями нашего сушильного хозяйства. Примерно в три раза. А ну-ка... Что же выходит? — оживляется Сергей Егорович. — В погожие дни комбайны стоят, а в плохую погоду рвем их. Всю жизнь учимся, а поумнеть никак не можем.

— Это все лирика, дорогой Сергей Егорович. Нам надо вводить научную организацию труда. А то все ждем, когда кого-нибудь счастливая мысль осенит. Ощупью пробираемся.

Алексеев со стула пересаживается на диван, устраивается поудобнее и решает, видимо, поддеть меня:

— Летом, помню, ты, председатель, ловко расписывал будущее колхоза. Какие планы, какие перспективы! Мечты, фантазии, а вот экономических расчетов что-то не слышно было.

— Всякому овощу свое время. Тогда речь шла о пер-

спективных планах, а теперь пора браться за конкретные дела. Надо иметь точные расчеты и на сушилки и на склады... И главное, с техникой чтобы все было увязано, ее мощность не должна пропадать даром.

— Мысль интересная,— вновь переменялся в настроении Сергей Егорович. Немного помолчал, собираясь с мыслями.— Вот сейчас мы говорим о сушилках, складах, а завтра о фермах речь пойдет. Тоже ведь на глазок, без расчета делаем. Потом, быть может, менять все придется. Надо обо всем хозяйстве подумать, скоординировать наши планы, чтобы нигде прорыв не грозил. Фермы, бригады, машины, склады, зерносушилки — все должно быть увязано между собой.

— А может,— предлагаю я,— нам с тобой, парторг, в район поехать, поговорить в производственном управлении, с инженерами посоветоваться. А потом и в другие хозяйства заглянуть. Интересно, что соседи об этом думают.

РАЗГОВОР В РАЙОНЕ

В Шексну приехали поздно вечером. Но в окнах нового трехэтажного здания, недавно выстроенного для райкома и райисполкома, всюду горел свет. Впрочем, «поздно вечером» — понятие относительное. Зимой дни короткие, сумерки наступают рано, и к нашему приезду работа в районном штабе шла еще полным ходом.

Производственное управление сельского хозяйства размещается на втором этаже. Почти всегда здесь людно, особенно в дни совещаний или когда специалисты, руководители хозяйств приезжают с отчетами, выбирают фонды по технике, удобрениям.

Но сегодня в коридоре тишина. Слышно только из открытых дверей хлопанье счетных костяшек да треск арифмометра.

Начальник управления занимает просторный кабинет. Всюду развешаны диаграммы, а возле стола — два кресла для посетителей.

— Можно к вам, Иван Федорович?

За столом, заваленным бумагами, книгами, сидит по-

жилой человек, сухощавый, почти лысый, но с живым выразительным лицом.

— Здорово, здорово, орлы! Заходите.

«Орлы» — любимое обращение нашего районного «старшины». Но оно предназначается не для всех. Надо заслужить делами такое «звание».

— Так вы по какому делу?

Мы переглядываемся с Сергеем Егоровичем. Тот кивает: мол, начинай ты.

— Мысли кое-какие одолевают...

Федоров весело, звонко хохочет.

Человек он простой, бывалый. Любит и шутку соленую, особенно у рыбацкого костра, умеет и сердитую речь загнать, если обстановка того потребует. Сейчас он хохочет, уставившись в потолок, прикрыв двумя пальцами вздрагивающие веки, словно придерживая их.

— Мысли и меня иногда одолевают, особенно по ночам.— Иван Федорович бросает на нас быстрый взгляд. Смеху как не бывало.— И по какому поводу мысли ваши?

Мы, председатели, хорошо знаем нашего «старшину» — его надо сперва развеселить, потом уж можно у него что угодно просить.

— Насчет сушилок потолковать приехали и всего прочего.

Федоров собрался было опять расхохотаться, но только покрутил головой — передумал.

— Что запланировано, то получите. Сверх плана не ждите, не дам.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет не вошел, а скорее вбежал секретарь райкома партии Портнов. Невысокого роста, подвижный, с шевелюрой густых седеющих волос. Он подал нам руку, Федорову кивнул: виделись.

— О чем разговор, если не секрет?

Федоров встал из-за стола, начал прохаживаться по кабинету. Передвигался он как-то особенно: не прямо, а какими-то зигзагами, то и дело поворачиваясь и поглядывая на нас сбоку.

— Вот орлам сушилки понадобились.— Он сделал еще несколько шагов и уселся за стол.

— Намаялись нынче с уборкой,— вставил Сергей Егорович.

Портнов, поняв, чего мы добиваемся, задумчиво произнес:

— Да, осень показала, что сушилок нам еще много надо.

— Дело не в том, что много,— сказал я,— надо вообще иметь точный расчет по каждому хозяйству. А то у одних густо, у других пусто.

Портнов резко повернулся в мою сторону.

— Ты же член бюро райкома, сам знаешь, как идет распределение техники.

— Знаю. Делят, конечно, по справедливости. Всем хозяйствам их долю выделяют.

— Ну и что, ты с этим не согласен?

— Да, не согласен. Такая дележка ошибочна.

— Почему?

— Потому что принцип погектарной нагрузки на технику устарел, он не дает полного представления о положении дел в том или ином хозяйстве. У одного колхоза земля легкая для обработки, у другого — трудная. А машины всем поровну даются.

Портнов и Федоров переглянулись.

— Возьмем комбайны. Тут погектарный принцип вовсе ни к чему. В одном хозяйстве берут по двадцать центнеров с гектара, а в другом всего лишь по десять. А техника и тем и другим дана одинаково.

Секретарь райкома заметно оживился.

— Так, мысль интересная. Продолжай.

Мне ничего не оставалось, как выкладывать начистоту.

— Мысль эта не у одного меня зародилась. Многие председатели недовольны. Надо бы всем собраться, потолковать, поспорить.

— О чем же спорить?

— Скажем, о тех же самых принципах распределения техники. Ведь все в жизни меняется. То, что нынче хорошо, правильно, завтра, глядишь, устарело. Когда-то чуть не открытием казался принцип учета произведенной продукции на ста гектарах. Сравнивали, укоряли друг друга. А теперь устарело все это. Потому что неодинаковые у нас гектары, вот в чем дело, оказывается.

Федоров опять заходил по кабинету.

Он заговорщицки переглядывался все это время с секретарем райкома. Наконец не удержался:

— Смотри, какие философы в «Заре» объявились! Это они все к тому ведут, чтобы лишние сушилки выключить.

Алексеева прорвало:

— Никто не клянчит, мы у себя, может быть, и так

обойдемся. Но мысль, по-моему, высказывается верная.

— Верная, говоришь? — Это уже Портнов включился в разговор. — Ну-ка, давай продолжай.

— А что, — не смутился Сергей Егорович, — могу и продолжить. Я так смотрю. Одним колхозам надо давать побольше почвообрабатывающих машин, навозоразбрасывателей. Другим — кусты раскорчевывать, камни убирать, чтобы они порядок на своей земле навели. А третьим — уборочных машин побольше: землю свою они уже привели в порядок и теперь получают высокие урожаи...

— А у вас что, самые высокие?

— Не самые высокие. Но за последние три года колхоз удвоил сбор зерна. Комбайнов тоже стало больше. Управляемся. А вот сушильное хозяйство у нас явно устарело, отстает.

Федоров опять звонко рассмеялся.

— А ведь уговорят, орлы. Ей-ей, докажут, что им в первую очередь подавай сушилки.

Я подоспел на помощь Алексееву:

— Не только сушилки, но и транспортеры для механизации складов, зерноочистительные машины, погрузчики там всякие.

— Ну, добро, добро, — сдался Федоров. — Сразу из кармана я вам ничего не дам. Мы тут подумаем.

Когда ушли из кабинета, уже за дверью вновь слышалось федоровское любимое:

— Ну и орлы! Вот дают!

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ЗАБОТЫ

Техника, техника... У всех теперь только и разговоров о ней.

Техники на селе стало много, но используем мы ее еще плохо. Сроки службы машин сокращаются.

Падает и выработка на трактор. Почему? Не стало второй смены. Даже на весеннем севе ночная работа теперь редкость.

Времена меняются. Раньше председатель и ночью не спал. Вместе с агрономом, механиком следил, как работают машины. Простой трактор одну смену — ЧП.

Выйдешь, бывало, ночью за село, взберешься на бугорок и стоишь как зачарованный. Гул, рев вокруг тебя! И свет

фар отовсюду. Это работают механизаторы ночной смены.

По гулу учились определять, кто где пашет или какой трактор стоит: «Не слышно голоса».

Теперь ночной пахоты почти нет. Много тому причин. И с кадрами туго и не в моде становится вторая смена на тракторе. Но главная причина, по-моему,— низкое качество ночной работы.

Ночью и вспашка и культивация все-таки не те. Вот агрономы и не поощряют ночную работу. Они знают, что техники теперь достаточно, можно и за световые часы управиться.

Однако второй сменой бросаться еще рано. Необходимо позаботиться о равномерной круглосуточной загрузке машин на весь год. Но для этого нужен целый комплекс, вполне продуманный набор прицепных и навесных орудий. Кстати, тема эта далеко не изучена в сельском хозяйстве и ждет своих исследователей. Не знаю, думают ли над этим научные институты, но тема эта, кажется, благодатная и актуальная.

Несколько слов скажу о кадрах. Думаю, что существующая система подготовки сельских специалистов кое в чем устарела. Профессионально-технические училища все еще продолжают готовить главным образом трактористов, комбайнеров, шоферов. Но кадры этих старых профессий с успехом можно подготовить теперь и у себя дома. База для этого есть. Гораздо полезнее будет, если училища начнут давать селу мастеров-наладчиков, токарей, газосварщиков, сантехников, электриков, мастеров машинного доения, слесарей по ремонту, газификаторов. Люди таких профессий сейчас очень нужны колхозам и совхозам, а учить их негде.

Об уходе молодежи из села пишется теперь много. Указываются разные причины. Одной из них является узость в выборе профессии. Правда, нынче в моде стали «философы», которые считают, что отлив сельского населения — явление не только отрицательное, но и положительное. Это, дескать, заставляет местных руководителей больше внедрять технику.

Верно, заставляет.

Но сельским руководителям в пору задуматься и над другим — что делать со стариками. В процентном отношении их становится в деревне все больше и больше. К чести сельских пенсионеров, все они очень трудолюбивы. Но это, говоря языком философов,— единство противоположностей,

явление не только положительное, но и отрицательное. То, что они трудятся,— хорошо. Однако их труд накладывает известный отпечаток на характер сельскохозяйственного производства. Технический прогресс, вероятно, проигрывает от этого.

И, наконец, самая наболевшая проблема — плохое техническое обслуживание колхозов и совхозов организациями Сельхозтехники. Правда, и это порождает что-то положительное: давно известно, что голь на выдумки хитра. Изобретают, выкручиваются как-то наши сельские умельцы-механизаторы. Но говорить об этом грустно.

Необходимость иметь хорошо оснащенные мастерские в колхозах, совхозах признают теперь все, включая Министерство сельского хозяйства. Но где взять станки? Обычно их дают шефы. Но ведь не у каждого шефа есть они. Те, что побогаче, вначале списывают, а затем уж «дарят» изношенные станки колхозникам. Понятно, что на таком станочном оборудовании технический прогресс на селе не шагнет. Почему-то Сельхозтехника до сих пор не может торговать станками. Колхозные инженеры сделают заявку Сельхозтехнике и сидят, ждут у моря погоды. Иной раз повезет — получают станок, конечно, не новый, а какой-нибудь реставрированный.

Станкостроители никак не хотят считаться с нуждами Сельхозтехники и колхозных механизаторов. Неужели мы пасынки у них?

Машины, новые станки, запасные части, строительные материалы, удобрения — все это необходимо деревне сегодня. Но больше всего необходимы ей люди. Напрасно иные мудрецы стараются изо всех сил доказать, что в нынешний век бурного развития науки и техники машины, а не люди решают судьбу сельскохозяйственного производства. Говорят нам, что в Америке занято в сельском хозяйстве семь или восемь процентов населения и никаких шефов городских там не знают...

МАРК
ИВАНОВИЧ

Пачевскую кузницу кто-то в шутку прозвал сельским ОТК. С некоторых пор у нас стало правилом — без кузнеца трактор в поле не выпускать.

Побывает трактор в капитальном ремонте, его из районной мастерской прямиком гонят к Марку Ивановичу: «Осмотри, Иваныч, хорошо ли подлечили».

Иной механизатор заторопится, уедет в поле, минуя «ОТК». А потом пожалеет об этом. Поработает денек, другой, смотрит — забарахлил трактор. Но и тогда сельский кузнец не выскажет обиды, а только назидательно заметит:

— Хотел мимо ОТК проскочить? Меня, брат, стороной не объедешь.

Марк Иванович на всю округу кузнец известный. Работает он в Паче не один десяток лет. В молодости хаживал на заработки, от колхоза одно время совсем было отбился и теперь числился наемным рабочим. Правда, договор с правлением колхоза кузнец заключает только для того, чтобы иметь лучшие виды на пенсию. Во всем остальном Марк Иванович считает себя полноправным колхозником.

Я часто навещался в кузницу. Здесь с механизаторами можно встретиться, поговорить. А иной раз собственная нужда гонит: то рессора у легковой машины лопнет, то еще какую-нибудь штуковину отковать надо. Кузнец любит, когда само начальство к нему идет. Покурит, побеседует. А то и кувалду в руки сунет:

— Ну-ка, вдарь разок-другой. Сможешь?

Работой кузнеца можно залюбоваться. Сам он не широк в плечах, с виду ничем не удался — ни ростом, ни осанкой, а поди ты, так ловко орудует у наковальни. За что ни возьмется — спорится дело. Марк Иванович и медник, и сварщик, и по токарному делу мастер. А освободится от кузницы — топором орудует дома, что тебе заправский плотник.

Сам себе хоромину возвел, не стал строителей нанимать. И такой дом получился — соседям на зависть. На следующий год решил обшить сруб тесом: придумал специальный станок для обработки досок, резцы, калевки всякие понаделал. И щепу драть тоже все едут к нему. Стоит у него станок за кузницей, под навесом. Марк Иванович сам отладит скобу, включит механический привод, опробует приспособление. А потом только скажет:

— Мусор за собой не забудьте убрать.

Вот и весь наказ. Платы за услуги он не возьмет с колхозника никакой. Но когда мужик сам догадается принести поллитровку — выпить кузнец не откажется. Выпить он любит.

Механик Зародов поругивает кузнеца за это:

— Смотри, Марк! Председатель ценит твои золотые руки, но за водку и прогнать может.

Тот только отмахивается:

— Погонит — себе ж навредит. Кто ему рессоры чинить будет?

Зародов делается еще грознее:

— Найдутся люди.

Иногда Марка Ивановича вызывают на правление и «снимают стружку». Правда, ругают не только за собственные провинности, чаще ему за жену достается. Все знают: насколько деловит кузнец, настолько же бездельница его жена Нина. В деревне все ее зовут Марушкой. Целыми днями сидит она на крыльце, песенки попевает.

...Не задалась у Марка Ивановича семейная жизнь. Одно удовольствие — работа. Здесь Марк Иванович, что называется, расцветает душой, забывает свои горести. Когда он в кузнице — не звон от наковальни идет, музыка получается.

Но однажды ночью загорелась кузница, Марк Иванович учуял беду первым. Выскочил из дому в одном исподнем и бросился на пожар. Тушил огонь с каким-то исступлением, опалился сам, а пуще почернел лицом с горя: сгорела дотла кузница.

Срочно собрали членов правления.

— Беда, — говорю, — мужики. Марк-то наш, глядите, осиротел. Надо бы поскорее кузницу ему справить.

Нашлись скорые подрядчики. Все механизаторы пришли строить Марково заведение. Ровно за неделю была готова новая кузница, да такая, что сам Марк Иванович не мог скрыть восторга.

— Э-хе! В такой хорошине можно будет задать жару!

ПЕТРОВИЧ

Редееет на селе старая гвардия механизаторов... Подумаешь об этом — грустно становится. Понимаешь, что колхозы как бы расстаются со своим детством — нелегким, тревожным, героическим. Ведь старая гвардия зачинала колхозы...

Уходит старое время, но остаются добрые песни о нем — боевые, задорные, а то и лирические, с грустинкой:

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...

Попробуй собери бывалых механизаторов — Хлебникова, Зародова, Белякова, братьев Тихомировых, Лебедева, Беляева, напони им слова этой песни — увидишь, как увлажняются их глаза и подобрют суровые, обветренные лица.

Иван Петрович Тихомиров, или попросту Петрович, — один из этой когорты. Работает он механиком Покровского куста. Куст немалый: объединяет четыре комплексные бригады, одной пашни у них более двух тысяч гектаров, а сколько лугов, пастбищ, лесных и болотистых угодий, о которых тоже забота нынешним механизаторам.

Под рукой у Петровича теперь десятка два гусеничных и колесных тракторов новейших марок, самоходные комбайны, автомашины (по две-три в каждой бригаде), около сотни всяких прицепных машин. Четырнадцать деревень надо объехать, чтобы побывать у всех механизаторов, посмотреть, чем они заняты, не нуждается ли кто из трактористов, комбайнеров, шоферов в его помощи.

Бригадиры комплексных бригад, которым вручена теперь вся техника, то и дело, порой даже с мелочью, обращаются к механику:

— Петрович, погляди, что с плугом у Беляева. Не пашня, а грядки сплошные.

Механик тут же спешит в поле.

— Петрович, — жалуется в сердцах другой бригадир, — когда выберешь время заглянуть на сушилку? Замаялись ребята с сортировкой. Растрясло всю.

Тихомиров и тут не отказывается.

Ладит он сортировку в Демидове, а из села Покровского уже летит верховой.

— Иван Петрович, у Генки трактор встал. Натяжник полетел.

А где его теперь достанешь, этот самый натяжной винт? Пора горячая, в запасе нет, придется ехать в район.

И Петрович садится на мотоцикл, мчится в мастерские Сельхозтехники.

Дорога до райцентра хорошая, — недавно проложили бетонку. Тарахтит старый «ИЖ», трясег люльку, в кото-

рой у Петровича всегда что-то наложено: гремит и брякает.

Навстречу мчатся лихие «газики», пылят тяжелые МАЗы, обдавая мотоциклиста шквальной струей газа и дыма, шипят раскатыстые «Волги». Петрович морщится от всякой этой напасти, шурится, тугой встречный ветер выгоняет из глаз непрошеную слезу.

...В тридцатые годы, еще мальчишкой, завидев первый трактор, убежал он в МТС, поступил там на курсы. А потом мотался по колхозам, всю округу исколесил на одном из стареньких пыхтунов — «ХТЗ». Добрые были кони! Десятилетиями тракторы эти латали, лечили. Даже когда их сняли с производства, они все не сдавались — еще долго трудились на колхозных полях. Памятник бы поставить этому беззаветному коню первых пятилеток...

По деревням Тихомиров иногда разъезжает тоже на мотоцикле. Но чаще всего для этого служит ему рыжий меринок. Безотказный, выносливый, лишь бы овсеца было вдоволь.

— Петрович, чего мерин у тебя скис? — любит пошутить главный агроном Алеша Никитин.

— Овсеца просит. Не знаешь, что ли?

— Нету овсеца. Клевера теперь поспели. Отведу участочек — навязывай.

Петрович не сдается:

— Некогда навязывать, Алеша. Весь день в бегах.

И это верно. Тихомиров день-деньской крутится около тракторов в поле, то к одному, то к другому скачет.

Механика всегда отличишь издали. Он кряжист, сутуловат, крепок в кости.

В часы дружеских бесед или пирушки в кругу старых друзей-механизаторов стоит только кому-либо заговорить о былом, напомнить лихие страдные денечки, Иван Петрович, вмиг подобревший затынет трубным простуженным голосом:

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем,
Соберем, и посеем, и вспашем.

Вдруг вскочит, как ужаленный, засуетится — и к своему рыжему мерину.

— Вспашем? Вспашешь тут с вами!

Друзья смеются, отговаривают Петровича, предлагая выпить чарку. Но механика уж ничем не остановить. Рыжий несет его опять в поле, спешит напрямик через луга,

продирается сквозь кустарник на знакомый гул трактора.

Завидит Петрович стоящий без движения трактор, поворачивает меринка.

— Чего, форсунку, что ль, запрессовало?

«Форсунку запрессовало» — это любимая присказка механика. Все ее знают, знают и что положено отвечать на такой вопрос.

— Нет, заменжевало.

Какой смысл имеют эти «запрессовало», «заменжевало» — никто не пытался отгадать. Мало ли всяких баек у механизаторов. Но так уж все привыкли начинать разговор с механиком, именно с этих слов, и тогда, когда тракторист чувствует в чем-либо свою вину, и когда, наоборот, видит, что Петрович и сам нынче с «винцой». Вся разница заключается в том, что в первом случае тракторист отвечает на «пароль», чуть понутившись, виновато опустив голову, а во втором — с некоторой бойкостью, с легкой подковыркой, но с полным пониманием сложившейся ситуации.

И в том и в другом случае механик скинет куртку, засучит рукава и будет исследовать мотор до тех пор, пока тот не затарахтит радостно, заливисто.

— Поехали! — раздается команда.

Тракторист, глядишь, уже сидит за рычагами. А Иван Петрович, густо нахмутив брови, отыскивает глазами своего меринка: «Куда шастнул?»

Рыжий — ученый малый. Загудел трактор — он знает, что работа окончена, и бежит с опушки леса напрямик к хозяину. И не больно охота, но что поделаешь, подставляя свою спину этому неуклюжему седоку — неси его дальше...

Однажды Иван Петрович здорово провинился. Это было в конце весеннего сева. После хлестких и затяжных дождей установилось вдруг ведро. Все бригады заторопились — надо скорее кончать сев.

В такое время механизаторов не приходится подгонять. Они знают, что сроки уходят: прозеваешь — пеняй на себя.

И вдруг из Покровского куста пришла весть: Петрович загулял. Мы с парторгом сразу на «колеса» и понеслись наводить порядок.

В Горке, где живет механик, толком ничего не узнали. Услышали только, что мерин вместе с седлом отпущен на волю, а Петрович со вчерашнего вечера пересел на мотоцикл.

«Ну, стало быть, далеко не уедет». Мы знали, что мотоцикл у Петровича вечно барахлит, зажигание неисправное,—отладить его Ивану недосуг. Но проскочили по всем деревням, поспрашивали — никто не видел механика.

Оставалось, Демидово. Не успели въехать в деревню — вдруг, словно из подворотни, выскочил мотоцикл с коляской. Управлял им Иван Петрович. И вдоль улицы такие кренделя выделявал — цирк, да и только!

На другой день собралось правление, чтобы обсудить случай с механиком. Сейчас, когда прошло время, признаюсь, что мы тогда поступили с ним слишком круто, явно погорячились. У Ивана Петровича, что называется, большая совесть. И загулял он в посевную, пожалуй, первый раз в жизни. Что-то случилось с ним такое. Ведь он сам не терпел механизаторов-гуляк.

В посевную кампанию и колхозное начальство тоже как-то «глупеет», может, от неимоверного напряжения, слишком обостренного чувства ответственности за судьбу будущего урожая. Сев — святая святых! Все дни, все часы и минуты на учете, да в эту пору не то чтоб бездельничать, подумать об этом считалось преступлением.

А тут загулял механик. И не кто-нибудь, а Петрович, на котором полколхоза держится...

Обсуждали поступок рьяно. Было сказано Петровичу много резких и оттого не всегда справедливых слов. Высказывались правленцы наперебой, не давая механику опомниться и что-либо вымолвить в свое оправдание.

Мне стало жаль его. Смотрю на Сергея Егоровича — тот как-то тоже присмирел, словно испытывает целовкость за происходящее.

Тихомиров сидел понурясь. Не сразу сообразил, что окончилась проработка — можно ехать домой. Замешкался в дверях, постоял, как-то неопределенно потоптался.

— Эх, заменжевало...

Выдавил слово и уехал.

Я почувствовал неладное. Утром вскочил пораньше и поспешил к дому парторга.

— Поедем разыщем Петровича.

— А что он, дома не был?

— Откуда я знаю...

Дома Петровича действительно не оказалось, не пришел с вечера. На пороге нас встретила его жена.

— Да что вы, окаянные, с баткой-то сделали? Где он?

— Подожди, Лидия, не шуми. Разыщем твоего Ивана.

...Ивана Петровича увидели на опушке леса. Бродит на полянке, в нашу сторону не смотрит. Голова низко склонилась, плечи обмякли, руки, словно чужие, повисли и странно болтаются...

Мы посигналили. Петрович встрепенулся, но головы не поднял, а только медленно побрел с поляны в глубь леса.

Посигналили еще раз, более настойчиво. Петрович остановился, но, когда мы подошли к нему, посмотрел на нас тускло, на приветствие не ответил.

— Обида взяла, Иван Петрович?

Он еще пуше съежился.

— Не то. Обижаюсь на самого себя... Ух как заменжевало!.. Виноват, сам во всем виноват.

Нельзя было не поверить в его искренность: Иван Петрович весь тут, как на ладони. Мы еще больше почувствовали, что поступили с ним круто.

— Ну и ты нас прости. Сгоряча наговорили лишнего. Сам понимаешь, время какое.

Петровича словно током дернуло.

— Пред! Серега! Черти полосатые. Да я же... Сутки вот тут брожу. Всю жизнь свою перевернул. Худо у меня получалось. Эх!

Мы затолкали вконец растроганного механика на заднее сиденье и поехали в Горку.

КУЛЬТУРНЫЙ АВРАЛ

В кабинете второго секретаря райкома партии нам, председателям, приходилось бывать не часто. Второй ведает вопросами идеологии. И хотя нас, руководителей-хозяйственников, призывают быть воспитателями коллективов, здесь беседуют на эту тему скорее с учителями, врачами, библиотекарями, клубными работниками и, конечно, с парторгами.

Нас приглашали изредка. Но Яркин, новый второй секретарь, не стал придерживаться этой традиции. Как-то, встретаясь со мной на лестнице, он позвал к себе.

— Хочу мыслью одной поделиться.

Анатолий Михайлович Яркин недавно появился в нашем районе. Признаться, сначала он мне не очень понравился.

вился. «Учитель, что он понимает в наших делах?» — подумалось при первой встрече.

Но это предубеждение быстро улетучилось. Все заметили: за что бы ни брался Яркин, все у него получалось ладно, как бы само собой. Нравилась всем и его манера говорить. Речь неброская, строгая, логичная — никаких длиннот.

«Вот бы все так», — одобрительно отзывались председатели о Яркине.

Клавдий Евдокимович, наш первый секретарь, говорил попроще, зато увлеченно, зажигательно. Но увлеченность часто и мешала ему. Заговорится, иногда позабудет, с чего начал, станет повторяться. Все любили первого секретаря за его простецкую манеру, но в таких случаях переживали за него. Слушаешь, прячешь глаза, чтобы ненароком не выдать себя, не обидеть разочарованным взглядом.

— Вот такая мысль, — сказал Анатолий Михайлович, усаживаясь за стол. — Хорошо бы выступить вашему колхозу с почином.

Он выжидательно посмотрел на меня в упор, видимо, определяя, какое действие произвели его слова, потом предложил: — Насчет творческого смотра в районе.

— А это что еще за штука?

— Ну, творческий смотр, надеюсь, дело ясное. Важно тут не просто выступить с отчетным концертом сельской самодеятельности: надо всю жизнь колхоза показать, полное его творчество...

— В каком духе?

— Понимаешь, нужно показать и труд людей, и свой рост, и перспективу. Необходимо организовать выставку, доклад хороший подготовить. Без концерта тоже не обойтись, но надо сделать его интересным, ярким.

Пришлось сказать, что идея в основном ясна, но вокруг нее еще придется «потоптаться», подумать обо всем.

— Вот-вот, — одобрил Яркин, — «потопчитесь», подумайте. Но надо внести предложение на очередном пленуме райкома, чтобы все знали, готовились к смотру. Сможешь?

— Что же, можно внести.

...Первыми на смотр приехали в райцентр участники самодеятельности колхоза имени Кирова. Но соседей наших постигла неудача. День был морозный, стужа такая, что в Доме культуры и стены покрылись инеем. Зрителей было мало. Приуныли кировцы.

За ними наш черед.

«Нет, так дело не пойдет!» — решили мы с партторгом. И договорились объявить в колхозе культурный аврал. Обсудили вопрос на правлении, распланировали все и стали готовиться. Художники занялись оформлением. В клубе взялись по-настоящему за художественную самодеятельность. Сельский Совет расшевелил учителей, библиотекарей. Правленцы и бригадиры тоже не сидели сложа руки: прежде чем ехать на показ людям, надо у себя дома навести порядок. Закипела работа. Но культурное кипение на селе известно какое. Быстро остывает.

Заминка произошла с хором. Молодежь и та из него разбежалась. Собрались тогда руководители всех наших учреждений и мигом постановили — самим надо пример показать. Меня назначили руководителем общеколхозного хора. Эхма, была не была!

Петь пришли и председатель сельсовета Иван Антонович Неробов, и главный инженер колхоза Николай Скорюков с женой, и директор школы, и наш профсоюзный вожак механизатор Виктор Васильевич Вихарев. Но партторг вдруг петь категорически отказался.

— Нет голоса,— говорит.— А так бы с охотой.

Поугovarивали мы его, поугovarивали и махнули рукой: «Ладно, пускай партторг не поет».

Комсомол тоже развернулся: Наташа Чуркина, секретарь комитета, взялась за драматический кружок. Геля Кашенкова, художественный руководитель Дома культуры, создала из комсомольцев ансамбль «Ровесник», Люба Тузова — танцевальный кружок. Местный поэт Володя Беляев стал вдруг ходить около клуба задумчивый — всех сторонился, от ребят откалывался. Работать он и раньше был немножко ленив, но теперь хоть стихи сочиняет. И то дело!

Коллектив художественной самодеятельности сочинил также частушки на местные темы. Получился забавный номер «Вологодские ребята». Его потом не раз на бис повторяли.

А Геля Кашенкова — талантливая она у нас девушка — песню свою сочинила.

И вот настал день. Едет «Заря» на смотр. Будут в поселке зрители или не будут? На всякий случай мы и своих прихватили. Около ста человек отправили вперед на машинах. А участники художественной самодеятельности понесли на тройках в расписных санках, с бубенцами-колокольцами.

Ленты алые полощутся над гривами лошадей, а песни звонкие и задорные далеко опережают санный поезд. За-мывают шествие колхозные легковые машины. Но в них нынче не начальство едет. Нет! Везут в них музыкальные инструменты, костюмы да артисты сидят, которым голоса надо беречь.

В райцентр ввалились вихрем — с песнями, с гиканьем. Некоторые озорники и посвистывать наострились. Кони, распластав хвосты, неслись вскачь.

— Расступись, честной народ!

Улыбаются встречные прохожие, приветливо машут вслед. Иван Федорович только что вышел из управления. Посмотрел на лошадиную кавалькаду, молодо улыбнулся:

— Дает «Заря» звону! Вот орлы!

Ему, старому кавалеристу и заядлому лошаднику, такое лихое гарцевание явно пришлось по сердцу.

Напрасны были и наши опасения насчет зрителей. Шексна на этот раз поджидала колхозных гостей. Народ густо валил в районный Дом культуры. И если бы печи оказались нетоплены, все равно люди дыханием своим согрели бы помещение.

Выставка, расположенная в фойе, всем понравилась. А в зале тем временем колхозный актив держал отчет. После короткого доклада выступили почетные колхозники, специалисты, наша молодая гвардия. Диаграммы, плакаты хорошо дополняли рассказы, в которых мы особенно делали упор на то, как у нас решается молодежная проблема, стареет или молодеет наш колхоз.

Вот уже много лет мы соревнуемся с колхозом «Шексна». Он, правда, нас пока обгоняет по производству зерна, молока, картофеля. Урожайность у них выше. Но наши «Вологодские ребята» задиристо пропели со сцены частушку, обращенную к шекснинскому агроному:

Не хвались зерном, Бухонин,
Чикоем, брякоем,
Все равно «Шексну» обгоним,
Ох, больше не калякаем.

Зал аплодировал. А «Вологодские ребята» подобрались уже к молочным делам.

Ох, шекснинские доярки,
Говори не говори,
Молоко у вас грязное,
Ох, поучитесь у «Зари».

Тимофей Александрович, председатель «Шексны», сидит тут же в зале.

Он весь побагровел, но сдерживается...

А ребята поддают жару. Они и технику у соседей осмотрели, каково ей на зимнем хранении, и в клуб заглянули.

Клуб мы тоже посмотрели,
Постояли у двери...
Ох, ребята, в самом деле
Вам далеко до «Зари»!

Тимофей Александрович огляделся, пуще заерзал на стуле, но, видя доброжелательность критики, начал улыбаться: дескать, добро, соседи, подождите, мы вас тоже найдем чем уколоть.

В концерте занято много людей. За кулисами веселая суетня, скорые приготовления. И всем этим управляет директор нашего Дома культуры Римма Николаевна Козырева.

Смотр художественной самодеятельности выливается в настоящий праздник. Жюри тут же подводит итоги, делает свои замечания. Однако окончательные итоги будут известны, когда пройдут творческие отчеты всех колхозов. Но и теперь наши артисты и колхозники испытывают подъем.

ОРГАНИЗАЦИЯ, ХОЗРАСЧЕТ, СТИМУЛЫ

В нашем председательском деле не всегда скажешь с полной определенностью: вот это сделано хорошо, а это плохо. Обычно самый лучший судья — время. Поживи подольше на селе, поработай председателем с десяток лет, потом оглянись, проверь себя, правильно ли поступаешь. Только чур оглядываться и проверять себя надо честно, строго...

Однажды в колхоз пришла правительственная телеграмма из Москвы: меня вызывали с отчетом в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Поездки такого рода

не часты в председательской практике, поэтому пришлось поволноваться.

Написав объемистый доклад, я двинулся с ним в Москву. Было это в апреле, когда столица по-весеннему молода и свежа. У нас в полях еще снег лежит, на дорогах лужи и слякоть, а тут, как только выскочил на перрон Ярославского вокзала, в лицо ударил тугой ветерок, и ноги сразу почувствовали прочную основу. Выбравшись на площадь, поворачиваю в сторону Каланчевки, шагаю к железнодорожному мосту. Никакого такси председателю не надо, поутру хорошо пройтись налегке. Часы показывают без четверти шесть; знаю, что министры в такую рань не заседают и никого не принимают. Мне остается одно: часок-другой погулять по Москве. Читатель поймет мое настроение. Почти семь лет я не бывал в Москве. А с того дня, когда нас, москвичей-тридцатитысячников, поезд с Ярославского вокзала увозил в Вологду, прошло четырнадцать лет.

...Я прохожу мимо гостиницы «Ленинградской», запрокидываю голову — «Ого, какая колокольня!» Вокруг пустынно, ни возле гостиницы, ни в расходящихся от нее переулках людей почти не видно. Утренняя Москва торжественна и величава. На узких улочках шаги раздаются гулко. Я поднимаюсь вверх по одному из переулков и вскоре выхожу на Садовое кольцо.

...К одиннадцати часам попадаю в кабинет министра сельского хозяйства. Министр созвал своих заместителей, руководителей отделов и запросто объявил:

— Послушаем председателя северного колхоза... — А потом, обращаясь ко мне, сказал: — Расскажите об организации труда в колхозе, об экономической работе. Как внедряли хозрасчет? Что он вам дал?

Я собирался выступать с большой трибуны, все свои страхи пережил заранее и готов был ко всему. Но чтобы вот так, за столом, рассказывать о колхозных делах, выкладывать расчеты и прочие премудрости запросто — к этому я не был готов. Во рту у меня пересохло, губы не стали повиноваться, и мысли враз куда-то улетучились — какие уж тут мысли? Вожу глазами по сторонам и молчу как рыба. Министр заметил мое волнение, ободрил:

— Ничего, это бывает.

Я начал говорить о том, как мы объединяли мелкие бригады, делили трактора, передавали сено, солому из

бригады в бригаду, сколько споров было из-за этого, как колхозники недовольствовались по поводу уравниловки в оплате труда и т. п. Короче говоря, доказывал, почему нам нужен был хозрасчет.

Кто-то из присутствующих спросил:

— Почему понадобилось с введением хозрасчета укрупнять бригады? Это что, случайность, совпадение?

— Нет, не случайность. Мелкая бригада долго прозябала. Ей и технику в комплексе не дашь — распыление одно. А без техники хозрасчета не получится. Это ясно.

— Так, так, — согласился министр. А почему вы против тракторных бригад? Разве они плохо обслуживали полеводческие бригады?

Я почувствовал себя зажатым в угол. На меня теперь глядели глаза опытных, знающих людей, которым наш брат, председатель, тоже хорошо известен. Они видят насквозь...

С языка резко сорвалось:

— Тракторные бригады, какие были в МТС, сейчас не годятся. Они умеют делать одно и не хотят другое. Животноводство, например, их не интересует. Да и двух хозяев на земле держать не стоило. Надо, чтобы хозяином был бригадир комплексной бригады.

— Продолжайте, — сказал министр.

— Некоторые утверждают, что в северных колхозах оптимальные размеры пашни для бригад триста — четыреста гектаров. Думаю, что этот расчет устарел. Он противоречит требованиям концентрации производства. — Я взобрался на любимого конька и теперь поехал веселее.

— На четырехстах гектарах немного кормов заготовишь, то есть большой фермы не заведешь. А нужны крупные — на четыреста и более коров. Только такие фермы по-настоящему можно механизировать и сделать рентабельными.

Меня слушали, не перебивали.

— Но укрупнять надо тоже с умом. Мы определяли размеры своих бригад с двух позиций: экономической и исторической. Старались придерживаться границ старых колхозов, учитывали и опыт, и традиции. Получились у нас бригады на восемьсот, девятьсот и даже тысячу гектаров.

— А как управляется такая бригада? Успевают ли бригадир?

— Успевают. В крупных бригадах мы создали советы. Они достаточно авторитетны, тесно связаны с людьми. В большом колхозе правление, как бы часто ни собиралось, не успевало обсуждать все вопросы. Заявлений накапливалось слишком много — десятки, а иногда и сотни. Теперь большая часть их рассматривается советами бригад. Совет бригады постепенно превращается и в первичный планирующий орган. Ведь ему приходится подводить хозяйственные итоги, намечать ближайшие задачи, составлять графики работ. Совет бригады вместе с агрономом размещает культуры в полях севооборота, комплектует звенья, устанавливает задание фермам.

— А какой методикой вы пользуетесь в хозяйственном расчете?

Вопрос этот касался существа моего доклада. Я набрал в грудь воздуха и начал рассказывать, как мы обсчитываем валовую продукцию, лимиты затрат, по какой системе определяем фактический и зачетный доход, регулируем межбригадные передачи и местные услуги, как ведем окончательный расчет колхозников по труду.

— Однако, есть одно «но» в существующей методике, — сказал я.

Министр вопросительно поглядел в мою сторону.

— Неясно, например, как регулировать фонд распределения и капитальные вложения.

Не знаю, правильно ли мы делаем, но мы договорились перерасход по капитальным вложениям не делать бременем для фонда зарплаты, чтобы колхозники были заинтересованы в капитальных вложениях.

— А точнее?

— Например, бригаде надо освоить капитальных средств сто сорок тысяч. Она освоила сто пятьдесят. Если же свести все затраты воедино, то получится — не выгоден этот перерасход бригаде: ей меньше средств достанется к окончательному распределению. Мы в таких случаях даем дотацию из специального фонда. И наоборот, если бригада не освоила своих средств, скажем, на строительство, мы эту сумму удерживаем с нее, то есть не даем распределять. Точно так же регулируем и план поголовья. Заранее обговариваем ставки удержаний или начислений за каждую голову.

— А поголовье тут при чем?

Мне показалось, что меня не хотят всерьез понять.

— Очень даже при том. Бригадиры иногда стремятся сдать лишний десяток голов, чтобы поднять доход. А другие бригады за них отдуваются. Ведь план с колхоза все равно спрысят.

Некоторые из сидящих за столом переглянулись, заулыбались.

— Стало быть, от планового поголовья бригадиры увиливают?

— Недогляди — увильнут. Правда, это сделает тот, кто живет сегодняшним днем, без перспективы. Ну и когда с кормами туго. Тут поневоле...

— Скажите, а вот вы сами как смотрите на план по поголовью? Может, вам планировать только продуктивность, вал?

— Если доверять нам полностью, то, конечно, планировать поголовье вроде бы и ни к чему. Давайте задание по молоку, мясу, а там уж мы сами решим, сколько держать скота. Но у себя в колхозе мы строго следим за планом.

Все рассмеялись. Я поспешил поправиться:

— Чтобы один бригадир не хитрил перед другим. Позже они усвоят, что хитрость эта может выйти боком.

— Ясно. А теперь расскажите, как вы у себя используете моральные и материальные стимулы.

Я облегченно вздохнул: о стимулах — это проще.

— Много теперь говорят и пишут о стимулах. Теоретически все это несложно, в жизни иногда бывает труднее.

— У вас что-нибудь такое было? Расскажите. Это интересно.

Невольно подумалось, а не рассказать ли, как мы «стимулировали» ход весеннего сева. Парторг услышал где-то, что денежные премии трактористам выдавать не модно. Нужно по пятидневкам флажки вручать с подарками. Стали мы покупать подарки. Пошлешь кассира в сельский магазин, а там одни майки да трусы или флаконы дешевого одеколona. Кассир наделает свертки, надпишет их — поезжай вручай. Однажды вышло так, что добрецкий тракторист Леха Лебедев три раза подряд занимал первое место. Первый раз флажок с подарком ему вручал секретарь парткома, второй — уж не помню кто, а третий подарок довелось везти мне. Скачу на Чинаре в поле, издал размахивая флажком. Леха, завидев меня, остано-

ливаает трактор, лезет на капот и, как предупредительный знак, вывешивает на трубу майку с трусами.

Я развернул сверток: ба, и у меня то же самое. Пришлось срочно ретироваться. Однако рассказывать это я не решился, чтобы не отнимать время всякими байками. А сказал вот что:

— Стимулы — материальные и моральные — я считаю категориями духовного порядка, которые должны найти верную дорогу к душе человека.

— А зарплата — это что, не стимул?

— Тоже стимул, и, может быть, главный. Но работа ради зарплаты, надо согласиться, дело скучное, меркантильное. Уж больно много стало теперь и таких на селе, которым гони сразу деньги на бочку! А вырастет урожай, не вырастет — это уж пусть заботятся бригадир, специалист, председатель. Вот поэтому зарплата колхозникам — односторонний стимул. Ведь сельский труд особенный, тут можно все хорошо сделать — вспахать, посеять, внести удобрения, но не убрал вовремя, и все пошло прахом. То есть колхозники должны быть заинтересованы в конечном результате, а следовательно, и зарплату надо привязывать к этому. Кстати, хозрасчет здорово привязывает зарплату сельских тружеников к конечным результатам. Но есть у нас всякие лазейки. Поэтому мы ищем в слове «стимул» все более глубокий смысл. Сами посудите, разве доброе слово, к месту сказанное, меньше значит, чем трешка или пятерка? У нас в отдельных деревнях есть немало таких стариков и старушек, которым денег не надо, но расскажи о их делах по местному радио. Едешь иной раз по деревне, а тебе навстречу сердобольная бабушка выходит: «Что же ты, родимый, моего старика по радио вчера не похвалил? Он же полгектара льна вытеребил». И я специально записываю это в блокнот, чтобы в следующей передаче не забыть использовать. Таким образом, стимул — это умелое соединение морального с материальным, такое сочетание, когда одно без другого оказывается неполным. Голая агитация — плохо, голая трешница — еще хуже и вреднее!

О стимулах мы у себя много думали, часто спорили. Не скажу, что всегда удавалось найти правильное решение. Были всякие смешные и грустные истории...

Долго мы пробовали разные варианты поощрения колхозников, пока наконец не уяснили, что стимулы должны воздействовать на развитие каких-то общественных начал,

а не разжигать в человеке частнособственнических настроений.

Сказано это было, вероятно, столь хлестко, что на меня все враз поглядели: «Вот, мол, дает! Философ...» И я решил перейти от теории к практике.

— Когда-то наше правление за хорошую работу выдавало трактористам, дояркам, полеводам трешницы, пятерки. Потом мы отказались от этого и стали вручать вымпелы с подарками. Внешне как будто мы достигали соединения морального с материальным. А на деле? Все это оказалось лишь данью моде, а результат получился один и тот же. Если раньше обмывались денежные премии, пропивались все эти трешницы и пятерки, то теперь стали с тем же успехом обмывать вымпелы, благо доставались они с «нагрузкой». Правление колхоза понимало, что нужно искать другие формы поощрения. В первую очередь мы их старались найти в недрах хозяйственного расчета, во всем, что представляет общественную значимость. И, кажется, нам кое-что удалось придумать.

— Расскажите об этом, — попросили меня.

— Вот, допустим, поработала бригада лучше других. Не обязательно выдавать ей денежную премию. Мы иногда вместо этого решаем выделить ей дополнительные средства на детские ясли, на покупку инвентаря, благоустройство территории или на ремонт проезжей части улицы, устройство общественных бань, колодцев, на газификацию квартир, и т. д. Мне могут сказать: «Старо все это». Согласен, не ново, если глядеть с городской точки зрения. А на селе эти вещи полезные, если к тому же учесть, что подавляющее большинство северных деревень как-то смирилось с бездорожьем, с запустением, с тем, что вокруг домов разросся бурьян, а посреди улиц красуются обильные лужи.

— А еще что делаете?

— В колхозе мы ежегодно проводим конкурсы чистоты, культуры — на лучший дом, лучшее село. Жители активно включаются в работу по озеленению деревень, устройству пешеходных мостиков и тротуаров.

Чувствуя интерес слушающих, я продолжал:

— У нас теперь широкий размах получили конкурсы на лучший дом. Правление колхоза заказало для этого красивые эмблемы. Если ваша изба украшена, обшита тесом, вокруг цветы, сад разбит, огород в порядке, не зарос лопухами, крапивой, заборчик новый покрашен, а внутри

дома — обстановка, располагающая к хорошему отдыху или полезному времяпрепровождению, то специальная комиссия прибывает на угол эмблему с надписью: «Наш лучший дом — год такой-то». А на торжественном собрании в канун Октябрьского праздника владельцу дома вручается премия — пятьдесят рублей. Заранее обусловленная премия является как бы восстановлением части затрат, на которые хозяин пошел, украшая дом, усадьбу. Тем самым мы как бы подталкиваем крестьянина к культуре: «Давай, украшай, а мы тебе часть средств восполним». И здесь не только материальное поощрение культурного хозяина. Поощряется само стремление культурно жить на селе. Красота и культура нашего быта — дело глубоко общественное. От этого как бы происходит цепная реакция: «Сосед украсил дом, получил премию. А я что, разве хуже?» Смотришь, рядом начинают прихорашивать свои дома еще несколько хозяев. И, ко всему прочему, мы хорошо понимаем: раз благоустраивается жилье, значит, такой колхозник собирается жить в деревне — не вострит лыжи на сторону.

Не забыл я рассказать и о комсомольских свадьбах, которые колхоз устраивает за счет артельных фондов.

— Мы дарим на них не только материальные подарки, но также стихи, песни местных поэтов и музыкантов. Зимой (летом редко!) устраиваем настоящие праздники в деревнях — с играми, катанием на лошадях, музыкой. Вошли в быт многие народные ритуалы и обряды. Все это дает возможность скрашивать будничную деревенскую жизнь. Теперь уже не скажешь про крестьянина: «До смерти работает, до полусмерти пьет!» Нет, не скажешь.

Министр улыбнулся, довольный, откинулся в кресле. Я почувствовал одобрение своим словам и решил высказаться до конца.

— У нас сейчас ведется много разговоров о закреплении молодежи на селе. Предлагаются мероприятия по сокращению рабочего дня подросткам, снижению норм выработки и прочее. Все это мы потихоньку делаем. Но мне кажется, чересчур увлекаться этим не следует, а тем более обольщаться. Считаю такое перенесение городского опыта не совсем продуманным. Возможно, кое-где и нужно ограничение. Но характер сельского труда таков, что у молодого колхозника вполне хватит сил, энергии, знаний, чтобы не уступать в работе старшим. А не лучше ли заботу о молодых проявить иначе? На селе, пожалуй, полезнее позабо-

титься о жилье для молодого человека, особенно когда он заводит свою семью. Ведь сколько проблем снимается сразу, если молодая семья получит отдельный дом или квартиру. Дом лучше!..

Министр засмеялся.

— Но, к сожалению, дом получить молодой семье удастся не так уж часто,— должен был я признаться.— Не потому ли молодежь уходит из села обычно в таком возрасте, когда ей надо создавать семью. Мы часто сетуем на молодежь: «Уходит!» Но ей жить негде — это прежде всего. Обратите внимание на такое обстоятельство: новые дома на селе никогда не пустуют. Значит, если молодежь уходит, то мы просто мало строим.

Министр неожиданно посуровел лицом. Наверно, он подумал, что вот сейчас я обращусь к нему с какой-нибудь просьбой. А может, и о чем другом подумал... Я поспешил завершить свою мысль:

— За последние годы в нашем колхозе стало правилом: задумает парень жениться — идет в правление и просит, чтобы ему построили дом. И поверьте, нет приятнее миссии, чем вручение молодоженам ключей от их будущего очага. Поздравляешь их, а сам радуешься: «Нашего полку не убудет».

Окончив говорить, я ужаснулся: «Наплел, кажется, с три короба. Вот надают сейчас по ребрам». Но никто не стал давать мне «по ребрам». Министр объявил перерыв.

СТАРИКИ, СТАРУХИ

Забавный у меня сын Мишутка. Заскочишь на короткое время в дом — надо есть что-нибудь поскорее, а он тебе тысячу «почему» подбрасывает. Поперхнешься не раз, прежде чем выдашь ответы.

Но сегодня Мишка не почемукает. Он забился в угол и издали наблюдает, как папа уплетает за обе щеки.

Потом выползает из своего укрытия, подходит к столу:

— Пап, а бабуска Матлена умирает.

До меня не сразу доходят его слова. Из кухни появляется жена:

— Ты слышал, что сын сказал?

Спохватываюсь.

— А... Что? Кто это еще умирает?

— Бабушка Матлена.

Я смотрю на жену, та кивает: «Верно говорит». Но ведь Матрена, соседка, что живет от нас через два дома, месяца три как уехала в город к сыну.

— Приехала, оказывается,— сообщает жена.— И никто не видел. Мальчишки бегали, забрели в дом, а она лежит чуть живая...

— Это как же?

Но расспрашивать некогда. Шапку в охапку — и бегу к старой хибарке. Домик Матрены стоит на отшибе, покосился — таких домов теперь мало в Паче. Давно отпуржило, дороги всюду наезжены, а тут никакой тропы не видно. Только свежие чьи-то следы ведут к крылечку.

Бабка Матрена стара, давно на пенсии. Она и раньше редко выходила из дому. Колхоз подвезет ей, бывало, дрова, кто-нибудь распилит-расколет, старухе остается убрать в поленницу и дожидаться лютого зимовья. Но нынешней осенью Матрена вдруг объявила, что уезжает к сыну. Дров ей не подвезли.

Вхожу в дом, осматриваюсь в сумерках. Лежит бабка в нетопленной избе, укрывшись одеялом да еще каким-то тряпьем. На столике подле кровати — краюха черствого хлеба и котелок, в котором застыла вода.

— Ах, батюшки! Как же это мы, Матрена?

Из-под одеяла донесся слабый голос:

— Ай, кто там?

Бабка бессильными руками чуть стянула одеяло с лица, освободила глаза и губы, горестно вздохнула:

— Помирать собралась, да смерти что-то нет.

— А город как же, сын?

Старуха зажмурилась, собираясь плакать. Но слезы, видать, высохли, не плачется.

— Горе мое — сын. Сноха прогнала, а он не заступился.

Меня разбирает зло на этого сына: знаю его, ездит каждую осень картошку убирать. Тихоня какой-то, не как другие. Молча приедет, молча выкопает картошку, молча увезет ее в город.

— В суд на них... Ты же имущество распродала, свезла. Требуй по закону.

— И-и... Бог с ним, с имуществом. На сына в суд не подам.

Слушать эту исповедь горько. Колхоз уже имел дело с такими вот брошенными старушками.

Пошел в контору, распорядился выписать бабке Матрене денег за счет культфонда. Послал кассира купить что-нибудь из продуктов, а бригадиру наказал привезти с фермы сухих дров.

Деревенские люди отзывчивые на беду. Услышали: «Матрена замерзает» — кто с охапкой поленьев, кто с пирогами бежит, кто самовар налаживает. Ожила бабка Матрена.

Вечером мы с парторгом чуть не поругались по этому случаю.

— А не построить ли нам дом для престарелых? — говорю парторгу. — Скажем, ясли в Добреце подождут, надо срочно сообразить какой-нибудь пансионат.

— Ну, это уж крайности, — возразил парторг. — И то и другое надо строить.

Мне хочется шуметь, спорить. Но с кем?

— Нет, к черту все эти клубы и ясли! К черту молодежь! Стариков пожалеть надо.

— А молодежь тут при чем?

— При всем при этом...

— Не пойму, — говорит Сергей Егорович.

— А и понимать нечего. Разъехались, стариков бросили...

— Не всех же бросили. Некоторые старики сами не едут.

— Сами?! А в прошлом году, помнишь, две добрецкие старушки приходили в контору, плакали: «Возьмите обратно в колхоз».

— То ж только две.

Парторг, кажется, нарочно меня злит.

— А четвериковскую старушку как хоронили? — распаляюсь я. — Умерла — никто из родственников на похороны не приехал. Помнишь? А как прошлым летом слепую Евдокию из больницы выписали, так прямо и повезли к председателю — давай, председатель, нянчись.

Сергей Егорович почему-то продолжает ухмыляться. Мне хочется побольше задеть его.

— Ну хорошо. Вот еще раз привезут слепую в контору — будешь сам подыскивать ей квартиру. С меня довольно. Последний раз все деревни объездил — никто не берет.

Ни за какие коврижки! Бабку Сальникову в Берендюхе еле уговорил. А у той самой домишко валится, того и гляди рухнет.

Парторга наконец проняло.

— Так что же ты хочешь? — в сердцах спросил он.

— Пересмотреть наши строительные планы. С молодежи немного поурезать, а старикам — добавить. А то у нас — школы, клубы, ясли... Все молодежь заманиваем!

Сергей Егорович теперь доведен до кондиции. Он резко бросает:

— Перестань злиться. Разжалобила тебя Матрена — дуешься на весь свет. При чем тут молодежь? И планы нечего пересматривать.

Но потом, уже в мирной беседе, мы оба соглашаемся, что о стариках надо подумать. Их на селе много таких — без дочерей, без сыновей. Укатали их дети в города, некоторые и носа не кажут. Как-то пришло в правление письмо: одна такая «дочка» спрашивает, как поживает ее мамка? Проявила заботу! «Помогите, если чего».

Колхоз и так помогает, просить не надо — и дрова подвезти, и огород вспахать. Но стариков стало столько, что в иной деревне на одну молодую семью приходится по три семьи стариков. Вот и думай, председатель: то ли землю пахать, то ли за стариками ухаживать. А тут еще с весны навезут сынки и дочери своих детишек из городов. И превращается деревня во всесоюзные ясли. Мало того, что последнюю рабочую силу отрывают от колхозного производства, — от ребячьей шалости бед не оберешься. Как наедут городские пацаны — жди пожаров. Деревенские, те меньше с огнем шалят, они знают его страшную силу.

Ах, старики, старики...

ШОФЕР МИША И ЮРИЙ ДОБРЯКОВ

Раньше в малых колхозах председатель не задумывался, на чем ему ездить. Встанет поутру, оседлает сивку-бурку, гикнет, огреет плетью — и поехал руководить.

деревни, спрятавшейся за темным горизонтом, и сердито махнул рукой:

— Лучше проверяйте работу сушилок. Спят ведь по ночам.

Мы с парторгом молча переглянулись, сели в машину — и айда по всем сушилкам. Добряков оказался прав: кое-где сушильщики спали, а если не спали, то работали вяло. Производительность ночной смены была в два раза ниже дневной. Пришлось принимать срочные меры.

После ухода Миши в армию колхоз вскоре получил новую легковушку. Но надо было и старую восстанавливать: специалистов в колхозе прибавилось — только подавай транспорт. Прибыл с учебы Михаил Иванович Чистяков. Его избрали заместителем председателя. Чтобы ухаживать за двумя машинами, нужен был опытный шофер.

Добрякова снова вызвали в правление. На этот раз он согласился, но при одном условии: на время уборки хлебов отпускать его на комбайн. Условие всем подходило — дали такое обещание. Теперь десять месяцев в году председатель стал разъезжать с шофером, остальное время крутили баранку по очереди с парторгом. Михаил Иванович тоже имел права шофера, но за баранку не садился.

Шофер председательского «газика» — не просто водитель машины. Это его вечный попутчик, советчик и даже референт по многим вопросам. Счастье руководителя хозяйства, если у него есть такой шофер.

Бывая вместе с председателем на бригадных собраниях, полевых летучках и просто при всякой беседе с колхозниками, шофер постепенно вникает во все заботы и, конечно, осваивает руководящий опыт. Он видит твои успехи и поражения. Знает, что о тебе думают люди.

Совет шофера председателю никогда не лишний. С его мнением надо всегда считаться и добрым расположением к себе дорожить. Часто председатель видит одно, а шофер замечает другое. Доказывает, например, бригадир, что техники у него не хватает, людей маловато, поэтому, дескать, и не справляется бригада с делами. Но шофер в удобный момент упрекнет слишком доверчивого председателя:

— Подзагулял бригадир-то. Вот люди и разболтались, поди. И техника простояла. А ты поверил...

— А ты откуда знаешь?

— Знаю,— таинственно скажет шофер, и мне понятно, что дальше спрашивать не следует: шофер в какой-то мере

должен оставаться нейтральным. Но толчок дан — думай, председатель!

Иной раз Добряков как бы невзначай уронит словцо-другое.

— Трактористы в Демидове ругаются...

— Это отчего же?

— Инженера нашего давно не видели.

Проверишь — и впрямь инженер забыл бригаду. Даешь ему нагоняй и спешную командировку...

Шофер иногда здорово выручает председателя. Начнешь, например, ругать тракториста за плохую работу, а тот тебе на одно слово десять: и плуг у него плохой, и трактором его обидели. Все дружки новые получили, а он на старом...

Пока мы препираемся с трактористом, Добряков молча похаживает вокруг трактора, осматривает плуг, к чему-то присматривается. Наконец скажет:

— Прицеп-то у тебя, паря, того, в сторону тянет. Ну-ка, давай планку на две дырки передвинем.

Тракторист передвинет — пошел плуг как по маслу.

А в другой раз шофер отдаст руль председателю, сам останется на ферме или сушилке:

— Надо ребятам помочь.

И проживет там день-два, а то и больше. Пока работу не закончит, домой не вернется. Механизаторы уже привыкли к Добрякову, обращаются к нему, как к дежурному механику.

Писатель В. Тендряков вывел в «Кончине» образ председательского шофера Алехи Шаблова, который, слепо любя властного хозяина, сделался врагом его семьи. Шофер, если он ценит и уважает своего начальника, не может быть врагом, наоборот, скорее сделается другом его семьи.

Заранее предвижу улыбку дотошного читателя: «Как же, возит жену по базарам». Не знаю, возможно, где-то и случается такое. Но у нас базары не в моде, а по магазинам в селе не ездят: не заведено, значит.

Другом шофер становится по другой причине. Вместе с председателем он вечно мыкается по дорогам. Застрянет в ненастную погоду машина где-нибудь в грязной дыре — кто в большой беде? Шофер за рулем, а председатель чаще всего с лопатой у колес. Иногда поменяются ролями, но суть дела остается прежней. Оба грязные, оба уставшие, одинаково клянут и дожди, и раскисшие дороги, забывая

при этом, что дома их поджидают одинаково рассерженные жены. А почему рассерженные? Да потому, что это ведь маета — каждый раз ожидать распроклятого мужика, до полуночи не спать и все поглядывать на окна: не брызнет ли свет фар! Быть женой председателя или женой шофера — тоже нелегко.

Вот эта общность судьбы и заставляет председателя по-особому относиться к семье шофера, а шофера — к семье председателя. Невозможно им быть врагами. Но это, как говорится, к слову.

Деловитость Добрякова всегда вызывает уважение, добрую зависть. Он ни минуты не посидит без дела: вечно что-то мастерит, ладит, прихорашивает. Дом у него добротный, обшит тесом, затейливо выкрашен. Юрий сам изготовил и установил резные парадные столбики на крыльце, выпилил фигурные карнизы, пристроил веранду к дому. Рядом сад, в саду пчелы, тоже всем на диво. И что за пчелы такие — в любое лето вдосталь меду натаскивают.

Однажды с Добряковым беда приключилась. Убирал в ночную смену ячмень и решил что-то при свете фар подрегулировать у комбайна. Малая неосторожность — и рукавицей попал под ремень главного шкива. Но Добряков не растерялся, смекнул, как выкрутиться из беды. Надавил плечом на ремень, подтолкнул куртку свою в шкив, рассчитывая тем самым заглушить мотор. И не ошибся.

— Почему же не крикнул помощнику, чтобы тот сбросил ручку газа?

— Все равно бы не успеть. Помощник когда-то подбежит... И еще вопрос — заглушит мотор или прибавит с перепугу газу? Парень молодой, растеряться может.

Руку сильно покорежило, но до плеча шкив не добрался, хотя изрядно пожевал куртку. Думали, прощай теперь комбайнерство и шоферить больше не придется. Но за руль машины Добряков сел спустя несколько месяцев, а на следующий год с успехом управлялся и комбайном. Рука хорошо слушалась. Только на ладони остались глубокие шрамы.

Добряков — человек внимательный, чуткий и отзывчивый на всякие хозяйственные заботы. Он быстро улавливал думы и планы председателя, прислушивался к спорам механиков, часто беседовал с инженером, агрономом, зоотехником. Зная их дела, заботы, трудности, предложил од-

нажды механизировать старые льносушилки. В колхозе их было три, и они, казалось, уже отжили свой век и годились лишь на металлолом. Но Добряков стоял на своем:

— Можно сделать. Надо только подумать хорошенько. Однажды он попросил отпустить его с машины.

— На недельку только.

Пришлось отпустить. Дней через десять механики сами потащили меня на сушилку.

— Посмотрите, что Добряков выдумал.

Добряков проложил узкоколейку, изготовил автовесы, а по рельсам пустил тележку с опрокидывающимся кузовом — тоже собственного изготовления. Тележка снабжена электромотором и гидравлической установкой.

Теперь зерно не надо всякий раз затаривать. Специальный зернопогрузчик подает его в кузов, тележка движется к автовесам, а потом направляется к засекам и сама там разгружается. На току стало меньше людей, а работа пошла лучше, веселее. Агроном и бригадир первыми кинулись поздравлять своего спасителя. А Юрий, еще раз осмотрев свое изобретение и убедившись в его надежности, молча направился к председательской машине. Повернув ключ зажигания, как обычно спросил:

— Куда поедем?

ПРОЩАЙ, «ЗАРЯ»!

У всякого дела есть конец. Пора и мне заканчивать свои «Записки». Всего, что было, все равно не упомнишь, не расскажешь. Да и не успею. Скоро меня вызовут в райком, а потом в обком и скажут: пора собираться в другую дорогу.

Правда, я еще долго буду упираться, доказывать, просить: «Дайте, мол, еще годик-другой поработать в «Заре», а там как хотите...»

Но сейчас, когда дописываю эти строки, я уже знаю, что однажды мне придется выложить на стол колхозную печать и сказать Чистякову, заместителю:

— Берн, Михаил Иванович.

Боевой зам, конечно, постарался ободрить:

— Ничего! Может, и на этот раз отбрыкаешься.

Но я-то понимал, что уже не отбрыкаться. В райкоме еще можно было спорить, а в обкоме не отговоришься.

И вот — вновь колхозное собрание. Его открывает Михаил Иванович Чистяков. Колхозной печатью он недолго владел: пришлось передавать другому председателю.

Бюро райкома постановило рекомендовать в «Зарю» молодого специалиста Владимира Бухонина.

Я сижу в президиуме, глаза почему-то туманятся, и люди «Зари» проплывают перед взором, как в кино. До боли жаль расставаться с хозяйством, с людьми, с которыми успел пуд соли съесть. Частица сердца остается в этом колхозе. Все, что сделано и не сделано, что построено и только задумано, — все это прикипело, въелось, стало дорогим и близким. А главное — люди!.. Вон они сидят в зале: нахохлились все — и друзья и «недрузи» одинаково теперь дороги! Глядят, жалеют и вроде бы упрекают: «Что же это ты, Михалыч, а?»

Бригадир Дрогалов, сидя в третьем ряду, покрутил вдруг кулаком в воздухе, ударил ладонью по спинке стула, полез на трибуну.

— Ты скажи нам, председатель, сам уходишь или тебя от нас забирают?

Что я отвечу?

Павел Антонович Беляев, бригадир с Берендюхи, суетливо ерзает на стуле, что-то пытается сказать, но только поглаживает лысину. Она у него сейчас здорово блестит. «Эк, кипятик, думаю, ведь опять заявление накатает». У него характер — порох: чуть что не по нему — немедленно требует отставки! А мужик дельный, хозяйственный, правда немного прижимистый.

На территории бригады есть небольшое озерцо, караси в нем водятся. Так боже упаси летом выловить карася! Зимой, когда карасям станет душно подо льдом, он соберет на берегу всю бригаду, в прорубях начерпает рыбы и всю разделит по едокам. Молодь тронуть не разрешает. Потом застелит проруби соломой, чтобы продох был, — терпи рыбак до следующей зимы.

Я перевожу взгляд с Беляева на Петровича. Тот сидит плотно и капитально хмурится. Рядом Зародов Алексей Иванович — задумчивый, вечно чем-то озабоченный. Кажется, он и сейчас слышит частушку про свою базу.

У Зародова на базе
Плачет техника от грязи.

А вон стоит у двери, подпирает притолоку плечом Федор Павлушонков — колхозный наездник и конюх. Он мой сосед. Не было еще дня, чтобы он не встретил председателя утром или вечером. Забота его — накормить коней. То овса, то сена получше попросит. А когда его любимица Чинара сломала себе ногу и ее пришлось прирезать, Федор плакал, как мальчишка. И сейчас у него дома на стене висит крупная фотография Чинары. Глаза у Федора увлажнились, губы шевелятся, он будто спрашивает: «Овсена-то будет коням, ай нет?»

«Люди! Люди! Как мне жить без вас? Без ваших бед и радостей?» И чтобы как-то скрыть непрошеную слезу, напускаю на себя сердитость. Говорю:

— Ну чего нахмурились? Ведь недалеко ухажу. Шексна совсем рядом, вместе работать будем.

В первом ряду вижу агронома Бухонина, того самого агронома из «Шексны», про которого частушку когда-то пели: «Не хвались зерном, Бухонин...» А он не хвалился, но выращивать умел. Три года работал главным в соседнем колхозе и в культуре земледелия преуспел. Идут в гору урожаи шекснинские...

Теперь Бухонин будет председателем в «Заре». Понимаю, что надо поддержать его, дать напутствие, что ли...

— Думаю, что молодой председатель дальше пойдет, быстрее!..

Но чувствую, что люди слушают плохо, их эти слова не трогают вроде. Наверно, что-то не так говорю...

Пронеслись, отзвенели годы! И немалые. «Записки председателя» начали складываться давно, чуть ли не с первых лет работы в деревне. Хотя нет, первые годы выпали, о них лишь мельком упоминается в начале «Записок». Выпали, конечно, не случайно. Долго я стыдился тех лет. Тогда мы, неумелые председатели, не раз выкидывали коленца. Я, может быть, больше всех.

Помню веселое напутствие москвичей:

— Не робей, Дима, чего там. Не боги горшки обжигают!

— Не боги,— хмуро соглашался я.

Кто-то из членов бюро Московского обкома партии, видимо заметив мою хмурость, спрашивает:

— Ты раньше-то бывал на селе? Знаешь хоть сколько-нибудь сельское хозяйство?

Откуда мне его знать? Из деревни отец забрал нас

еще маленькими, а повзрослели—вся жизнь связана с городом: школа, ремесленное училище, завод. Потом армия, работа в горкоме ВЛКСМ. А комсомол всегда учит не робеть. Вот я и не робею. Отвечаю бойко члену бюро:

— Знать не знаю. Но в решении ЦК КПСС сказано, что нас обеспечат библиотечками. Пока доберусь до места, подзубрю немножко.

Ах, зелень несусветная! Подзубрить хотел за дорогу сельское хозяйство!

А его всю жизнь изучай—учению конца не будет...

«Зелень» давала знать о себе и после. Избрали меня председателем в самом захудалом колхозе. Тринадцать их было здесь до меня, я стал четырнадцатым. Еще когда распределяли нас в райкоме, нечаянно услышал из-за приоткрывшейся двери:

— Посылают на село всяких мальчишек...

— Он тридцатитысячник,—отвечал спокойный голос.

— Ну тогда давайте в «Красное знамя» направим. Тринадцать там было... Не беда, если и четырнадцатого заменим.

Я выбежал из райкома, спрятался в скверике и в кровь кусал губы. А потом почувствовал, что «Красное знамя» — мой родной колхоз. Почему-то он уже стал мне дорог.

На другой день после избрания поехал с инструктором в Петрино, к секретарю райкома. Иван Васильевич Шестиперов (это ему принадлежал спокойный голос) по-отцовски встретил меня, тепло поздравил.

А потом как бы невзначай спросил:

— Печать принял?

— Какую печать?

«Зелень» пулей вылетела из кабинета и двадцать верст с гаком дозревала пехом. Аж земля под ногами горела. Ввалился в деревню.

— Где старый председатель?

А тот в соседней деревне со своими приятелями прощается — бражничают.

Пока добрался туда, мой «спидометр» еще накрутил пять километров. Наконец разыскал компанию. Налетаю коршуном:

— Отдай печать!

Предшественник на меня колюче поглядывает из-за стола:

— Ничего не выйдет. Ставь полмитрия.

Он еще и юмор не позабыл.

Собутыльники хором поддакивают:

— Ставь! Ставь, московец!

Пришлось ставить, сделав еще дополнительных три километра, потому что в той деревне лавки не оказались.

Наконец хозяйство принял. Идем со старым председателем на скотный двор. Тот, не дойдя шагов десять вдруг уперся.

— Не пойду.

— Почему?

Скоро выяснилось почему.

Во дворе плавали какие-то бревна, вдоль стен лежали изломанные кормушки. Протопали вдвоем по колено в жиже.

— Густо.

Отдаю первое распоряжение:

— Двор заколотить, коров не впускать!

«Старый» косо поглядел на меня, дико фыркнул с похмелья и, махнув рукой, ушел куда-то. Побрел и я потихоньку из этой деревни.

А ночью начали вдруг одолевать кошмары. Снятся: коровы разбрелись по лесной полянке, сиротливо жуют траву, а из лесу налетают волки, рвут одну, другую...

Вскакиваю. И... стремглав наматываю все те же пять верст. Пока бежал лесной дорогой, кошмары стали казаться явью. «Все,— думаю,— пропала моя голова. Нахозяйничал».

И какова же была радость, когда, выкатившись на поляну, увидел костер, старика с ружьем у костра и лежащих неподалеку сытых коров, жующих жвачку. Аж ноги подкосились от счастья.

До утра просидел с дедом, который рассказывал мне про всякие лесные небылицы, про старую свою охоту. Только к утру он задал вопрос по существу:

— Ну, как хозяйствовать будешь, московец? Долго я ведь не прокараулю.

— Что-нибудь придумаем, дедушка,— пообещал я старику. Но «придумывать» новые скотные дворы пришлось долго...

Для чего все это написано? Вовсе не для того, чтобы напустить в «Записки» деревенского колорита. Мне не раз доводилось видеть, как иной специалист приходил в

деревню, но, не найдя точки опоры, уходил, как говорится, несолоно хлебавши.

У меня была соленая наука. Если она кому-то сгодится, поможет найти точку опоры, я буду счастлив. Для этого и писал свои «Записки».

Пача — Шексна

**КОЛОС
СЕРБРА**

ТАКИЕ, БРАТ, ДЕЛА

И вот ты уже не за один колхоз, а за весь район в ответе...

На первых порах думал — не выдержу, брошу все и подамся куда-нибудь. Какой я секретарь? Никак из меня не хочет уходить председатель. Поедешь в колхоз, и пока пробираешься поселком, мимо мастерских, цехов районных предприятий, складов, новостроек, — еще ничего, душа терпит. А выберешься на окраину райцентра, начнутся перелески, луга со свежим, духовитым сеном в стогах, завидишь людей в поле — и защежит сердце, затоскует душа.

Еще хуже бывает, когда попадешь в «Зарю». Прикипел сердцем к этому колхозу за долгие годы, что прожиты в нем, стал он не просто родным, а чем-то поболее: совестью, что ли, твоею стал...

Вон промелькнуло болотце — думает ли теперь кто осушать его? Поле рядом, торфа наскрести бульдозером — знай вози. Сам-то все хотел-хотел, да так и не дошли руки...

Или вот дорога, что бежит от Кичина до Антипина. За мостом — крутой поворот. Сколько раз давал себе зарок выпрямить, поднять полотно, навозить гравия. Но так и не успел починить. И вот теперь, подъезжая к ложбине, еще издали вижу, что в ней застряло несколько машин: ревут моторы, дым, чад... Наш «газик» еле пробирается объездом, мнет только что вспаханное паровое поле. А меня опять досада разбирает: не успел, недоделал. Ведь как доказывал тогда в обкоме: дайте еще годик-другой поработать в колхозе, за мной там должок кое-какой остался. И школа в Паче недостроена. И двор в Соболине только под стропила выведен. И «Мурашки» до конца не освоены... А какие там земли! Какая ширь открылась после раскорчевки их и осушения на этих самых «Мурашках».

Эх, дороги!.. Надо Бухонину, новому председателю, назначать, пусть пошлет сюда дорожный отряд починить выбоину.

Доротряд... Колхозных дорожных отрядов еще мало в районе. В «Заре» да еще в некоторых хозяйствах. А остальные надеются на межколхозный Дорсельстрой. Создали недавно такую организацию. А она с первых дней заломила баснословную плату за свои работы: тридцать — срок тысяч рублей за километр дорожного полотна. Разденут колхозы и совхозы. «Надо проверить, что у них за расценки такие», — намечаю для себя.

У антипинского кладбища, сразу за поворотом, — мост. Здесь протекает речка Пишковка. Воды ее тихие, и вся она сонная, словно пруд. Берега не берега — сплошь осока густая. Темная гладь реки усыпана кувшинками, лилиями. А луга вокруг — будто изумрудом усеяны. На песчаной проплешине маячит стайка голопузых загорелых ребятишек. Они лезут в речку, барахтаются в торфяной воде, на кувшинки, лилии не глядят. Городские девчонки приедут — не надвигаются: визжат, хохочут, если удастся какой из них зайти в воду и прямо возле бережка сорвать лилию...

Нет, не ведают деревенские сорванцы, каким богатством владеют, какая благодать вокруг них. Они больше насчет окуньков, сорожки и подлещиков соображают (забредает сюда рыбешка из Шексны), мастерят свои немудреные снасти, забрасывают, но терпения рыбацкого у них нет, быстро сматывают лески и бегут на новые места. «Эх, несмышлениши! Разве рыбу так ловят? Распугаешь только...»

Машина гулко вкатывается на мост.

Ба, опять перил нет. Кто же это их? Здешних трактористов я всех знаю наперечет. Но сразу не сообразишь, кто напакостил. Хотя нет, почерк, кажется, знаком. На дороге — свежая бороздка, прочерченная тракторным плугом. И по настилу будто стругом прошлись.

Не иначе, как Владимир Заметаев. Шальной парень, с норовом. Но теперь вроде бы остепенился. Женится на учительнице, хозяйство свое стал заводить...

— Эх, дурной! Плуг не мог поднять, — не сдержавшись, говорю вслух.

Шофер смотрит и не понимает, кто это «дурной».

— Да есть тут такой, Заметаев. А еще Миша Галичев был. Тоже, бывало, работает — любо-дорого поглядеть, а поедет — плуг забудет поднять...

Проскочили кладбище. Возле самой дороги — холмик

зеленый. Тополь над ним вымахал — раскудрявился, шумит листвою. А давно ли тут хоронили Метелкина, председателя ревизионной комиссии. Статный был старик, осанистый, заметный: борода пышная, огненно-рыжая, а глаза черные, с веселой лукавинкой, так и сверлят. Как сейчас, помню его глаза...

...Машина легко берет небольшой подъем и, не сбавляя скорости, катит мимо скотных дворов, расположенных вдоль дороги. На дворах в это время никого: стадо в поле, а доярки косят зеленую подкормку.

Проскочив переулочек, резко тормозим: выбрались на центральную улицу, где дорога перекопана, загорожена высоким земляным валом. Здесь, на главной усадьбе, колхоз сооружает водопровод. Шофер осторожно ведет машину обочиной, пересекает канаву по шатким мосткам и останавливается возле конторы. У крыльца толпится народ. Тут же и председатель — Бухонин.

— Здоровы были, мужики! Чего так улицу разворотили?

— Уж и разворотили! — смеется Бухонин.

— Сам, поди, планировал?

— Где сам! Бурводстрой. Да разве знал, что так перекопают? Знал бы — не стал с ними и связываться.

От шутки Бухонин переходит к делу:

— Уборку ржи заканчиваем. Может, поедем в поле?

— В поле так в поле.

— За время, что я секретарствую, это вошло у меня в привычку: едва приеду — в поле.

Снова «газик» колесит по разбитым полевым дорогам, осторожно пробирается лугами, шуршит по стерне скошенных хлебов.

В «Заре» — семнадцать с половиной тысяч гектаров. Из них пашни — четыре тысячи семьсот. Есть где разгуляться технике. На уборку зерновых выходит более десятка комбайнов. Работают они и групповым и одиночным методом, где как поле позволяет. За каждым звеном закреплены грузовики — отвозят зерно.

У старосельского поля мы останавливаемся. Большое, ровное, оно сейчас являет собой внушительное зрелище. Три комбайна плавно движутся друг за другом, грудью наступают на высокие хлеба. С каждым их проходом по кругу ржаной загон становится все уже и уже. Снуют по полю верткие копновозы, стаскивают свежую золотистую солому в скирды на край поля.

К нам подходят бригады с агрономом. Они прибыли

на это поле поздравить механизаторов с окончанием уборки озимых. Такова здешняя традиция. А там день-другой на техход, и даешь яровые! Комбайны далеко от нас, ушли на последний разворот, и в ожидании их мы разговариваем.

— Ну как, Галя? — спрашиваю я агронома. — Не плачешь теперь?

— Ой, что вы... Не до этого, — улыбается она.

Галя — студентка четвертого курса агрофака. Весной с нею произошел небольшой курьез.

Поехали мы с Бухониным проверять посадку картофеля. «Заря» раньше не славилась урожаем пропашных культур, и мне было интересно знать, что предпримет новый председатель, какую агротехнику введет. Бухонин, по образованию агроном, три года был главным в колхозе «Шексна». А «Шексна» знает толк в картофеле, по двести центнеров и более снимает с гектара.

Поле, где велась посадка картофеля, было ровное, хорошо разделанное, заправленное навозом. Нога тонула в рыхлой почве. За трактором бегала девчушка в зеленой косынке.

— Это кто у вас?

— Студентка на практике.

Мы с Владимиром Дмитриевичем Бухониным ходили по полю, проверяли густоту посадки.

Девушка в зеленой косынке подбежала к нам.

— Часто или редко? — поинтересовалась она.

— Тебя как звать-то? — спросил я.

— Галя.

— Ну вот что, Галя, надо не ворон в поле считать, а следить за агротехникой. Видишь, как высаживает машина? Где густо, а где пусто.

Студентка отвернулась, на глазах — слезы.

— Да что ты, Галя. От всякого замечания плакать, — стал утешать ее Бухонин.

Мы остановили трактор, начали выяснять, в чем дело. Семена в бункере сажалки оказались неотобранные, клубни изрезаны вдоль. Председатель дал указание заменить посевной материал.

— Удобрение вносите?

— Да, — все еще всхлипывая, сказала Галя. — Вносим по восемьдесят килограммов гранулированного суперфосфата.

— Маркер у вас, кажется, не отрегулирован...

Проверили. Сантиметров на шесть укоротили штырь.
— Вот так, Галя. А реветь студентке четвертого курса стыдно.

— Да это у меня как-то так получилось...

Теперь девушка не кажется робкой. Она загорела, возмужала, выглядит бойкой и даже задиристой. Растет, молодежь!

На краю поля, чихнув, останавливается мотоцикл. Прибыл секретарь парткома колхоза Чистяков. Размашистым шагом он направляется к нам. В руках у него красный флажок.

— Чего, Михаил Иванович, в конторе отсиживаешься? Секретарь райкома в поле, а он все заседает.

— Да вот, итоги подводил.

— Итоги подводи по вечерам. А днем будь в гуще событий, с людьми.

— Поспеваем и в гущу,— смеется Чистяков.— Пойдемте, поздравим комбайнеров,— показывает он красный флажок и сверток.

Но поздравлять ребят мне не пришлось. Из деревни приискал верховой, требуют к телефону.

Но вызов оказывается не срочный. Инструктор обкома интересуется ходом уборочных работ в районе, советует завтра никуда не уезжать.

— Что случилось?

— Нужно поговорить о перспективном плане организационно-партийной работы. Внести кое-какие изменения.

— Так для этого заворготделом есть, он сейчас на месте.

— Нет, с вами лично нужно переговорить.

И потом, помолчав, инструктор намекает, что и мне бы следовало находиться сейчас у себя в кабинете.

— А что случилось?

— Ничего не случилось. Но в обкоме с утра все снуют и бегают.

По прошлому опыту знаю, почему там «снуют и бегают». Кто-то дает «раскрутку». Надо спешить в райком.

Машина вертко бежит по дороге, выбирает места поворнее. Юра Алексеев, мой шофер, жмет на все педали. Водитель он классный и дороги районные знает, как свои пять пальцев. Не было случая, чтобы машина где-то надолго застревала. К помощи со стороны Юра никогда не прибегает. В ход пускаются лопата, цепи, трос, всякие приспособления, но за трактором шофер не пойдет. Будет вы-

бираться из трясины подручными средствами. И выберется. В этом я уже не раз убеждался.

Выскочили на бетонку. Мотор загудел ровно и монотонно, тугая воздушная волна упруго ударила в лобовое стекло и натянутый тент, захлопали дверцы, словно по ним выстрелили дробью.

Под свистящий шелест колес хорошо думается...

Ох уж эти раскрутки, телефонограммы, решения, срочные распоряжения, указания.

— Почему хлеб плохо идет на базу хлебопродуктов? — звонок.

Хватаешься за сводку.

— Картофель давайте. Жмите на картофель! — другой звонок.

Хватаешься за другую сводку.

Или:

— Шефы едут. Примите шефов.

Звонишь в колхозы, совхозы — просишь встретить. Поторапливаешь телефонистку, а она в конец зашилась, вызывает то больницу, то склад Сельхозтехники. Бросишь телефон, бежишь в гараж.

— Давай, Юрий, заводи машину.

А то вдруг и указание и разнос — разом:

— Вы что там сидите — за уборкой хлебов животноводства не видите? Молоко полетело!

«Молоко полетело» — значит, показатель по молоку снизился. Собираешь руководителей хозяйств, секретарей парткомов, специалистов, делаешь соответствующее «вливание». А коли взялся за животноводство, да еще накануне перевода скота на стойловое содержание, видишь, что и дворы в некоторых хозяйствах не отремонтированы, и строители со сдачей новых объектов задерживаются, и с механизацией нелады...

Дальше — больше, и становятся перед тобой новые проблемы и вопросы. И с подготовкой школ к новому учебному году не все в порядке, и больницы на зиму без дров как бы не остались, и жилищное строительство на селе медленными темпами идет... Ух, мать честная, сколько важных дел чуть не упустил из виду!

Планируешь на завтра, послезавтра проверить все эти вопросы, заострить их на бюро, на совещании. Но из обкома спешит новая депеша: завершить комплектование сети политического просвещения, организовать семинары пропагандистов.

Снова вызывай актив, снова «подкручивай»...

За окном, глядишь, хлещет дождь, погода совсем раз-
ненастилась. Руководители с мест, только что с поля, ото-
рванные от хозяйственных дел, сидят угрюмые, недоуме-
вают: «Пошто созвали?»

— О политучебе, слышь, речь пойдет...

— Политучеба — дело нужное. Да ведь не овес, не
осыплется. Чего колготят спозаранку?

Посмотришь на ворчуна строго:

— Тише, товарищи.

А что — тише? Прав ведь он. Если толком разобрать-
ся, так вся эта суетная толкучка происходит от неумения
планировать свое и чужое время. Когда у человека на шее
десять дел одновременно, тут уж не до того, чтобы вы-
полнить их, тут — лишь бы формальности соблюсти.

Надо, ох надо нам скорее научиться такому планирова-
нию... Только так можно облегчить сложный труд сель-
ского руководителя.

«Газик», лихо притормозив, прямо с автострады сво-
рачивает к переезду и, проскочив железнодорожное по-
лотно, круто берет в гору. Поселок Шексна стоит на вы-
соком холме. Отсюда глазу открывается широкий простор.
Синеет вдаль Шекснинское море, видны сооружения шлю-
за, плотины ГЭС. Два высоких ажурных моста, соедини-
вших берега могучей водной артерии, дополняют этот
индустриальный пейзаж. По одному из мостов прореза-
ется серой лентой автомагистраль, по другому проходит
железная дорога. А под ними день и ночь беспрестанно
проплывают белоснежные «пассажирки», проносятся бы-
строходные «ракеты», снуют верткие катера, шлепают ме-
дленные буксиры с гонками леса. Это — Волго-Балтийский
канал.

...В приемной меня ожидают посетители. По заведенной
традиции они приходят сюда рано утром, чтобы застать
секретаря, или к концу дня, когда он может возвратиться.
Рабочий день секретаря райкома проходит большей частью
в разъездах.

Беседовать с сельским человеком совсем непросто. Кре-
стьянин ведь никогда ничего не скажет прямо, что назы-
вается, в лоб. Ему представляется, что руководитель рай-
она должен хорошо помнить его деревню, всех ее жителей.
А поэтому повествование начнет издали: он тебе сперва

расскажет про соседей, об их наклонностях и причудах, о том, что сказал один и что об этом подумал другой, какая хворь приключилась у бабки Матрены и какое влияние все это оказало на ход событий... Ваше нетерпение может привести к тому, что рассказчик постарается начать все сызнова.

— Так что у вас, бабушка, случилось? Расскажите по порядку.

— ...Вот я и говорю, милой, соседу-то своему: «Оставь межу пошире». А ему — нет, земли все мало, притесняет... Клеверок ему мой понравился. А я его, родимый, весь прополола. Летом скошу пораньше — отавку жду. А осенью, глядишь, еще раз скошу. Коровы-то я лишилась, не в силах держать, так двух коз пустила... Еще ярочку у Антипики облюбовала, авось к зиме столкнемся-сговоримся в цене...

— Ну, а сосед-то, он что, межи не признает? Сходите в сельсовет, пожалуйста.

— И-и, касатик ты мой, куда уж мне по сельсоветам. Стара ногами-то...

Мне становится весело от этих слов: в сельсовет стара, а до райкома добралась. Но бабушка догадалась, что невпопад сказала. Она наклоняется к столу и заговорщицки шепчет:

— У соседа Ивана есть сестра Полинария, а ейная дочка в сельсовете том сидит, счетоводничает...

Понятно. Звоню в сельсовет, требую немедленно установить точные границы бабушкинского владения...

В дверь шумно протискивается полная женщина. Не дойдя до предложенного стула, начинает плакать. Уговаривать в таких случаях бесполезно. Даю минуту-две выплакаться, потом спрашиваю, что привело ее ко мне.

— С квартирой меня обидели.

Квартирный вопрос требует максимума осторожности и внимания. Прошу успокоиться и рассказать, в чем дело.

— На «Музыке»* я работаю. Подошла очередь, бытовая комиссия утвердила список, а завком отказал.

— Может быть, основания есть?

— Какие же основания? На комиссии почти весь завком присутствовал и директор был.

Выходит, в одном месте они голосовали «за», а в другом — «против»?

* Завод «Музлесдрев».

— Вот-вот, так оно и вышло.

Звоню на завод, спрашиваю, как соблюдается очередь на жилье, почему изменили первоначальное решение.

— Механизаторы нам сейчас нужнее. Если их не удовлетворить, уйдут с работы,— отвечают в завкоме.— А эта женщина — повар.

— Ну уж, простите, у вас не логика, а черт-те что! А если завтра повара подадут в отставку?

— Можем заменить.

Ах вот как! Вызываю инструктора и даю задание проверить практику распределения жилья на заводе. Женщина уходит довольная, вполне уверенная, что ей дадут положенную квартиру.

Прием не окончился, за дверью у меня сидит дед, наверное, о пенсии пришел хлопотать. По телефону я прошу второго секретаря принять посетителя. Однако дед бастует, не хочет ко второму. Приходится выслушивать и его.

— Я вас долго ждал, товарищ секретарь. А вы меня к другому отсылаете,— недовольно выговаривает он мне.

— А почему, дедушка, именно ко мне хотите?

— Ты главный, ты приказать можешь.

— Нет, приказывать не могу.

Дед не смущается. Он пристально разглядывает меня. Сидит рядом, опирается ладонями на суковатую клюку.

— Ну, как хошь. А только скажи, чтоб добавили пенсию. Я председателем был, колхозы организовывал. А мне, как и всем, двадцать рублей положили.

— Значит, больше нельзя пока.

Старик наклоняет сивую голову, долго о чем-то думает, а может быть, вспоминает свою жизнь, свои заслуги перед колхозом. Собеседник из него явно никудышный. Выражение лица у него то и дело меняется, видно, в голове рождаются какие-то мысли, тревожат его, но никак он не может ухватить их, не умеет высказать. «А может, дед и впрямь заслуженный»,— говорю сам себе. Начинаю расспрашивать.

— У вас какие-нибудь бумаги есть, дедушка?

— Нету бумаг. Сгорел я еще до войны. Все пропало.

— А было что-нибудь?

— Как не быть. Грамоты были, свидетельства за опыты. После войны медаль «За доблестный труд» дали.

Вызываю заведующую райсобесом и прошу внимательно разобраться со старым колхозником. Может, какие ар-

хивы отыщутся, а может, позвонить в колхоз, добавят они пенсии... Старик согласно кивает. Дара речи он теперь совсем лишился, только из глаз выбегает старческая слеза.

— Не расстраивайся, дедушка. Я обязательно поговорю с вашим председателем.

Он уходит вместе с заведующей. А я встаю и долго хожу по кабинету, все не могу успокоиться...

Заведующий общим отделом приносит мне папку бумаг. Послезавтра бюро, надо подготовиться. Однако углубиться в чтение документов не удастся — постоянно трещат телефоны, на световом табло загорается то один, то другой глазок.

— Первый секретарь? Вологда вас вызывает. Будете говорить с первым секретарем обкома.

Ага, вот оно, начинается!.. Не зря предупреждал меня инструктор. Я догадываюсь, о чем будет разговор. Спешно раскладываю на столе разные сводки, отчеты, достаю из кармана увесистую записную книжку.

— Здравствуйте, товарищ Кузовлев. Как дела в районе?

— Нормально, Анатолий Семенович. Рожь закончили. Только что из «Зари» — там последний клин добили.

— Зерна сколько сдали?

Сводка мне не требуется, я помню цифру.

— На третий план пошло.

— Хорошо. Яровые не начинали?

— «Шексна» косит «пиркку»*. Урожай у них хороший. «Пиркка» в бригаде Кадыкова дает с отдельных площадей до сорока центнеров.

— А кировцы?

— Кировцы еще не начинали. Они ведь затянули нынче с севом, поэтому яровые у них не успели.

— Смотрите, «не успели», — выговаривает недовольно секретарь обкома. — Провороните время, уйдут яровые под снег.

— Нет, постараемся не пустить под снег.

— А с картофелем как?

— «Шексна» приступает к копке...

Секретарь обкома не любит общих докладов, у него хорошая память, он знает все колхозы, многие бригады и помнит даже некоторые поля. Поэтому стараюсь говорить конкретно.

* «П и р к к а» — сорт ячменя.

— Вы чего-то с молоком опять вниз пошли,— переводит Анатолий Семенович разговор на другую тему.— И весной топтались, и сейчас я у вас успехов не вижу.

Я ждал этого вопроса. С молоком у нас действительно «пошло вниз».

— Ну, чего молчишь? — напоминает о себе секретарь обкома.

— А чего говорить... Плохо работаем.

— Плохо. Я и сам вижу, что плохо.

— Провели на днях совещание...

Но, чувствую, что зря бухнул про совещание, лучше бы и не упоминать о нем.

— И-и, совещание! Не на совещаниях коров доят. В поле, на пастбище.

— Знаю и это.

— Знаешь, а говоришь что? Поправить с молоком... Проверить на местах работу животноводов. Усилить кормление.

Обещаю проверить, усилить...

— До свидания.

Я долго еще смотрю на телефонную трубку, потом тихо кладу на аппарат. Нажимаю кнопку вызова технического секретаря.

— Слушаю вас.

Секретарша ждет приказа, но в то же время поглядывает на ручные часики. Вероятно, ее рабочий день закончился.

— Приготовьте мне машину...

ПУТИ- ДОРОГИ

В народе говорят: «Волка ноги кормят». Ну а секретаря сельского райкома — дороги. Да-да, дороги! Обыкновенные проселочные дороги, которые бегут через поля и веси и обязательно приводят к какому-нибудь жилью.

Асфальтовые — тоже хорошие, но похуже. Шофер прибавит скорость — замельтешит все перед глазами, ничего не увидишь. А по проселочным — куда как добро. Длинные дороги что тебе университеты. Пока добираешься до села — готовишь в уме выступление; возвращаясь до-

мой — доводишь до логического конца споры, которые только что вел, анализируешь увиденное, услышанное, берешь хозяйственные недочеты на заметку. Длинные дороги еще тем хороши, что обо всем успеваешь передумать — о радостном и плохом — и по сторонам успеваешь смотреть.

Выедешь в поле, на широкий простор, — то-то отрада душе! Особенно по весне, когда в поле работают механизаторы. Попросишь остановить машину, выйдешь. А механизаторы — народ задиристый, на язык острый. Такой иногда получается разговор! Однако за шуткой они и дела не забывают.

Сеять первыми в районе обычно выезжают механизаторы колхоза «Пример». Поля у них не больно просторные, все горюшки да увалы, и камня до лешего. Но трактористы здесь такие, что всегда что-нибудь изобретут-придумают. Председатель «Примера» Валентин Арсентьевич Ермичев нашел подход к своим ребятам. У него молодежь держится, после службы в армии возвращаются домой. Но и этого с виду удачливого сельского вожака постоянно одолевают какие-нибудь житейские тревоги.

— Возвращаться-то возвращаются... — говорит он. — А дальше что? Девчат в колхозе нет... А это не фунт изюма, в магазине не возьмешь. Вот и тянутся ребята в город, за невестами, значит... А из города не всякая позволит себя умыкнуть. Вот ведь оказия какая...

— Ну и что думаешь делать?

Ермичев не торопился с ответом. Соображает. Медленно покачивает головой, собирая морщинки на лбу, прищелкивает языком. Говорить начинает обычно издалека.

— Пробовали мы всяко. На фермах механизацию попробимся вводить. В прошлом году двухсменку на двух дворах организовали... А все равно не заманишь этим девчат, ни на какую двухсменку не поддаются. — Он хитро улыбнулся, и у него такой вид, будто девчата тем, что «не поддаются», только радуют его. — Надумал я вот что испробовать...

И обстоятельно, не спеша Ермичев начинает излагать свой новый план. Оказывается, он закупил два комплекта строительных деталей для тепличного хозяйства. Вот только подрядчиков пока не найдет.

— В теплице работать — что на фабрике. Под стеклянной крышей. Как думаете, согласятся девчата?

— Наверное, согласятся.

Но Ермичев в думах своих, видно, давно определил,

что девчата с удовольствием станут работать в теплицах.

— А будут в селе девчата — останутся и парни, — решительно говорит он.

Толковый председатель Ермичев. Колхоз его еще недавно числился в отстающих. Встретятся, бывало, председатели и начнут подтрунивать над тремя «лесными» колхозами, к которым и «Пример» относится:

— В «Дружбе» дружбы никакой нет, «Согласие» с соседями в мире не живет. А «Пример» — никому в районе не пример.

Но так было до Ермичева. Теперь «Пример» пошел в гору, с размахом начал строиться, по урожайности обогнал середняков и вплотную подступил к передовым хозяйствам, таким, как «Шексна», «Заря», колхоз имени Кирова. К Ермичеву зачастили делегации из соседних колхозов. И один из первых вопросов, который задают председателю, — как удерживается у него молодежь?

Однако и у этого хозяйства есть свои трудности, свои проблемы. Как-то поехали мы с Сергеем Михайловичем Кульпиным, секретарем парткома, в Малую Мушню, отдаленную деревню колхоза. Малая Мушняя — деревня подлесная, славилась когда-то и животноводством и льноводством. Лен выращивала на больших площадях и сдавала его самым высоким номером в районе.

Теперь посадки деревни сильно поредели, скотные дворы ее — где развалились, где вросли в землю — потерялись в бурьяне. Зашли мы с Сергеем Михайловичем в коровник. Пол наполовину сгнил, крыша прохудилась, залатана кое-как. Но коровы, к удивлению, — чистые, упитанные. Значит, уход хороший. Во дворе — никакой механизации, кроме автопоилок да старой подвесной дороги.

А в группе доярки Полетаевой буренушки прямо-таки отменные, хоть на ВДНХ вези.

— Сколько же вы надаиваете? — спросил я доярку.

— За день сто сорок — сто пятьдесят...

В группе пятнадцать коров, с коровы — почти по десять килограммов молока. Для последних чисел октября выходило совсем неплохо.

— А отелов?

— Отелилось пять да шесть в запуске.

Значит, дойных девять коров. Совсем хорошо.

Сергей Михайлович шепнул мне на ухо, что доярка — коммунистка, работает отлично, но вот беда: на собрания не ходит.

— Как же это вы, Мария Васильевна?

Но та в ответ только улыбнулась виновато.

— Вы уж меня освободили бы, право... Девятнадцать лет я у коров, через год на пенсию. Дайте доходить...

— Да что вы, Мария Васильевна. Как говорится, бог с вами, работайте на здоровье. Но вы же передовая доярка, как же на собрания-то не ходите?

И тут старая доярка вдруг пригорюнилась и поведала, что подмены она не видит уже пятый, а то и шестой год. Ни подмены, ни выходных. Нет, она не жаловалась, она сообщала все это с какой-то виноватостью даже.

— Да и то сказать,—защищала она кого-то, наверное, руководителей бригады или колхоза,—некому идти на подмену-то. Обезлюдела деревня. Ни мальчика ни девчонки. Чуть подрастут—в город скорей...—Она погладила стоявшую рядом корову по холке и снова виновато улыбнулась.—А теперь и подрастать-то некому. Бабы рожать перестали.

Всю обратную дорогу из головы у меня не выходили эти грустные слова: «Бабы рожать перестали...»

Безусловно, одна из причин низкой рождаемости—в изменении социальной функции ребенка в семье. Раньше отец и мать смотрели на ребенка как на продолжателя рода, и в первую очередь—как на своего кормильца под старость, видели в нем будущего работника в семье. Теперь кормильцем стариков выступает общество. Общество же берет на себя и многие повседневные заботы трудовой семьи, которые раньше лежали на плечах подрастающих детей. Но в мелких, опустевших деревнях действительно стало некому рожать.

* * *

Эх, дороги, дороги! Сколько радости, печали и волнений таите вы в себе, сколько дум и тревог рождаете.

По дороге из села редко когда едешь один, все кого-то подсадишь. А посадил—значит, разговор завяжется.

Как-то летом, под вечер, возвращались мы из колхоза «Искра» Ленина». Впереди через дорогу только что прогнали колхозное стадо; взбитая пыль, медленно оседая, серым облаком затягивала с запада кромку неба. Солнце оттого сразу сделалось крупнее—будто огромный кровавый шар надавил на край земли.

Вижу, на обочине—человек. Сидит себе в пыльной

канаве, сам с ног до головы в пыли, а лицо в мазуте. Механизатор, конечно.

— Ты чего это развалился? Не хватил, часом?..

— Никак нет, не спал сутки.

— Залезай в машину.

Разговорчивый оказался человек, даром, что не спал. Правда, разморило немного — оттого и в канаву сел, передохнуть.

— А сутки-то не спал почему?

— Да как сказать... Ездил в подшефный колхоз. Директор наш наказал мне вырыть там траншею, дал срок три дня. А я не поспал — за сутки управился.

— Теперь домой?

— Отосплюсь и назад вернусь. Может, еще какую работенку подбросят. У меня «С-100», машина сурьезная. Попусту гонять нет расчета.

«Верно, расчета нет, — мысленно согласился я с механизатором. — Надо загрузить трактор, коли направили в подшефный колхоз из такой дали».

— Ты на «Музыке» работаешь?

Механизатор расхохотался:

— Точно. А откуда это видно?

— Оттуда, откуда возвращаешься. В «Искре» Ленина» ведь был? А там «Музлесдрев» шефствует. Давно в механизаторах-то?

— Да уж порядком. До войны еще начал... Вот, — выбросил он вперед правую руку, на которой недоставало двух пальцев, большого и указательного, — войны успел прихватить. А теперь прав на мотоцикл не дают. Разве это порядок?

— Выходит, нельзя без пальцев.

— А на тракторе можно? — построжел мужик.

— Не знаю. Смени профессию...

— Не... Чего мне ее менять. Вот колхоз на завод сменил. Это да. Раньше тоже в колхозе вкалывал.

— Чего же ушел? Не понравилось?

Попутчик мой покрутил головой в знак несогласия:

— Почему «не понравилось»? В колхозе работать можно. Вот вкалывать механизатору по шестнадцать, а то и по восемнадцать часиков приходится — это плохо.

— Ну уж, по восемнадцать. Загнул ты, дядя.

Но «дядя» уступать не хотел:

— Нет, не загнул. Работал, знаю. В колхозе оно как?

То тебе посевная, то сенокос, то уборка... А людей всегда нехватка.

— Что верно, то верно.

— И еще одно не понравилось в колхозе...

— Все критикуешь?

— Да, коль вспомнилось... Лошадь, видишь, народится — ей сразу паспорт. А человек вырастет, жениться пора, а все без документов. Разве это порядок?

Старый механизатор сошел у развилки дорог, через километр мы взяли нового попутчика, но я все думал над его словами: «Разве это порядок?» И вспоминался невольно случай в колхозе «Дружба».

Колхоз этот в лесном краю, отрезан от райцентра бездорожьем, все пять деревенок его рассыпались по правобережью Волго-Балта. Земли мало, большая вода отняла хорошие луга и пастбища. Потекли люди из колхоза. А летом вдруг возвращается солдат из армии. Валентин Иванович, председатель «Дружбы», — ходом к нему.

— Давай, парень, оставайся, я тебя на моториста выучу. Колхоз недавно катер купил.

Парень подумал, подумал да и согласился.

Как узнали родители, что парень решил остаться в колхозе, давай отговаривать. «Да что это ты удумал, — говорят ему. — Ты же в авиации служил, а теперь колхозником будешь. Без паспорта. Белены, что ли, объелся...»

Скис солдат. Но и слово дал председателю, нехорошо уговор рушить. Пошел он тогда в сельский Совет и предложил такой вариант:

— Дайте паспорт, чтобы утешить моих стариков. А я, даю честное слово, никуда не уеду.

На том и порешили: выдали паспорт.

Когда я был в «Дружбе», там снаряжали бригаду косцов на дальние луга. Моторист, оставив катер, вместе с другими колхозниками собирался на косьбу. С паспортом — и сам и старики успокоились.

Вот ведь какая это штука — паспорт!

Теперь положение изменилось. Третий съезд колхозников установил, что молодежь в шестнадцатилетнем возрасте сама решает, подавать ей заявление в колхоз или не подавать. Не подал заявления — ты не колхозник, следовательно, получай паспорт.

Дальновидные председатели колхозов давно поняли, что отказать в паспорте — значит отпугнуть молодежь от деревни, выдают паспорта всем, достигшим шестнадцати-

летнего возраста, выдают в торжественной обстановке, заодно проводят посвящение в хлеборобы.

Но, к сожалению, поступают так далеко еще не все...

И вот, мотаясь по дорогам, сколько их, молодых, встретишь за околицей села! Оставив родной дом, они с ожесточенной решимостью отправляются в неведомые дали. Причины разные. Одним подавай романтику; другим — просто паспорт, а коль получил его, так что не крутануть по свету: третьим — соответствующую их образованию специальность...

Как-то, завершив дела в селе Чаромском, вышел я к своей машине, глядь — а там уже и пассажирка сидит. Этакая словоохотливая бойкая деваха. Так и пышет задорным озорством.

— Можно, я с вами?

Спрашивает разрешения, а сама давно уже расселась, будто купчиха на базаре, — все заднее сиденье заняла сумками, свертками, кулечками и сама расположилась довольно основательно: сняла берет, распустила волосы, кофточку расстегнула.

Появился шофер, молча нажал на стартер, и машина тронулась.

— Куда же прикажете вас доставить? — осведомился я у пассажирки, чтобы, не дай бог, не увезти ее в обратную сторону.

— А мне в сторону Чуровского. Я ведь узнала, что вы в Шексну едете.

Ехать молча не пришлось. Девушка просто не могла молчать. Она была довольна складывающейся жизнью, своей ловкостью и удачливостью, и ей необходимо было поделиться переполнявшим ее чувством.

— Я, знаете, у геологов устроилась...

— Интересная работа?

— Д... — она запнулась, спрятала глаза. — Ну, не так чтобы...

На побегушках, значит.

— И какой же оклад положили?

— Да уж семьдесят пять-то будет, наверно.

Выходит, недавно у геологов, коль зарплаты еще не получала...

Выяснилось, что девушка только в этом году окончила десятилетку, живет недалеко от Чаромского.

— В институт — побоялась, решила сперва поработать.

— Ну а чего же в колхозе не осталась? Поработала бы с годов, колхоз в институт, глядишь, направил бы.

Но непрошенная попутчица резко оборвала мою агитацию:

— Фи! Колхоз наш — дыра!

И она начала с запальчивостью перечислять все те неудобства, которыми изобилует село, которых она вдоволь насмотрелась и от которых вдосталь натерпелась (это в семнадцать-то лет!). Одним словом, колхоз — дыра и ничто другое.

— Ну а что ты знаешь о своем колхозе?

Оказывается, девушка о нем ничего не знает, кроме того, что там «надой самые низкие». А о том, что «Советская Россия» заложила несколько дворов, строит теперь много жилых домов, во все бригады проложила новые дороги, а той самой школе-десятилетке, в которой девушка училась, выделила целый комплекс машин, 25 гектаров лучшей земли для опытного участка, моя попутчица и ведать не ведает.

— Может, это и так, — не сдавалась она, — а только все равно у нас не интересно.

Вот так. И доводов-то практически у нее никаких нет, а «не интересно» — и все. «Дыра!»

Да, в селе нет многого, но действительно ли родина этой девчушки — дыра? Нет! Это дыра в нашей воспитательной работе, дыра в системе сельской профориентации, в результате — дыра в голове у этой бывшей десятиклассницы.

Конечно, у девушки впереди еще вся жизнь, и ей хочется жить интересно, осмысленно. Только вот насколько ее работа у геологов интересней, осмысленней труда доярки?..

Да, человек волен выбирать. И должен выбирать. Но ведь надо объяснить ему, что свобода выбора без цели — это свобода пустить на ветер свою жизнь. Ладно, у парня там какого-нибудь талант математика, ему в университет надо. А что нужно этой девчушке в геологическом отряде? Разве только городской штамп в паспорте о месте работы.

Преобразовывать своими руками деревню, чтобы она стала по-настоящему современной, высококультурной, — да неужели это не почетное дело для всякого молодого человека? Но мы пока пишем и говорим в таком плане лишь о больших стройках (какого-нибудь крупного авто-

мобильного завода, например, или ГЭС), а о деревне... Когда мы советуем молодежи оставаться в деревне, то словно забываем о том большом и великом, что совершается в ней сейчас и к чему нужно бы приложить молодые руки.

ГУДИТ ЗЕМЛЯ

— Ну, братцы-строители, с вами не заскучаешь.— Директор совхоза «Любомировский» Николай Александрович Кармановский встал из-за своего стола, возбужденный и взъерошенный, и направился к выходу.— Всегда вы так. Спор — дым коромыслом. А комплекс не подвигается.

— Не от нас же зависит, Николай Александрович,— попытался на ходу урезонить его начальник стройколонны Петр Григорьевич Туровец.— Дорожники ведь задержали...

Дорожники — это районный межколхозно-совхозный Дорсельстрой, который ведет дорогу к строящемуся овцеводческому комплексу. Полотно они сделали, заканчивают отсыпку гравия, а вот строительство моста действительно затянули. Начальник Дорсельстроя Василий Викторович Майоров на планерке рьяно оборонялся, пытался доказать Туровцу, что мост строительству комплекса не помеха, можно и без моста обойтись.

— Как это? Как? — кипятился Туровец.— По воздуху летать прикажешь?

В споре не участвовал только директор мелиоративной станции Вениамин Забегаев. Начальник он еще молодой, а потому больше приглядывается, прислушивается. Но и ему этот чертов мост до зарезу нужен. Мелиораторы ведут в Любомирове большой объект, им постоянно приходится перетаскивать свои дренажники, бульдозеры с участка на участок и каждый раз — форсировать речку. Спор в кабинете по этому поводу до того накалился, что решено было перенести планерку к месту действия.

Выйдя из конторы, сели в машины и покатали по новой дороге. Навстречу пылили порошние МАЗы, КрАЗы. Они только что свалили, очевидно, гравий у моста и возвращались в карьер.

Подъехали к реке. На мосту работала бригада бетон-

щиков. Прораб направился в нашу сторону, быстро отдавая на ходу распоряжения.

— Мост почти готов,— доложил он.— Но ездить по нему недели три нельзя. Надо, чтобы бетон как следует схватился.

— Вот! А что я говорил? — опять загорячился Туровец.

Майоров, буркнув в ответ что-то относительно технических норм, ушел с прорабом осматривать перекрытие. Мост добрый, хоть колонну танков пускай.

Наше внимание привлек автокран, стоявший внизу, правее моста. Около крана суетился главный инженер стройколонны. Он делал отмашки — майна, вира,— вел укладку каких-то плит прямо на дно реки. Из-под настила торчали концы фундаментных блоков.

Туровец, присмотревшись, опрометью скатился с откоса.

— Ты это чего, Петров, удумал?

Главный инженер махнул крановщику рукой: стой!

— А, жди мостовиков. Они нам план сорвут...

Туровец растерянно посмотрел на кран, на плиты, повернулся ко мне — дескать, видите, как приходится выкручиваться...

— Смотрите у меня,— сердито буркнул он инженеру.— Плиты выдержат — скажу «молодец». Не выдержат — пеняй на себя. За твой счет вся эта самодеятельность пойдет.

Мы отправились на строительную площадку.

Комплекс расположился в полукилометре от реки. Стройплощадкой занята сейчас вся горушка обширного прибрежного поля. Совхоз «Любомировский», занимавшийся раньше, как и все хозяйства района, разведением коров ярославской породы, будет теперь специализироваться на выращивании романовской овцы. Такое решение созрело не только в кабинетах областных организаций. За последние годы овца на севере стала исчезать: колхозы и совхозы посчитали овцеводство невыгодным, неперспективным занятием, а потому под разными предлогами начали пускать овец под нож.

Да и то сказать, какие это были фермы?! В нашем районе только у колхоза имени Кирова была приличная отара в пятьсот голов, у остальных и до сотни не насчитывалось. Поэтому и решили создать в районе одно специализированное овцеводческое хозяйство. Выбор пал на любомировцев.

Года два назад сюда завезли шестьсот племенных ма-

ток, Любомировцы довели стадо до двух тысяч голов. Разросшийся гурт, правда, потеснил коров, пришлось спешно переоборудовать два новых коровника под кошары. Но зато каков результат! Совхоз стал получать в среднем на овцематку по два-три ягненка в год, а настриг шерсти довел до трех килограммов. Овцы стали давать солидную прибыль. Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии зачастили в совхоз ученые, аспиранты, начали ставить опыты по откорму валушков, ягнят-сироток...

Тогда-то и решили возводить в «Любомировском» овцеводческий комплекс на десять тысяч голов. Большому комплексу, ясно, потребуются обширные пастбища. Запроектировали осушение земель, расчистку закустаренных участков. На любомировские поля пришел отряд мелиораторов.

...Мы стоим на строительной площадке, где закладываются фундаменты двух просторных железобетонных корпусов. Отсюда, с высокого бугра, далеко просматривается местность. Грузные самосвалы вереницей идут и идут по пыльной дороге, далеко разбежались по полю экскаваторы-дренажники, прорезав ровные нити канавок, в которые укладывается дренажная трубка. Внизу, по обоим берегам реки, ползают мощные кусторезы, корчеватели, бульдозеры. Гул, рев — музыка большой стройки — разносятся в воздухе.

И вдруг прекратились всякие споры, мы остановились, словно зачарованные, — потому что нельзя было не заглянуться на панораму строительства, нельзя было не залюбоваться картиной обновления земли.

Гудит земля!

...Ну и денек выдался! Прямо повезло нынче на строителей. Не успел отряхнуться от любомировской пыли, зайти в кабинет, а в приемной ожидают проектировщики, заказчики бройлерной фабрики. Ничего не поделаешь, надо снова отправляться в путь.

Бройлерную фабрику мы решили «посадить» недалеко от райцентра, около бетонной дороги, что ведет на Череповец. Место высокое, от Волго-Балта в километре, не более, удобно будет разместить и производственный комплекс, и жилой поселок. Никакие промышленные осадки не помешают здесь птице, а птицы этой немало будет на фабрике — четыре миллиона голов. И давать бройлерный комплекс должен свыше десяти тысяч тонн птичьего мяса в год.

Михаил Степанович Танин, директор Птицепрома,— человек известный в области, увлеченный своим делом. Он приехал в район, чтобы самому оценить, удобно ли выбрано место для новой фабрики. Исходил вдоль и поперек отведенный участок, оглядел прилегающие уголья и дал наконец «добро».

— Значит, стоять здесь птицефабрике?

— Стоять!

Гудит обновляющаяся земля!

Каждый год в районе вводятся в эксплуатацию тысячи гектаров осушенных земель, полторы-две тысячи — поверхностно улучшенных, около пяти тысяч гектаров пашни проходят известкование. С помощью мелиораторов треста Мелиоводстрой и Сельхозтехники колхозы и совхозы вносят на свои поля 350 тысяч тонн органических удобрений — по восемь тонн на каждый гектар. А с заводов страны все идут и идут новые партии тракторов, комбайнов, автомашин, минеральных удобрений.

Будущее села — в его индустриализации. Тогда, вероятно, и молодежь будет после школы оставаться на родной земле, и отпадут многие из тех проблем, над разрешением которых мы бьемся сейчас. И — кто знает — может, тогда колос Севера поборется с колосом Юга!

...Пачевских земель теперь не узнать... Там, где раньше буйствовал ивняк, тянулись бесконечные топкие луга и ржавые болота, где лишь изредка встречались сырые оторфованные поля, изрезанные влагоотводными канавами на полосы и клинья, теперь раскинулось добротное широкое поле. Всего лишь два года поработали здесь машины мелиораторов, и исчезла докучливая топь, чересполосица, канавы, кудрявые заросли ивняка и ольховые куртины. Сонная речка Пишковка покинула старое русло с ленивыми перекатами и застойными омутами. Вытянувшись ровной лентой, побежала она веселей, а поле придвинулось к ее одернованному берегу и, перешагнув речку, покатилося дальше...

Дорога сбегает с невысокого холма, от обновленных построек центральной усадьбы колхоза. Это деревня Пача. Новые дома, один к одному, ровнехонько стоят посреди пахотного массива.

Мы стоим с председателем колхоза Владимиром Бухониным у края дороги, на высоте, любуемся открывшимся простором, неохватностью далей.

— Вот что делает техника! — восторженно произносит Бухонин.

Я молча смотрю на него.

Он стоит без кепки, распахнув легкую нейлоновую куртку с яркой застежкой, подставляет лицо весеннему ветру и солнцу. Но вот побежал к борозде, пощупал влажную землю. Выскочил на дорогу, зашагал, опустив руки в карманы брюк.

— Ширь-то какая будет! — разводит руками Бухонин. — Одно поле почти на три тысячи гектаров, а ведь у нас не Украина!

Я помалкиваю, пусть председатель выскажется. Поле уходит далеко за горизонт, прячется где-то в сизой дымке тумана.

— Участок Кичино — Соболино скоро закончим. Надо подбросить мелиораторам работенки еще, — мечтает вслух Владимир Дмитриевич.

— Не слишком ли ты торопишься? Есть в районе и другие хозяйства, тоже ждут мелиораторов.

Бухонин перебегает на другую сторону дороги, горячится:

— Другим тоже надо, вы секретарь райкома, вам виднее. А тут, посмотрите, какие земли! Сторфованные, низинные... Неужели им ждать десять лет очереди?!

Улыбаюсь я, глядя на молодого председателя. Он, уловив мой взгляд и иронию в голосе, тоже развеселился. По натуре парень он добрый, настежь открытый, хитрить совершенно не умеет. Думка про оторфованные земли глубоко засела в его голове, и он не первый раз насаждает на меня с требованием расширить мелиоративные работы в колхозе.

— Затраты окупятся быстро, — прямо-таки глотает он слова, спешит взять меня приступом.

— Быстро, говоришь?

— Через два-три года затраты окупятся с лихвой!

— Два-три года — тоже срок... Ты хоть считал выгоду-то?

— Конечно, считал! В прошлое лето была засуха, а на участке мелиорации мы собрали по двадцать три центнера с гектара. В удачный год дадим по тридцать!

— Это твердо? — ловлю Бухонина на слове.

Он чуточку мешкает. Слов Бухонин на ветер бросать не привык, и теперь соображает, что бы еще выпросить у

райкома партии, чем бы облегчить себе нелегкое обещание.

— А удобрений дадите? — задает он встречный вопрос.

— Ну и цыган ты, Бухонин. Будут тебе удобрения.

— Тогда тридцать центнеров с гектара мы гарантируем.

Председатель успокаивается. А я сажусь в машину, еду в райцентр. Мне надо бы еще заглянуть в колхоз «Шексна»: там тоже новый председатель, по образованию агроном, экономист, да еще инженер-механик. Башковитый мужик! Хорошие подрастают в районе кадры. Также у него разные идеи. Загорелось построить животноводческий комплекс на девятьсот шестьдесят коров. Проектный институт принял заявку, готовит документацию. Изыскатели приехали уточнять местоположение комплекса, могут сменить площадку под строительство животноводческого городка. «В районе деревень Потеряево и Остров есть удобные земли,— думаю я,— но их надо бы расчистить от перелесков, да осушить, да объединить в один массив под культурные пастбища».

Шофер гонит машину по просохшим полевым дорогам, что-то мурлычет себе под нос, а я гляжу в боковое окно на поля, на луга и пастбища...

Нынешние колхозы растут, богатеют, быстро строятся. Проблемы, конечно, тоже не отступают, идут следом. Но современные проблемы совсем иного плана и размаха. О чем ныне вздыхают или даже кричат на собраниях?

— Не хватает удобрений!

— Подбросьте техники!

— Негде стройматериалов добыть...

— Молодые девушки не хотят в доярки идти...

Я сравниваю прошлое с настоящим. В 1955 году мы, двести сорок тридцатитысячников, приехали из Москвы и Подмосковья в Вологодскую область. Тяжелое тогда было время для деревни. Не только тракторов, а лошадей, сбруи не хватало. Урожаи собирали низкие, многие колхозы весной не имели своих семян...

Размышляя над прошлым, я думаю, что ведь без прошлого не было бы и настоящего, как без настоящего не может быть будущего.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иван Филоненко.</i> Неоконченные записки	3
Соленая наука	9
Колос Севера	179

**Дмитрий Михайлович
Кузовлев**

ДО КОНЦА ЖИЗНИ
Записки тридцатитысячника

Редактор *Е. Чернов*
Художник *А. Сергеев*
Художественный редактор *Г. Саленков*
Технические редакторы
Л. Демьянова, Н. Ганина
Корректоры *И. Попова, А. Володина*

ИБ № 4803

Сдано в набор 20.11.86. Подписано
к печати 23.04.87. А07572. Формат
84x108/32. Гарнитура литер. Печать
высокая. Бумага тип. № 2 Усл. печ.
л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд.
л. 11,35. Тираж 65 000 экз. Заказ 308.
Цена 65 коп.

Издательство «Современник» Государ-
ственного комитета РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной
торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Совре-
менник» Росполиграфпрома Государст-
венного комитета РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной
торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

Кузовлев Д. М.

К89 До конца жизни: Записки тридцатитысячника/Вступ. статья И. Филоненко; Худож. А. Сергеев.— М.: Современник, 1987.— 205 с. ил. («Память»).

В трудные времена коммунист Дмитрий Кузовлев был направлен партией на работу в северную деревню. Журналист по профессии, деятельный по характеру, принципиальный, обладающий недюжинными организаторскими способностями, он быстро освоил новое дело и до конца жизни оставался верен ему.

Опираясь на богатый личный опыт, автор записок ведет взволнованный разговор с читателем о бережном отношении к обычаям народа, о сохранении и приумножении трудовых традиций, о воспитании любви к родной земле. В центре внимания Д. Кузовлева — проблемы северной деревни, быт и судьбы жителей Вологодчины,

К 4702010200—181
М106(03)—87 121—87

P2+65.9(2)32